МИНОБРНАУКИ РОССИИ
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Тверской государственный технический университет»
(ТвГТУ)

ВЕСТНИК ТВЕРСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ТЕХНИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Серия «Науки об обществе и гуманитарные науки»

Научный рецензируемый журнал

№ 3 (22), 2020

Тверь 2020

Вестник Тверского государственного технического университета: научный журнал. Серия «Науки об обществе и гуманитарные науки». Тверь: Тверской государственный технический университет, 2020. № 3 (22). 120 с.

Включает научные статьи, подготовленные на основе результатов исследований по группам научных специальностей «Философия», «Психология» и «Экономика», выполненных научно-педагогическими работниками Тверского государственного технического университета и учеными других научных и образовательных учреждений.

Содержание журнала представляет интерес для преподавателей социально-гуманитарных дисциплин, научных работников, аспирантов, магистрантов и студентов.

ТЕМАТИКА ЖУРНАЛА

- *Философская мысль*
- *Психологическое знание*
- *Проблемы экономики и управления*

Информацию о журнале можно найти в сети Интернет по адресу:
http://www.tstu.tver.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=2831:2019-01-21-07-26-34&catid=41:seriyatechnauki&Itemid=292

Журнал включен в систему Российского индекса цитирования
(адрес: http://elibrary.ru/title_about.asp?id=52841).

ВЕСТНИК
ТВЕРСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ТЕХНИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Серия «Науки об обществе и гуманитарные науки»

Научный рецензируемый журнал

№ 3 (22), 2020

Редактор С.В. Борисов
Корректор А.В. Смирнов

© Тверской государственный
технический университет, 2020

Содержание

ФИЛОСОФСКАЯ МЫСЛЬ 5

Потамская В.П. Введение в спекулятивную философию истории (статья 2) 5

Мартюшов В.Ф., Михайлова Е.Е. К вопросу об эпистолярной культуре студентов в условиях онлайн-обучения 13

Занегина Н.В. Истоки традиции «умыкания» 19

Крижовецкая О.М. Дендизм как транскультурный феномен 28

Егорова О.А. Философское прочтение «Ирландских мелодий» Томаса Мура и реминисценции наследия Мура в поэзии Михаила Лермонтова 34

Туманова О.И. Совещательная демократия как основа для развития гражданского общества 41

Морозова О.Ю. Система образования и legal tech в Республике Сингапур в перспективе формирования общества знания 46

Козлова Н.Н., Макаров А.А. Политика формирования идентичности в Европейском Союзе: проблемы, основные этапы, современное состояние 53

ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ЗНАНИЕ 59

Матвеева А.С., Гефеле О.Ф., Новожилова И.В. Психологическая характеристика моделей поведения сотрудников педагогических коллективов в конфликтных ситуациях 59

Торгованова О.Н., Сизова В.В. Способы концептуализации «выражения мнения» работниками организации в исследованиях зарубежных авторов 64

Похилюк Ф.В., Филиппченкова С.И. Особенности профессиональной деятельности организационного психолога: цели и принципы работы с персоналом 70

Ковалева С.В., Филиппченкова С.И. Роль руководителя в формировании социально-психологического климата трудового коллектива 76

ПРОБЛЕМЫ ЭКОНОМИКИ И УПРАВЛЕНИЯ 82

Яконовская Т.Б., Жигульская А.И., Бойкова А.Г. «Качество жизни» как индикатор «национального счастья» граждан в Тверском регионе 82

Карабачинский А.Л., Мезенцев Г.Н., Целуйко С.И. Область существования и математическая модель безналоговой экономики 89

Гараникова Л.Ф., Каракетов П.Г., Воронова А.А. Совершенствование управления качеством в сфере оказания спортивных услуг для детей 114

ПРАВИЛА ПРЕДСТАВЛЕНИЯ СТАТЕЙ ДЛЯ ПУБЛИКАЦИИ В ЖУРНАЛЕ 118

Contents

PHILOSOPHICAL THOUGHT **5**

Potamskaya V.P. Introduction to the speculative philosophy of history (part 2) 5

Martyushov V.F., Mikhailova E.E. To the question about the epistolary culture of students in conditions of distance education 13

Zanegina N.V. The origins of the «Abduction» tradition 19

Krizhovetskaya O.M. Dendism as a transcultural phenomenon 28

Egorova O.A. Philosophical reading of the Irish Melodies BY Thomas Moore and the reminiscence of the Moore's heritage in the poetry of Mikhail Lermontov 34

Tumanova O.I. Deliberative democracy as a basis for the development of civil society 41

Morozova O.Yu. The education system and legal tech in the Republic of Singapore in the perspective of the formation of a society of knowledge 46

Kozlova N.N., Makarov A.A. The politics of identity formation in the European Union: challenges, milestones, current status 53

PSYCHOLOGICAL KNOWLEDGE **59**

Matveeva A.S., Gefele O.F., Novozhilova I.V. Psychological characteristics of behavior models of teaching staff in conflict situations 59

Torgovanova O.N., Sizova V.V. Ways of conceptualization of «expression of opinion» by workers of organization in research of international authors 64

Pokhilyuk F.V., Filippchenkova S.I. Peculiarities of professional activities of organizational psychologist: objectives and principles of work with personnel 70

Kovaleva S.V., Filippchenkova S.I. The role of the leader in the formation of the social and psychological climate of the labor collective 76

PROBLEMS OF ECONOMICS AND MANAGEMENT **82**

Yakonovskaya T.B., Zhigulskaya A.I., Boykova A.G. «Quality of life» as an indicator of «national happiness» citizens in the Tver region 82

Karabachinskiy A.L., Mezentsev G.N., Tseluyko S.I. The region of existence and mathematical model tax-free economy 89

Garanikova L.F., Karaketov P.G., Voronova A.A. Improving quality management in the provision of sports services for children 114

ARTICLE RULES FOR JOURNAL PUBLISHING **118**

Вестник ТвГТУ. Серия «Науки об обществе и гуманитарные науки». 2020. № 3 (22). С. 5–12

ФИЛОСОФСКАЯ МЫСЛЬ

УДК 1 (091)

ВВЕДЕНИЕ В СПЕКУЛЯТИВНУЮ ФИЛОСОФИЮ ИСТОРИИ (статья 2)

В.П. Потамская

ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», г. Тверь

© Потамская В.П., 2020

Статья посвящена формированию спекулятивной философии истории. Рассматриваются основные характеристики линейных и циклических умозрительных субстанциалистских схем истории. История воспринимается как целостность, совокупность событий, структур, подчиненных единому конечному процессу развития.

***Ключевые слова**: история, законы, телеология, историзм.*

DOI: 10.46573/2409-1391-2020-3-5-12

Спекулятивная философия истории опирается на европейскую философскую традицию, берущую начало в философии Августина, которая выразилась в христианской концепции единой человеческой истории, основанной на Ветхом и Новом Заветах. С XVIII в. осмысление исторического процесса было секуляризовано, а провиденциализм был смещен верой в прогресс и силу Разума.

Интерес к философии истории осуществлялся и в рамках немецкой классической философии. Хотя историческая наука не входила в сферу главных интересов И. Канта, тем не менее он предложил понимание исторического процесса, близкое просвещенческим интеллектуальным поискам и выдержанное в духе теории прогресса [7, с. 90].

Философ не обладал оптимистичным взглядом на человеческую природу. По его мнению, «в конечном счете все в целом соткано из глупости, ребяческого тщеславия, а нередко и из ребяческой злобы и страсти к разрушению» [14, с. 57]. В связи с подобными особенностями необходимо «попытаться открыть в этом бессмысленном ходе человеческих дел цель природы, на основании которой у существ, действующих без собственного плана, все же была бы возможна история согласно определенному плану природы» [14, с. 57–60]. Тем самым историческое развитие обладает единой целью, к которой идут отдельные люди и народы, даже не осознавая этого. Человек как биологическое существо наделен разумом, направленным на выход за пределы природного инстинкта. При этом для развития разума, т.е. для движения от одной ступени к другой, необходимо обучаться и упражняться.

По мнению Канта, человеческий род в своем развитии стремится к достижению всеобщего правового гражданского общества, в котором максимальная свобода сочетается с принуждением соблюдать законы, что является итогом истории. Только в таком обществе может быть достигнута

высшая цель природы: развитие всех ее задатков, заложенных в человечестве [6, с. 61].

Прогресс историзма в конце XVIII в. способствовал тому, что развитие человечества стало определяться фундаментальным различием эпох, сопровождающихся многообразием специфических ценностей каждого общества. Историзм на протяжении его существования как парадигмы мышления выражался в концепции естественного многообразия человечества и мировоззренческих ориентиров, способов мыслить и ощущать окружающую реальность. Исходя из многообразия способов мироосмысления, локализованных во времени и пространстве, историки обратились к метафизическому представлению истории. Они рассматривали ее как «творящее становление: человек во времени создает духовные миры, которые являются его творением и вместе с тем его бытием» [1, с. 3–4].

В рамках историзма объектом исторического познания являлся характер человеческой культуры, обычаев, мировосприятия каждой исторической эпохи. Историзм позволил придать «текучесть жесткому мышлению в естественно-правовых категориях со свойственной ему верой в неизменность высших человеческих идеалов и в одинаковость человеческой природы во все времена» [12, с. 15].

В XVIII – первой половине XIX в. принцип историзма представлялся в качестве крупномасштабного, универсального обозрения исторического процесса, дополняющего эмпиризм событийных хроник в границах философии истории. Фундаментальным основанием гегельянской концепции являлся идеалистический панлогизм – обозрение исторического процесса как закономерного этапа развития абсолютной идеи [5].

Г.В.Ф. Гегель создал теорию исторического развития, и, по мнению Э. Трельча, «все прочие теории исторического развития выросли либо как отклонение от нее, либо как противоположение ей, но при этом они никогда не смогли устранить ее полностью» [14, с. 209]. В свою очередь, А. Шопенгаэур характеризовал философию Гегеля как шарлатанство и использовал в качестве эпиграфа шекспировские слова: «язык сумасшедшего и отсутствие мозгов» [15]. Сходную характеристику философии Гегеля предлагал и К. Поппер, рассматривая ее как одно из самых ярких проявлений ошибочной концепции историцизма.

Предметом исследования Гегеля являлась философская всемирная история. Мыслитель стремился создать абсолютную, рационально обоснованную систему ценностей, которая представляла бы исторические индивидуальности в логической последовательности, связи и завершенности [14, с. 115]. Гегель считал мышление единственно существующей реальностью. В предлагаемой логической конструкции всемирная история создавалась как завершение системы объективного духа, за которой следовал переход к духу абсолютному [2, с. 15].

Обращаясь к дефинициям научного поля данной темы, философ рассматривает несколько форм историографии: первоначальную историю, рефлективную историю, философскую историю. Именно философская история

направлена на изучение духа, который руководит ходом мировых событий [2, с. 63].

Трактовка истории Гегеля близка к телеологической, но место Бога занимает мировой дух. По сути, он рационализирует идею Бога, который у него представляется как идея, постигаемая с помощью разума. Гегель рассматривал историю как процесс развития духа свободы, который является не только трансцендентным, но и имманентным, и именно дух определяет в качестве изначальной точки истории свое появление. Поскольку разум господствует в мире, всемирно-исторический процесс реализуется разумно. Разум содержит в себе возможность, содержание и средства реализации для любой деятельности, являясь тем самым причиной и абсолютной конечной целью всемирной истории.

Концепция Гегеля носит универсальный характер, история предстает как единый разумный всемирный процесс реализации духа свободы: «Мир обнимает собою физическую и психическую природу; физическая природа также играет некоторую роль во всемирной истории... Но субстанциальным является дух и ход его развития» [2, с. 16–17]. Историческое развитие предусматривает постоянную борьбу старого с новым. Дух отрицает самого себя для того, чтобы на следующем этапе отвергнуть то, что является отрицанием прошлого на настоящий момент, подчиняясь тем самым закону диалектики. Сущность духа состоит в том, чтобы продвигаться из каждого положения в свою противоположность и снова восстанавливать единство противоположности с исходным положением [14, с. 213].

Вся философия истории Гегеля основывается на принципе, в соответствии с которым каждый исторический процесс диалектичен. В нем одна форма жизни, например Греция, порождает свою собственную противоположность, в данном случае Рим, и из этого тезиса и антитезиса возникает синтез, а именно мир христианства [7, с. 115]. Гегель стремился выстроить универсальный исторический процесс, включающий частное развитие в целое. Это абстракция исторического движения как такового, сочетающаяся с попыткой превращения его в некое четкое логическое понятие.

Х. Уайт характеризует диалектику Гегеля как попытку формализовать практическое мышление. «Когда люди соотносятся друг с другом в политике или в любви, они не соотносятся посредством силлогизма. Это является энтимемой. И большинство сочинений (большая часть современной речи) являются энтимемическими. Они не следуют правилам логической дедукции… И Гегель, и Дж.Ст. Милль осознавали, что необходим другой тип логики, чтобы говорить о практических делах, а именно логика праксиса. Логика праксиса не может следовать логике идентичности и непротиворечивости… Общества создают ситуации, в которых необходимо действовать на основании противопоставления. Следовательно, необходима теория репрезентации жизни, проживаемой в противоречии. Это позволит рассмотреть синтаксис реальной жизни. При исследовании нарратива люди, которые пытаются обнаружить его логику, допускают ошибку… поскольку смысл и факты в нарративе не являются большими предложениями. И грамматика может рассказать вам только о высказываниях, а не о дискурсе» [16, p. 90–91].

Гегель, будучи представителем этатизма и холизма, утверждал, что формой реализации духа в бытии является государство. История существует не для людей. Напротив, они существуют для истории, как и для государства [2, с. 50]. Поскольку человек реализуется в государстве, можно сказать, что он является существом государственным. Государство представляет собой божественную идею, предмет всемирной истории, в котором свобода существует и объективируется.

Субъектом истории является целостность – народный дух, в то время как индивидуумы являются проявлениями этого народного духа. Государственное устройство является реализацией единого духа, религии, искусства, философии, мировосприятия, культуры и географических факторов, представляет собой индивидуальное целое, поэтому может быть проанализировано во всей его целостности [2, с. 90–96]. Индивид, принадлежащий к определенному государству, усваивает субстанциальное бытие, которое формирует его образ мыслей и его способности, приобщая к миру народа в процессе социализации.

Последним этапом истории является время, современное Гегелю, в котором «мирское есть духовное царство в наличном бытии, царство воли, которая осуществляет себя. Ощущение, чувственность, влечения суть также способы реализации внутреннего мира, но в единичном и преходящем, потому что они составляют изменчивое содержание воли» [2, с. 443]. У Гегеля окончание истории наступает потому, что дух все в ней совершил и достиг полной свободы, у него не осталось нереализованных задач, и это полное осуществление свершилось внутри истории.

В первой половине XIX в. наследие Гегеля подверглось переосмыслению в свете динамики общественных изменений и развития естествознания, потребовавших трансформации способа мышления. В марксизме спекулятивная диалектика гегелевского типа была подвергнута критике, а диалектический метод предстал как способ постижения развития в сферах природы, общества и познания [14, с. 262]. В то время как Гегель отошел от исторического натурализма XVIII в., К. Маркс снова подчинил историю господству естественной необходимости, от которой Гегель объявил ее свободной [7, с. 121].

Если Гегель соотносил принцип историзма с духовными образованиями, то историзм Маркса охватывал сферы природы, общества и человеческого познания. Являясь продуктивным синтезом диалектического метода Гегеля и современной ему исторической науки, историзм Маркса применительно к общественной сфере связывал прогресс с развитием материальных производительных сил [5].

Фундаментальная установка марксизма состоит в признании первичности материального базиса и вторичности социального: «Не сознание людей определяет их бытие, а, наоборот, их общественное бытие определяет их сознание» [8]. В рамках марксизма общество рассматривается как система. Оно может развиваться как эволюционно (в зависимости от развития производительных сил), так и революционно (вследствие революций, вызванных борьбой классов-антагонистов за установление нового типа производственных

отношений). Люди в процессе общественного производства вступают в производственные отношения, которые соответствуют конкретной стадии развития материальных сил и не зависят от воли человека. На этой основе Маркс развивает формационное видение общества.

Каждая формация создается на экономической основе предшествующей в тот момент, когда производство, обмен, организация промышленности и земледелия, производственные отношения перестают соответствовать развивающимся производительным силам [10]. В общественной формации содержится определенное противоречие, заложенное в развитии производительных сил. Новые производственные отношения не появятся до тех пор, пока не возникнут материальные условия их существования в недрах старого общества.

История в ходе своего развития проходит ряд последовательных общественно-экономических формаций. Каждая формация имеет свои специфические законы возникновения и развития. Общими для формаций являются закон повышающейся производительности труда и закон стоимости. Базовыми ступенями исторического процесса выступают три большие общественные формации: первичная (общая собственность), вторичная (частная собственность) и третичная (общественная собственность). Вторичная собственность включает в себя азиатский, античный, феодальный и буржуазный способы производства, определенные на основе европейской истории. В догматическом марксизме можно выделить 5 типов: первобытную, рабовладельческую, феодальную, буржуазную и коммунистическую формации.

Рассматривая способы развития общества, Маркс пришел к выводу, что заключительной антагонистической формой общественного процесса производства являются буржуазные производственные отношения. Завершающей историю формацией является коммунистическая, следующая за окончанием борьбы пролетариата и буржуазии. Данная формация характеризуется коллективной собственностью, однако все же это общество, «которое только что выходит как раз из капиталистического общества и которое поэтому во всех отношениях, в экономическом, нравственном и умственном, сохраняет еще родимые пятна старого общества, из недр которого оно вышло» [9]. Окончание истории определяется устранением классовой борьбы, идеологии, освобождением от физического труда и уничтожением товарно-денежных отношений.

Создавая подобную концепцию истории, Маркс предполагал, что следовал научному методу в том, как он конструировал связи между тем, что случилось в прошлом, и тем, что представляется сущностью настоящего [17, p. 51]. Несмотря на то, что Маркс придавал истории объективный смысл, ряд мыслителей, например К. Доусон и А. Тойнби, усматривали в его концепции секуляризированный вариант эсхатологического истолкования социального развития. По мнению К. Доусона, «ни одна из этих секулярных религий не настаивала на чисто научном и нерелигиозном характере своих изысканий более упорно, чем марксизм... Его учение по существу апокалиптично – вынесение приговора существующему социальному порядку и миссия спасения бедных и угнетенных, которые получат воздаяние после социальной революции, в

бесклассовом обществе, выступающем марксистским эквивалентом тысячелетнего царства справедливости» [4, с. 259].

К. Поппер полагал, что историческое предсказание, осуществляемое в рамках марксизма, невозможно, поскольку непосредственное влияние на историю оказывает развитие человеческого знания, а научные способы не позволяют предсказать этого. По мнению Поппера, утверждение, что через несколько десятилетий где-либо произойдет революция, не содержит в себе достаточно сведений. «Маркс говорил несколько больше, чем это, и как раз достаточно для того, чтобы сказанное им могло быть фальсифицировано... Те, кто отказываются от возможности такой фальсификации, устраняют последнюю каплю эмпирического содержания из системы Маркса...» [13, с. 386].

Начиная с эпохи Просвещения складывалась и утверждалась традиция классического новоевропейского философского осмысления исторического процесса, в котором прошлое, настоящее и будущее связывались единой линией прогрессивного и непрерывного развития. Мыслителей этой поры вдохновляла вера в абсолютную мощь разума и его способность утвердить гуманистический вектор общественного развития, обнаружить его универсальную цель. Революционные события первой трети XIX в., а затем подъем революционного движения в 70-е гг. XIX в. поставили под вопрос рационалистический оптимизм просвещенческого теоретизирования. В границах постклассической западной философии со второй половины XIX в. складывается тенденция отказа от рационализма, гуманизма и прогрессистски-линейного историзма как основ осмысления динамики социокультурного развития.

Если в XVIII в. мир понимался как «порядок тождеств и различий», то XIX в. уподобил его «порядку времени», позволяющему сравнивать и сопоставлять между собой различные миры [11, с. 3]. Представители неокантианства, философии жизни, неопозитивизма поставили под вопрос возможность постижения глобального смысла истории, представляя ее осмысление как процесс, зависящий от активности субъекта и разделяемых им социокультурных установок. Постклассическая философия продемонстрировала радикальный разрыв с историзмом классического периода, выразившийся в отказе от рационалистического оптимизма, критике субстанциалистских схем исторического развития, утверждавших веру в необходимость прогресса и гуманистические ориентации, ставя проблему постижения истории в зависимость от усилий субъекта и культурной ситуации эпохи. Под вопрос были поставлены и глобальные утопические идеалы будущего, фундированные классическими метанарративными конструкциями истории [3, с. 30]. Все эти тенденции получили полное развитие на фоне событий XX в. с его революционными потрясениями, тоталитарными и авторитарными режимами, двумя кровопролитными мировыми войнами, вызовами неоднозначных масштабных последствий научно-технического развития и т.д. Новое тысячелетие, унаследовав многие проблемы предыдущего, сохранило и магистральный путь намеченной в его границах историософской рефлексии.

В целом спекулятивная философия истории, нашедшая свое наиболее яркое выражение в учениях И. Гердера, Г.В.Ф. Гегеля, К. Маркса, основывается

на европейской философской традиции, берущей начало в телеологических и провиденционалистских концепциях средневековья, позднее секуляризованных в той или иной степени. Согласно подобной концепции история воспринималась как целостность, совокупность событий, структур, подчиненных единому конечному процессу развития. Спекулятивная философия истории предусматривает интерпретацию исторического процесса, в котором философ стремится обнаружить скрытый смысл или исторические законы, и ассоциируется с историческим предвидением, т.е. попыткой предсказать и обосновать будущее на основе выявленного закономерного хода исторических событий.

Данному типу философского осмысления также свойственно раздвоение мира на две части: мир непосредственно воспринимаемых событий, т.е. мир происходящей истории; некий процесс или план, которому следует история человечества и который находится за пределами истории, но реализуется в ней. Таким образом, история интерпретировалась как стремление достичь чего-либо, что находилось за ее пределами. Сама по себе история в рамках спекулятивной философии являлась, по сути, метанарративной. Следует отметить, что в рамках спекулятивной философии истории прошлое и история как таковые не разделялись. Однако, как представляется, прошлое и история принадлежат к разным онтологическим категориям. Прошлое может быть определено как то, что однажды произошло и более не повторится, а история реализуется в повествовании, выстраиваемом в соответствии с определенными бытующими социально-культурными установками или идеальными типами, существующими в каждом обществе. Следовательно, есть, с одной стороны, прошлое, а с другой стороны – повествование о нем.

Библиографический список

1. Арон Р. Лекции по философии истории: курс лекций в Коллеж де Франс. М.: Либроком, 2012. 335 с.
2. Гегель Г.В.Ф. Лекции по философии истории. СПб.: Наука, 1993. 472 с.
3. Губман Б.Л. Смысл истории: очерки современных западных концепций. М.: Наука, 1991. 192 с.
4. Досон К. Христианский взгляд на историю // Философия истории. Антология / сост., ред. и вступ. ст. Ю.А. Кимелева. М.: Аспект-Пресс, 1995. С. 248–261.
5. Историзм. URL: http://iphras.ru/elib/1309.html (дата обращения: 20.03.2020).
6. Кант И. Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане // Философия истории: Антология / сост., ред. и вступ. ст. Ю.А. Кимелева. М.: Аспект-Пресс, 1995. С. 57–69.
7. Коллингвуд Р.Дж. Идея истории. М.: Наука, 1980. 486 с.
8. Маркс К. К критике политической экономии. URL: https://esperanto-mv.pp.ru/Marksismo/Krit/index.html (дата обращения: 10.12.2019).
9. Маркс К. Критика Готской программы. URL: https://www.marxists.org/russkij/marx/1875/gotha.htmhtml (дата обращения: 10.12.2019).
10. Маркс К., Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии. URL: http://www.agitclub.ru/front/mar/manifest.htm (дата обращения: 10.12.2016).
11. Межуев В.М. Идея всемирной истории в учении Карла Маркса // Логос. 2011. № 2 (81). С. 3–36.

12. Мейнеке Ф. Возникновение историзма. М.: Российская политическая энциклопедия, 2004. 480 с.
13. Поппер К.Р. Открытое общество и его враги. Т. 1: Чары Платона. М.: Феникс, Международный фонд «Культурная инициатива», 1992. 448 с.
14. Трельч Э. Историзм и его проблемы. Логическая проблема философии истории. М.: Юрист, 1994. 719 с.
15. Шопенгауэр А. Мир как воля и представление. URL: http://az.lib.ru/s/shopengauer_a/text_ 0040.shtml (дата обращения: 02.01.2020).
16. Jenkins K. Why history? Ethics and Postmodernity. L.: N.-Y.: Routledge, 1999. 233 p.
17. Munslow A. A history of history. L.: N.-Y.: Routledge, Taylor & Francis Group, 2012. 235 p.

INTRODUCTION TO THE SPECULATIVE PHILOSOPHY OF HISTORY (PART 2)

V.P. Potamskaya

Tver State Technical University, Tver

The article is devoted to the formation of a speculative philosophy of history. The basic characteristics of linear and cyclic speculative schemes of history are considered. History is understood as the integrity, the totality of events, structures, subject to a unified ultimate process of historical development.

Keywords: *history, laws, teleology, historism.*

Об авторе:

ПОТАМСКАЯ Вера Павловна – кандидат философских наук, доцент кафедры медиатехнологий и связей с общественностью ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», г. Тверь, Россия. E-mail: potamskaya.v@yandex.ru

Author information:

POTAMSKAYA Vera Pavlovna – PhD, Ass.Prof. of the Dept. of Media Technologies and Public Relations, Tver State Technical University, Tver, Russia. E-mail: potamskaya.v@yandex.ru

УДК 80:[378.147:004.738.5]

К ВОПРОСУ ОБ ЭПИСТОЛЯРНОЙ КУЛЬТУРЕ СТУДЕНТОВ В УСЛОВИЯХ ОНЛАЙН-ОБУЧЕНИЯ

В.Ф. Мартюшов, Е.Е. Михайлова

ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», г. Тверь

© Мартюшов В.Ф., Михайлова Е.Е., 2020

Поднимается вопрос о том, какие задачи должен ставить перед собой преподаватель высшей школы в условиях электронной коммуникации. Преподаватель и студент/магистрант рассматриваются как посредники между разными эпистолярными стилями. Преподаватель видится хранителем традиционного стиля электронного письма, а студенческая молодежь – создателем нового. Для наглядности приведены примеры, характеризующие эпистолярную культуру студентов в формате дистанционного обучения. В итоге выдвигается суждение о том, что в ходе учебной переписки преподавателя и студента формируются новые стандарты речевой коммуникации и новые выразительные средства, порожденные спецификой виртуального пространства.

Ключевые слова: *эпистолярная культура, преподаватель высшей школы, студенческая молодежь, дистанционное обучение.*

DOI: 10.46573/2409-1391-2020-3-13-18

Поводом для написания статьи послужила вынужденная работа в дистанционном режиме, вызванная чрезвычайными обстоятельствами пандемии. Практически в течение всего второго полугодия учебные занятия и летняя сессия в ТвГТУ, как и во всех высших учебных заведениях страны (и мира), проходили в удаленном формате (с использованием электронных средств коммуникации). В лексикон прочно вошло слово «удаленка». Новый контекст обучения потребовал и новые формы взаимодействия между преподавателем и студентом, новые инструменты и форматы контента. Более того, потребовалось переосмысление привычного пространства обучения, основанного теперь на тонком понимании удаленных обстоятельств коммуникации.

Преподаватели и обучающаяся молодежь (студенты-бакалавры, магистранты, аспиранты, стажеры) достаточно быстро освоили для проведения онлайн-занятий такие платформы, как Zoom, Google Duo, Microsoft Teams и др. Однако большую часть времени работа шла в формате электронной переписки: преподаватель высылал вопросы, ответы на которые студенты/магистранты должны были найти в учебнике или в тексте специально прикрепленной лекции. Собственно, такая практика переписки и послужила поводом для размышлений о том, как различается эпистолярная культура преподавателя и молодых людей, которые, за редким исключением, имеют слабое представление о жанре самого письма, особенно официального.

Письмо – это эпистолярный текст, позволяющий реконструировать систему взаимоотношений адресатов и ту информационную среду, в которую

они погружены. Как видно из литературы, эта проблема волнует не только филологов. Над формированием смыслов эпистолярной культуры работают философы, историки, психологи, маркетологи и представители других направлений знания [2–4, 7]. Исследователи отмечают две особенности эпистолярного жанра: он находится на стыке приватной и публичной жизни, а также представляет собой разницу в значимой информации между двумя семиосферами.

Если рассматривать первую особенность электронного письма студентов/магистрантов, то действительно невольно сталкиваешься с метками их приватной повседневной жизни. Например, староста студенческой группы Ксения Х. пишет, что у нее «полетел» компьютер, поэтому она не может передать задание сокурсникам, или староста магистрантов Анастасия В. пишет, что у нее на работе «аврал», поэтому сможет проинформировать группу с опозданием, только когда освободится и будет дома. Если рассматривать другую особенность письма как «встречу» двух разных семиосфер, то сразу же бросается в глаза поколенческая разница: корреспонденция молодого человека насыщена новыми культурными кодами – смайликами, нерефлексивными подписями (например, «с любовью, Виктория Р»), а иногда оказывается и вовсе без подписи, если письмо отправлено из Mail.ru для Android.

Электронное письмо с его имманентной семиотической сущностью носит рефлексивный, оценочный и эмоциональный характер, что, по мнению исследователей, дает возможность изучать не только системы знаков, но и их интерпретацию с позиции носителя кодов определенного времени и определенного социального слоя. Именно письма становятся одним из важнейших источников, демонстрирующих механизм продуцирования индивидуальных кодов: эпистолярный код осложняется индивидуальным, «авторским» кодом, как справедливо отмечает исследователь А.Н. Володин [1, с. 41].

Правила, сложившиеся в ходе дистанционной формы обучения, как известно, пришли к нам из сферы менеджмента и группируются вокруг следующих ключевых норм: взаимного соблюдения договоренностей; равной открытости; быстрого реагирования при коммуникации [7]. Нарушение этих правил досадно усложняет электронную коммуникацию. Практика удаленного обучения показала множество таких преград, мешающих установить сбалансированную взаимосвязь преподавателя и студента. Чаще всего негативные примеры связаны с недостаточной самодисциплиной студентов. Распространенной оказалась практика нарушения срока сдачи задания: старосте приходилось ждать ответы отдельных персон или высылать их не в общем пакете, а отдельным письмом. Некоторые студенты проявляли излишнюю назойливость, выраженную в «пустых» вопросах или уточнениях по поводу вполне понятного задания. К нашему удивлению, выявилось, что многие студенты не умеют правильно форматировать текст, присылая, например, свои ответы в трудночитаемом формате «блокнот», или вовсе в виде скриншота/фотографии, или просто вырезанный из чужого файла фрагмент текста. Письма без темы, файлы без названия и, разумеется, многочисленные

грамматические и стилистические ошибки – все это придавало не лучший вид электронной переписке.

Приведенный ниже пример хорошо иллюстрирует такую тональность [исходная стилистика и пунктуация сохранены. – *Авт.*]. «Здравствуйте, хочу поинтересоваться, у меня выходит на данный момент почти все оценки «отлично», и хотелось бы получить билеты для сдачи вашего экзамена», – пишет магистрант Роман К. Более того, этот фрагмент высвечивает еще один интересный нюанс электронной коммуникации – отсутствие у студентов такого речевого навыка, как обращение к преподавателю по имени. В обычной аудиторной работе такой факт, разумеется, тоже встречается, но выражен он не столь ярко. В живой коммуникации можно сразу попросить студента о двух вещах: для удобства разговора представиться самому и обратиться к преподавателю по имени-отчеству. Как правило, такая просьба успешно «работает». Почему выпадает имя из электронного письма – остается загадкой. Между тем имя, с точки зрения Льва Успенского, автора знаменитой книги «Ты и твое имя», это не просто слово, имя – это особенное слово [6]. Обращение по имени отражает не только вежливую форму вхождения в разговор, но и желание выстроить доверительные отношения с собеседником, подчеркнуть его значимость.

По свежим впечатлениям дистанционной работы со студентами/магистрантами можно определить достоинства и недостатки такой формы обучения. К очевидным достоинствам относятся такие результаты: сокращение времени на перемещение; сокращение расходов на транспорт; повышение самодисциплины всех участников электронной коммуникации (и преподавателей, и обучающейся молодежи); улучшение навыка четко формулировать задания и ответы; проявление равной открытости к общению; высокий уровень интерактивности и другие положительные свидетельства электронной коммуникации.

Среди недостатков стоит отметить разноуровневую эпистолярную культуру. Как правило, преподаватель, даже молодой, не заставший эпоху писем на бумаге и в конвертах, знает правила эпистолярного стиля и старается придерживаться их. Студент же, привыкший к общению с его односложными посланиями, хештегами, сокращениями и сленгом, неосознанно переносит такой стиль на коммуникацию с преподавателем.

Кроме того, выявились и проблемы информационного характера. Их можно сгруппировать в четыре вида: сужение информационного потока; ограниченность визуальной информации; недостаточный поток обратной связи; несбалансированность интеракций.

1. Сужение информационного потока. Контент дистанционного обучения сужает информационные потоки, соответственно, теряется та значительная часть информации, которая воспринимается вербальными средствами. Преподаватель чувствует, что студента сложнее заинтересовать, когда отсутствует вербальный контакт. Кроме того, есть риски, связанные с фактической информацией, передаваемой по электронной почте. Несмотря на то, что она считается достаточно надежной, всегда есть опасность неопределенности и неправильной интерпретации.

2. Ограниченность или полное отсутствие визуальной информации. Телефон и почта являются наиболее доступными, а потому и востребованными средствами общения со студентами/магистрантами, которые работают в удаленном режиме. Однако в самих текстах мало визуальной информации, поэтому приходится использовать вложения или ссылки.

3. Недостаточный поток обратной связи. Дистанционное обучение выявило новую опасность: рутина и насыщенный рабочий график отнимают много времени и сил, поэтому обратная связь откладывается или вовсе теряется. В связи с тем, что спонтанные контакты при дистанционном обучении затруднены, часть поводов, благодаря которым можно предоставить обратную связь или инициировать новое общение, просто исчезает. В реальной жизни контакты преподавателя и студента не ограничиваются лекционными аудиториями. Можно, например, встретиться и переговорить на кафедре, в библиотеке, даже в коридоре.

4. Несбалансированность интеракций. Практика электронной переписки показала, как нужна и позитивная (одобряющая), и негативная (развивающая) обратная связь. Первая помогает студентам понять систему оценивания их ответов и свой положительный рейтинг. Вторая помогает преподавателю разобраться с текущими индивидуальными ошибками его студентов, чтобы исключить их в дальнейшем. По общим ощущениям, в переписке наблюдался перекос в сторону негативной (развивающей) связи. Студент, разумеется, должен чувствовать признание его усилий, а не только слышать недовольство в свой адрес, способное демотивировать даже самого стойкого и ответственного.

Из приведенных примеров, как и из других, оставшихся «за скобками», видно, как важна эпистолярная культура для онлайн-обучения, как значима готовность всех участников диалога (и преподавателя, и студента) правильно использовать принятые фигуры речи и выразительные средства общения в ситуации учебной неопределенности. Преподаватель вуза – это не просто носитель знаний, а студент/магистрант – не просто их адресат и восприимчивый потребитель. Думается, правильнее рассматривать и тех, и других как посредников между разными эпистолярными стилями электронного письма. Преподаватель выступает хранителем традиционного стиля письма, а студенческая молодежь – создателем нового. В ходе переписки преподавателя и студента формируются новые стандарты речевой коммуникации и новые выразительные средства, порожденные спецификой виртуального пространства.

Дополнительные уроки, которые вынесли для себя авторы данной статьи как преподаватели, вовлеченные в практику дистанционного обучения, кажутся несложными, но важными:

1) желательно иметь два почтовых ящика, чтобы разделить почту на личную и деловую;

2) общаться со студенческой группой через старост или других ответственных лиц, не игнорируя при этом (в случае необходимости) и индивидуальные письма;

3) всегда обращаться к студентам по имени и на «вы»;

4) давать по почте развернутые ответы и комментировать оценки, чтобы избежать лишних вопросов в формате «а почему мне – 4, а ему – 5»;

5) стараться соблюдать баланс позитивных и негативных оценок, чтобы не ослаблять у студента интерес к обучению, поскольку из-за череды негативных ответов он может «опустить руки»;

6) выходить на связь со студентами четко по расписанию занятий, чтобы коммуницирование не растягивалось на весь день;

7) не добавлять студентов в друзья в соцсетях и, соответственно, не принимать запросы в друзья от них во всех публичных профилях.

Понимая, что по последнему пункту у некоторых, особенно молодых, преподавателей могут возникнуть возражения, в целом считаем такие правила цифрового этикета удобными для всех. Из личного опыта можем порекомендовать коллегам-преподавателям воспользоваться популярным в мире курсом «Learning to Teach Online» (Учимся онлайн-преподаванию) [8]. Подобные курсы есть и для студентов, например «Machine Learning» в Стэндфордском университете или «Риторика: ключевые стратегии устной и письменной коммуникации» в НИУ Высшей школы экономики [5].

Если апеллировать к студентам и магистрантам, то хотелось бы, чтобы они соблюдали ряд правил электронной переписки:

1) всегда указывали тему письма;

2) продолжали ветку Re не более одного-двух раз;

3) начинали письмо с приветствия преподавателя по имени-отчеству;

4) грамотно форматировали и писали текст;

5) при архивации работ в название общего файла записывали группу, а в название внутреннего – фамилию студента, причем желательно не на латинице;

6) вовремя сдавали задания и присылали письмо преподавателю только в рабочее время;

7) ставили подпись в конце письма.

Иными словами, и преподаватель, и студент/магистрант должны хорошо понимать сложности такого несимметричного эпистолярного общения, как электронная переписка.

Библиографический список

1. Володин А.Н. Письмо как семиосфера: эпистолярный текст в контексте семиотики культуры // Культура народов Причерноморья с древнейших времен до наших дней: материалы XLII Межд. науч. чтений. 2017. С. 37–41.
2. Григорьева Т.М. Русская эпистолярная культура: от прошлого к настоящему // Культура русской речи в условиях многоязычия: мат-лы II Межд. науч.-пр. конф. г. Махачкала, 18–19 мая 2015 г. Махачкала: Дагестанский государственный университет, 2015. С. 103–106.
3. Леньков С.Л., Рубцова Н.Е. Вовлеченность в киберсоциализацию и психологическое благополучие молодежи // Публичное/частное в современной цивилизации: материалы XXII российской научно-практической конференции (с международным участием). 2020. С. 382–386.

4. Риторика: ключевые стратегии устной и письменной коммуникации. URL: https://openedu.ru/course/hse/RHET/ (дата обращения: 13.06.2020).
5. Рубцова Н.Е. Экзистенциальный и духовный смыслы профессионального самоопределения // Философские науки. 2007. № 1. С. 125–142.
6. Успенский Л.В. Слово о словах. Ты и твое имя. Л.: Лениздат, 1962. 633 с.
7. Шароватов Ю. Дистанционный менеджмент: как управлять сотрудниками на удаленке. М.: Альпина Паблишер, 2020. 243 с.
8. Simon Mclntyre. Learning to Teach Online. URL: https://www.coursera.org/learn/teach-online (дата обращения: 13.06.2020).

TO THE QUESTION ABOUT THE EPISTOLARY CULTURE OF STUDENTS IN CONDITIONS OF DISTANCE EDUCATION

V.F. Martyushov, E.E. Mikhailova

Tver State Technical University, Tver, Russia

Our question is what tasks a higher education teacher should set himself in the context of electronic communication. The teacher and student / master's student are seen as mediators between different epistolary styles. The teacher is seen as the guardian of the traditional style of emailing, and the student youth — as the creator of the new one. Examples are given to characterize the epistolary culture of students in the format of distance learning. As a result, it is argued that during educational correspondence between a teacher and a student, new standards of speech communication and new expressive means generated by the digitalization are formed.

Keywords: *epistolary culture, higher education teacher, student youth, distance education.*

Об авторах:

МАРТЮШОВ Владимир Филиппович – кандидат философских наук, доцент кафедры психологии и философии ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», Тверь. E-mail: vmartushov@mail.ru

МИХАЙЛОВА Елена Евгеньевна – доктор философских наук, профессор кафедры психологии и философии ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», Тверь. E-mail: mihaylova_helen@mail.ru

Author information:

MARTYUSHOV Vladimir Filippovich – PhD, Associate Professor of the Department of Psychology and Philosophy, Tver State Technical University, Tver. E-mail: vmartushov@mail.ru

MIKHAILOVA Elena Evgenyevna – PhD, Professor of the Department of psychology and philosophy, Tver State Technical University, Tver. E-mail: mihaylova_helen@mail.ru

УДК 39:316.728(367)

ИСТОКИ ТРАДИЦИИ «УМЫКАНИЯ»

Н.В. Занегина

ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», г. Тверь

© Занегина Н.В., 2020

Данная статья продолжает серию публикаций, посвященных вопросам допустимой в прошлом свободы брачного выбора, а также эволюции традиции «умыкания», широко распространенной среди наших предков. В предыдущем исследовании рассматривалось обрядовое «умыкание» невесты, являвшееся неотъемлемой частью свадебного ритуала многих народов. В этой статье разбираются вопросы о происхождении обряда и о причинах, заставлявших наших предшественников в разных регионах мира с удивительной настойчивостью имитировать похищение девушки в процессе заключения брака.

Ключевые слова: *брак, семья, обычай, способы заключения брака.*

DOI: 10.46573/2409-1391-2020-3-19-27

Исследователи выдвинули любопытную гипотезу для объяснения устойчивого бытования «умыкания» как неотъемлемого элемента свадебного обряда. В соответствии с данной гипотезой необходимость похищения была вызвана стремлением старших родственников наглядно объяснить недальновидным молодым людям, сколь великую опасность представляют для них половые связи (вероятно, внебрачные), а также участие в половом акте, который являлся первым в жизни женщины. Гигантские усилия, предпринимавшиеся при заключении брака с целью нейтрализации негативного воздействия соития, должны были стать видимым подтверждением нешуточной опасности, которую таили в себе половые сношения [21, с. 283–288; 24, с. 139–142; 18, с. 125]. Успешное внедрение указанного предрассудка в сознание молодых людей позволяло их родным рассчитывать на то, что молодожены предпримут все возможное, дабы сохранить заключенный с таким трудом брак, а адюльтер (особенно с девственницей) потеряет для них потенциально возможную привлекательность.

Еще одна гипотеза, объясняющая популярность обрядовой роли «умыкания», заключается в предположении, согласно которому наши предки использовали данную традицию для успешной демонстрации достоинств жениха и его сородичей: силы, ловкости, способности сражаться и добиваться поставленной цели [19, с. 66–70].

Немалый интерес представляет следующее объяснение повсеместного распространения интересующего нас элемента свадебного обряда. «Умыкание» являлось методом, способным обеспечить безопасность молодой женщины от негативного влияния разнообразных сверхъестественных сущностей, озлобленных состоявшимся бракосочетанием. С одной стороны, новобрачной следовало опасаться магических покровителей родовой группы ее супруга, способных проявить недовольство появлением незнакомки, желающей поселиться на их территории. С другой стороны, опасность исходила от

магических представителей ее собственной родовой группы, которые могли ощутить себя брошенными и возжелать отомстить девице, покинувшей родной очаг ради заключения брака [30, с. 47–49, 199]. Имитация похищения позволяла надеяться, что многоуважаемые духи, разгневанные либо потерей своей подопечной, либо бесцеремонным вторжением девушки, не станут предъявлять претензии к новобрачной, которую заставили вступить в брак насильно, а также оставят в покое ее легкомысленных сородичей, ведь вся вина последних заключалась лишь в том, что они не уследили за несчастной девицей.

Очевидно, вышеизложенные соображения могли вынудить представителей разных народностей включить в свадебные обряды традиционное запрещение (известное как минимум с античных времен), в соответствии с которым нога невесты ни в коем случае не должна коснуться порога дома, куда ее привели. Такое запрещение присутствует в брачном ритуале немцев и австрийцев, итальянцев и испанцев, русских и сербов, коренных жителей современных Великобритании, Бельгии и Нидерландов, татар, монголов, а также адыгских народов. Запрет был вызван уверенностью в том, что порог находится под бдительной охраной сверхъестественных покровителей семейно-родственной группы молодого супруга; существовало поверье, что покровитель семьи обитает поблизости от порога. Для магического защитника дома невеста являлась чужим человеком, а это значит, что в целях безопасности ей не следовало вступать в прямой контакт с враждебной потусторонней силой [16, с. 253, 261; 8, с. 121–122; 27, с. 38; 26, с. 61; 11, с. 127; 9, с. 157; 22, с. 235; 23, с. 141]. Любопытно, что некоторые из числа наших предков, похоже, пришли к выводу о возможности разрешения данной проблемы диаметрально противоположным путем. В позапрошлом веке в Вологодской губернии бытовала традиция, в соответствии с которой невеста после венца при входе в дом жениха не только не опасалась коснуться «враждебной» части нового для нее жилища, но и вступала на порог обеими ногами, а затем решительно прыгала с него, громогласно заявляя по обычаю про себя: «Кышьте, овечки, волчок идет» [2, с. 93–94]. Столь же «радикально» были настроены некоторые новобрачные в Тверской губернии в конце XIX столетия. Невеста в Старицком уезде, входя в дом жениха после венца, «должна прыгнуть на порог обеими ногами сразу и про себя сказать: “шкиря – овцы, волк идет”, чтобы все боялись ея» [25, с. 67]. Видно, со временем стремление почитать сверхъестественные сущности сменилось острым желанием основательно их припугнуть.

Вышеизложенное предположение подтверждает информация источника, который содержит объяснения сибирских крестьян, попытавшихся растолковать непонятливым пришлым людям (этнографам) то, почему среди них (в первой половине XIX в.) было распространено вступление в семейную жизнь путем совершения обряда, имитирующего похищение невесты. По мнению тобольской крестьянки, заключать брачный договор неприлично, такое начало семейной жизни «осрамит» невесту и ее родителей: «Да ведь девка-то наша родимая; что же мы себя срамить станем, али девку срамить? Что мы голодом, что ли, уж сидим, когда девку добром, своими руками в чужие люди отдадим...» [17, с. 204]. Следовательно, родственникам невесты из среды сибирских крестьян не

полагалось добровольно соглашаться на расставание, они прибегали к «умыканию» как раз с целью продемонстрировать свою непричастность к перемене ее участи. Кстати, тем самым старшие родственники не только обеспечивали себе «алиби» перед магическими покровителями семейно-родственной группы, способными рассердиться за внезапное исчезновение одной из своих подопечных из-под их бдительной опеки. Благодаря совершенному «умыканию» родители получали еще один «бонус» в виде возможности автоматически снять с себя ответственность за дальнейшую судьбу «своевольной» дочери и ее будущее семейное благополучие.

Какое из изложенных предположений наиболее вероятно? Как выбрать из предложенных исследователями вариантов единственно верное объяснение длительного существования и широкого распространения ритуала «умыкания» в рамках свадебной обрядности прошлого? И вообще, есть ли это самое «единственно верное» объяснение? Ответить на эти вопросы не так-то легко. Однако, по мнению автора данной статьи, существует источник, который позволяет приблизиться к пониманию процессов, сформировавших специфику традиционной свадебной обрядности многих народов.

Описывая языческие обычаи племенных союзов восточных славян, автор «Повести временных лет» утверждает: «Древляне живяху звѣриньскимъ образомъ... и брака у нихъ не бываше, но умыкиваху у воды дѣвиця». Похожая информация содержится в этом источнике о радимичах, вятичах, северянах: «И браци не бываху въ них, но игрища межю селы, схожахуся на игрища, на плясанье и на вся бѣсовская пѣсни и ту умыкаху жены собѣ, с нею же кто съвѣщашеся; имяху же по двѣ и по три жены» [20, с. 15].

Прямо скажем, полученная информация с легкостью ставит в тупик человека, живущего в XXI в. Представители вышеперечисленных славянских племенных союзов браки не заключали, но жен каким-то загадочным образом умудрялись обретать!

Впрочем, все встает на свои места, если вспомнить, что столь популярное сегодня слово «женщина» появляется в памятниках древнерусской письменности не ранее XVI в. [5, с. 22; 29, с. 298–299; 31, с. 268]. Наши предки обобщению предпочитали конкретику, употребляя для обозначения представительниц женского пола уточняющие термины: «девица», «жена», «вдова». Слово «жена» встречается в древнерусских письменных источниках с XI в. и, по-видимому, первоначально имеет широкий смысл, обозначая не только привычное нам понятие «замужняя женщина», «супруга». Слово «жена» включало в себя и понятие, которое можно обозначить как «особа женского пола детородного возраста, имевшая половые отношения с мужчиной и готовая поддерживать такие отношения в дальнейшем». Вероятно, отсутствие в прошлом особого слова, которым можно было бы обозначить не только замужнюю женщину, но и женщину, находящуюся вне сферы брачно-семейных отношений, было связано с редкостью последнего явления. Хорошо известно, что так называемое «традиционное общество» в разных регионах мира крайне негативно относилось как к мужчинам, так и к женщинам, которые пытались уклониться от создания собственных семей [6, с. 47–48].

Особенность этимологии слова «жена» позволяет интерпретировать известия летописи следующим образом. Древляне, радимичи, вятичи, северяне браки не заключали, женщин «умыкали», причем одной сожительницей не ограничивались, предпочитая иметь двух-трех. Следует отметить, что автор «Повести временных лет» описывает «умыкание» не как акт насилия, а как действо, которое происходит по взаимной договоренности мужчины с девушкой. По крайней мере, это можно утверждать относительно рассказов о традициях «умыкания», бытовавших в среде трех из четырех указанных племенных союзов восточных славян. Получается, данное «умыкание» представляло собой последствие договора и было подобно театрализованным обрядовым «умыканиям». От большинства из числа таких театрализованных «умыканий» договор указанных восточнославянских племенных союзов отличает то, что в качестве договаривающихся сторон выступают сами брачующиеся, а не их семейно-родственные группы. По-видимому, с точки зрения летописца, указанное отличие чрезвычайно важно и достаточно для того, чтобы отказать данному соглашению мужчины и женщины в праве именоваться брачным союзом. Автор летописи дважды подчеркивает, что подобный договор браком в его понимании не является. Впрочем, совершенно очевидно, что представления мужчин и женщин, вступавших в договорные отношения путем совершения обряда «умыкания», о сути и значении вновь образованного ими союза могли быть диаметрально противоположны точке зрения нашего летописца.

Оставив в стороне возможные разногласия представителей различных групп древнерусского общества по вопросу о сущности понятия «брак», вернемся к описанию традиции «умыкания» в древнерусской летописи. Какую мысль хотел донести до читателя летописец? Мы видим, как автор противопоставляет две традиции в организации половых отношений мужчин и женщин. С одной стороны, это «брак» как союз мужчины и женщины, устроенный усилиями семейно-родственных групп, к которым они принадлежали; вероятно, на эти же группы возлагалась ответственность за прочность данного брачного альянса. С другой стороны, это договор о вступлении в половые отношения, который заключают между собой сами участники этих отношений; о существовании договора доводится до сведения общественности посредством совершения интересующей нас традиции «умыкания». Еще раз хочется отметить вполне возможную тенденциозность автора, который при описании чуждых ему брачных обычаев мог дать им искаженную оценку. Вполне вероятно, что в описываемое время древляне, радимичи, вятичи, северяне лишь использовали «умыкание» как обряд для фиксации в своей среде отношений, которые воспринимались соплеменниками как долговременные, т.е. брачные отношения. Интересно другое – как далеко мог зайти наш автор, искажая традиции, характерные для прямых предков людей, живущих в пределах того же политического образования, к которому принадлежал летописец (пользуясь современными терминами – его соотечественников)? Конечно, можно предположить, что описанная традиция «умыкания», не приводившая к формированию брачного союза, является не более чем плодом фантазии автора. Однако крайне сомнительно, что это предположение соответствует действительности, ведь среди читателей летописи

могли быть потомки и древлян, и радимичей, и вятичей, и северян, которые сохранили память об обычаях, бытовавших среди их предков. Летописец-фантазер мог оказаться в крайне нелицеприятной ситуации, подвергаясь заслуженной критике со стороны читателей, посчитавших своим долгом опровергнуть небылицы новоявленного «фантаста всея Руси». Более вероятным представляется предположение, в соответствии с которым летописец, рассказывая о традициях указанных восточнославянских племенных союзов, пользовался дошедшими до него полулегендарными сведениями об обычаях далекого прошлого, распространенных в период, когда института брака как «вечного» (или хотя бы долговременного) союза мужчины и женщины не существовало. В этом случае возможное искажение действительности, допущенное летописцем, заключалось лишь в том, что, описывая события недавнего прошлого, автор пользовался сведениями о традициях давно минувшего времени. Таким образом, можно предположить, что до развития института брака обычай «умыкания» играл роль своего рода «регулятора половых отношений», который прилюдно фиксировал право данного мужчины иметь близкие отношения с женщиной, что позволяло избежать развития внутрисоциальных конфликтов, вызванных конкуренцией за полового партнера.

Интересные сведения, способные помочь разобраться в происхождении традиции «умыкания», предоставляет этимология слова «невеста». Сегодня мы нередко полушутя «невестой» называем девочку-подростка, достигшую возраста, в котором наши предки посчитали бы себя обязанными подыскать девице подходящую брачную партию. В ряде индоевропейских языков (праславянском, древнесеверогерманском) это слово означало «неведомую», «неизвестную» [31, с. 4; 13, с. 210] «девушку, предназначенную стать женщиной» [1, с. 69]. Следовательно, можно предположить, что первоначально обычай «умыкания невесты» представлял собой торжественный ритуал, непосредственно предшествовавший переходу девушек в группу женщин, т.е. являлся обрядом, который сопровождал дефлорацию.

Косвенным подтверждением верности данного предположения является традиция, сохранившаяся у ряда народов. В частности, у русских вплоть до Нового времени заключать брак с соблюдением всех свадебных обрядов было принято только в случае, если невестой являлась девица; с вдовой или разведенной свадьбу «не играли», обыкновенно обходились скромным праздничным обедом, на котором присутствовали лишь самые близкие родственники [14, с. 473; 7, с. 39, 43; 13, с. 218]. У ительменов также вступление в брак с вдовой или разведенной женщиной не требовало выполнения каких-либо обрядов [12, с. 366–367]. Указанный обычай нашел отражение и в церковной традиции венчать по всем предписанным правилам исключительно тех супругов, которые вступали в свой первый брак [3, с. 112–113; 13, с. 50, 165–166; 28, с. 48].

О принципиальном значении целомудрия новобрачной в ходе свадебной церемонии свидетельствуют следы существования у ряда народов «дискриминирующих» элементов в наряде невесты, которая вступала в брак, не будучи девственницей. Например, у поляков молодая женщина перед венчанием

не имела права украсить себя традиционным для невесты «венцом», но «должна была покрыться платком или надеть чепец» по дороге в церковь. В то же время невесту-девственницу ожидали в костеле с «венцом» поверх распущенных волос – «она не могла покрыть голову, даже если было очень холодно» во избежание нелицеприятных недоразумений [4, с. 21].

Не исключено, что тот же обряд, предшествующий дефлорации девушки, одновременно мог служить обрядом инициации юношей. Как предполагал А.Н. Максимов, преодолев препятствия, сходные с теми, что ожидали ительменского юношу, молодой человек обретал право на супружеские отношения [15, с. 51–52]. «Умыкание» на раннем этапе своего существования, безусловно, должно было сопровождаться рядом значительных препятствий для «умычника», которые устраивались во избежание прямого насилия над волей девушки, не разделявшей любовного пыла того или иного претендента «на ее руку и сердце». В роли «препятствия», разумеется, выступали члены родственной группы «невесты». Указанное обстоятельство, кстати, неизбежно способствовало укреплению каждой группы, поскольку вынуждало девушек стремиться поддерживать с «братьями» и «сестрами» максимально дружественные отношения, дабы обиженные родственники не имели желания отомстить за скверное поведение девицы, позволив заполучить ее нежелательному претенденту.

Несложно понять и то, каким образом возникал избыток «жен» у мужчин. Последние во время одного обряда могли обрести одну спутницу жизни, во время второго – «умыкнуть» другую. При этом желание мужчины обрести новую «супругу» далеко не всегда способствовало исчезновению у первой желания продолжать близкие отношения. Так появлялись «многоженцы». Данная «привилегия» сильного пола целиком и полностью соответствовала интересам общества, поскольку позволяла социуму охватить «законными» половыми связями всех женщин, способных к деторождению, даже в случае, если по несчастному стечению обстоятельств (например, из-за предшествовавшего военного конфликта) женщин было больше, чем мужчин.

Со временем под воздействием социально значимых факторов в обществе сформировался институт брака как устойчивого долговременного союза мужчины и женщины. Развитие социального и имущественного неравенства привело к возникновению брачных альянсов в том виде, который был привычен автору летописи: брак стал результатом договора семейно-родственных групп жениха и невесты. Распространение брачных договоров, до проведения свадебного ритуала определявших будущих новобрачных и не оставлявших ни единого шанса альтернативным претендентам на внимание девушки, естественным образом привело к потере былой значимости «умыкания». Смысл существования обряда забылся. Однако утрата осознания смысла предпринимаемых действий далеко не всегда приводит к исчезновению привычного ритуала. Обычай, потерявший свою актуальность, превратился в механически исполняемую часть свадебного обряда, что, в свою очередь, вызывало у представителей нарождающихся поколений желание рационально осмыслить необходимость предпринимаемых в ходе свадебной церемонии действий.

Представляется, что, заключая брак путем проведения свадебной церемонии с «умыканием», наши предки были озадачены поиском ответа на вопрос «зачем мы это делаем?» приблизительно в той же мере и по тем же причинам, по которым сегодня многие из нас пытаются более-менее рационально осмыслить, скажем, собственное участие в ритуале сжигания чучела масленицы с наступлением весны. Вполне естественно, что как сегодня, так и в прошлом предлагались разные варианты объяснений устойчивого бытования древнего обряда. Судя по тому, как много предположений, объясняющих необходимость «умыкания» в ходе свадьбы, нам удалось привести выше, наши предшественники так и не смогли прийти к единому мнению о том, зачем жениху «умыкать» невесту, передать которую ему гарантировали ее же родители.

Таким образом, «умыкание», когда-то игравшее видную роль в организации устойчивых социальных отношений, обеспечивая прочность взаимосвязи мужчины и женщины, оказалось всего лишь частью свадебной обрядности. Будущее традиции виделось безрадостным: безжизненный ритуал был обречен на постепенное, но неизбежное вырождение. Однако действительность сложилась иначе – жизнь дала шанс возродиться древней традиции в качестве актуального обычая, способного при благоприятных обстоятельствах привести к заключению брака. Хочется присоединиться к мнению М.О. Косвена, который писал про обычай «похищения женщин» на Кавказе: «Это явление представляется... далеко не архаическим, а относящимся к сравнительно позднему времени» [10, с. 66].

Как же произошла эта прелюбопытная трансформация отжившего свой век обряда в столь популярный на протяжении многих столетий обычай среди наиболее радикальной части юношества? Ответ на этот вопрос автор постарается отыскать, продолжив исследование в следующей публикации.

Библиографический список

1. Анохин Г.И. Датчане // Брак у народов Северной и Северо-Западной Европы / отв. ред.: Ю. В. Иванова, М.С. Кашуба, Н.А. Красновская. М.: Наука, 1990. С. 66–88.
2. Байбурин А.К., Левинтон Г.А. К описанию организации пространства в восточнославянской свадьбе // Русский народный свадебный обряд: исследования и материалы / под ред. К.В. Чистова, Т.А. Бернштам. Л.: Наука, 1978. С. 89–105.
3. Белякова Е.В., Белякова Н.А., Емченко Е.Б. Женщина в православии: церковное право и российская практика. М.: Кучково поле, 2011. 704 с.
4. Ганцкая О.А. Поляки // Брак у народов Центральной и Юго-Восточной Европы / отв. ред.: Ю.В. Иванова, М.С. Кашуба, Н.А. Красновская. М.: Наука, 1988. С. 8–32.
5. Ефремов В.А. Номинации женщины в русском языке: жена – женщина – баба – дама // Мир русского слова. 2010. № 1. С. 19–25.
6. Занегина Н.В. К истории брачных отношений // Вопросы истории. 2019. № 6. С. 47–59.

7. Зорин Н.В. Русский свадебный ритуал. М.: Наука, 2001. 248 с.
8. Кашуба М.С. Народы Югославии // Брак у народов Центральной и Юго-Восточной Европы / отв. ред.: Ю.В. Иванова, М.С. Кашуба, Н.А. Красновская. М.: Наука, 1988. С. 82–134.
9. Кожановский А.Н. Народы Испании // Брак у народов Западной и Южной Европы / отв. ред.: Ю.В. Иванова, М.С. Кашуба, Н.А. Красновская. М.: Наука, 1989. С. 134–166.
10. Косвен М.О. Этнография и история Кавказа. Исследования и материалы. М.: Издательство восточной литературы, 1961. 260 с.
11. Красновская Н.А. Народы Италии // Брак у народов Западной и Южной Европы // отв. ред.: Ю.В. Иванова, М.С. Кашуба, Н.А. Красновская. М.: Наука, 1989. С. 107–133.
12. Крашенинников С.П. Описание земли Камчатки. М.: Эксмо; Око, 2013. 480 с.
13. Лещенко В.Ю. Русская семья (XI–XIX вв.). СПб.: СПГУТД, 2004. 608 с.
14. Макашина Т.С. Свадебный обряд // Русские / отв. ред.: В.А. Александров, И.В. Власова, Н.С. Полищук. М.: Наука, 1999. С. 466–499.
15. Максимов А.Н. Из истории семьи у русских инородцев // Этнографическое обозрение. 1902. № 1. С. 41–76.
16. Меретуков М.А. Семья и брак у адыгских народов (XIX в. – 70-е годы XX в.). Майкоп: Адыгейское отделение Краснодарского книжного издательства, 1987. 368 с.
17. Миненко Н.А. Русская крестьянская семья в Западной Сибири (XVIII – первой половины XIX в.). Новосибирск: Наука, 1979. 350 с.
18. Першиц А.И. Похищение невест: правило или исключение? // Советская этнография. 1982. № 4. С. 121–127.
19. Першиц А.И., Смирнова Я.С. Свадебные антагонизмы // Природа. 1998. № 5. С. 61–70.
20. Повесть временных лет. Ч. I. М.-Л.: Издательство Академии наук СССР, 1950. 504 с.
21. Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки. М.: Лабиринт, 2000. 335 с.
22. Решина М.И. Народы Бельгии и Нидерландов // Брак у народов Западной и Южной Европы / отв. ред.: Ю.В. Иванова, М.С. Кашуба, Н.А. Красновская. М.: Наука, 1989. С. 210–238.
23. Руднев В.В. Шотландцы // Брак у народов Северной и Северо-Западной Европы / отв. ред.: Ю.В. Иванова, М.С. Кашуба, Н.А. Красновская. М.: Наука, 1990. С. 129–145.
24. Семенов Ю.И. Происхождение брака и семьи. М.: Мысль, 1974. 309 с.
25. Ушаков А.Д. Крестьянская свадьба конца XIX века в Старицком уезде Тверской губернии (свадебные обряды, гадания, приговоры, причитания и песни). Старица: Типография И.П. Крылова, 1903. 70 с.
26. Филимонова Т.Д. Австрийцы // Брак у народов Западной и Южной Европы / отв. ред.: Ю.В. Иванова, М.С. Кашуба, Н.А. Красновская. М.: Наука, 1989. С. 44–65.
27. Филимонова Т.Д. Немцы // Брак у народов Западной и Южной Европы / отв. ред.: Ю.В. Иванова, М.С. Кашуба, Н.А. Красновская. М.: Наука, 1989. С. 5–43.

28. Черкасова М.С. Брак и семья в Московской Руси в XVI–XVII вв. // Вопросы истории. 2017. № 11. С. 46–60.
29. Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. Т. 1. 3-е изд., стереотип. М.: Русский язык, 1999. 624 с.
30. Штернберг Л.Я. Гиляки, орочи, гольды, негидальцы, айны. Хабаровск: Дальгиз, 1933. 740 с.
31. Этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. Т. 1 / сост. А.К. Шапошников. М.: Флинта: Наука, 2010. 584 с.

THE ORIGINS OF THE «ABDUCTION» TRADITION

N.V. Zanegina

Tver State Technical University, Tver

This article continues a series of publications on freedom of marriage in the past and on the evolution of the «abduction» tradition, which was popular with our ancestors. In a previous study, the bride's abduction ritual was considered. What is the origin of this rite? What reasons made our predecessors in different regions of the world imitate the abduction of a girl in the process of marriage?

Keywords: *marriage, family, custom, the ways of marriage.*

Об авторе:

ЗАНЕГИНА Наталья Витальевна – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры общенаучных дисциплин факультета международного академического сотрудничества ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», г. Тверь, Россия. E-mail: nzanegina@rambler.ru

Author information:

ZANEGINA Natalia Vitalievna – PhD (Historical Sciences), Assoc. Professor, Assoc. Professor of Dept. of Scientific Disciplines of the Faculty of International Academic Cooperation, Tver State Technical University, Tver, Russia. E-mail: nzanegina@rambler.ru

УДК 316.7

ДЕНДИЗМ КАК ТРАНСКУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН

О.М. Крижовецкая

ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», г. Тверь

© Крижовецкая О.М., 2020

Рассматривается феномен дендизма как открытой культурной системы, сверхдисциплинарной целостности, творчества на рубежах и границах. В дендизме соединяются возможности, не реализованные в существующих культурах. Намечены некоторые перспективы «дендистского дискурса» в современной культуре. С учетом ретроспективного контекста ставится вопрос о продуктивности этого уникального явления в отношении такого сложного объекта культуры, как художественная литература, в частности ее составляющей, ориентированной на современного массового читателя и те социальные модели поведения, которые транслирует сегодня массовая культура.

Ключевые слова: *транскультура, философия, образ жизни, стиль, дендизм, денди, современная массовая культура.*

DOI: 10.46573/2409-1391-2020-3-28-33

Денди и дендизм справедливо можно отнести к особой сфере транскультурных феноменов, сформировавшихся за границами ментальных, профессиональных и гендерных культур, поскольку «транскультура есть культура, творимая не внутри отдельных своих областей, а непосредственно в формах самой культуры, в поле взаимодействия разных ее составляющих» [1, с. 417–418]. Дендизм как открытая культурная система «раздвигает» поле «надкультурного» творчества, являясь сверхдисциплинарной целостностью, творчеством на рубежах, границах, в котором соединяются и сочетаются возможности, не реализованные в существующих культурах.

В наши дни интерес к дендизму не ослабевает, поскольку он представляет собой систему манер и саморепрезентации в духе европейской традиции (в первую очередь в одежде) и предлагает надежный, но нестандартный вариант для поиска собственного стиля, который может быть выражен как классическим костюмным каноном, так и свободой эксперимента в облике.

Сегодня понимание дендизма, как правило, сводится к направлению в сфере моды, в частности к представлению об элегантном мужском костюме. Однако существует и другой подход к этому уникальному явлению, в рамках которого дендизм рассматривают как «особого состояния дух интеллектуальной и художественной элиты» [2, с. 27], «как всю манеру жить, а живут ведь не только материально видимой стороной» [3, с. 7]. Это и блистательные франты, хранители и носители вкуса, беспечные фланеры, светские диктаторы, тонкие стратеги, эпатажные чудаки, ставшие в истории культурными героями и авторами ряда произведений, среди которых трактаты, романы, поэмы и др. Их провокация, ирония, холодность, эстетизация и андрогинные игры включают приметы универсального повседневного артистизма, свойственного любой эпохе.

Среди ярких представителей этого культурного явления – англичанин Джордж Браммелл, Роберт де Монтескью, принц Уэльский, Шарль Бодлер, Оскар Уайльд, Жорис-Карл Гюисманс. Программные тексты дендистской традиции – «Трактат об элегантной жизни» и «Теория походки» О. Бальзака, книга Барбе д'Оревильи «О дендизме и Джордже Браммелле», очерки Ш. Бодлера «Художник современной жизни».

Суммарный эффект стиля денди подчинялся принципу «заметной незаметности» («conspicuous inconspicuousness») [4, с. 19], одновременно демонстрируя сдержанность и особый вкус в продуманных выразительных деталях. Универсальный принцип минимализма – важное условие дендизма. Минимализм касается не только искусства одеваться, но и поведенческих стратегий, включая речевые.

Склонность к простому и универсальному стилю как императиву хорошего вкуса прослеживается в английской традиции еще в эпоху Возрождения:

«Шей платье по возможности дороже,
Но без затей – богато, но не броско» [5, с. 149].

Само слово «денди» было введено в обиход Дж.Г. Байроном в начале XIX в. и неоднократно использовалось им в текстах произведений. Процитируем один из пассажей:

«Герой мой был тем более пленителен,
Что не старался никого пленять,
Он был умен, спокоен, обходителен,
Не претендуя лавры пожинать.
Назойливый дендизм предосудителен;
Его девиз – “блистать и ослеплять”, –
А фатовство и прочие чудачества
Роняют человеческие качества» [6].

В русской культуре слово появилось в этот же период, употребляясь первоначально на английском, т.е. как «dandy». Пример такого употребления английского варианта мы можем встретить, читая роман А.С. Пушкина «Евгений Онегин». К середине XIX столетия слово закрепляется в словарях и начинает активно использоваться в русской речи.

Дендизм предполагает сложную структуру, включающую как наружные, так и глубинные характеристики его представителей. В современном гуманитарном знании этот феномен рассмотрен рядом исследователей, среди ярких представителей которого О. Ванштейн, историк моды и культуры. В качестве основных принципов дендизма были выделены следующие:

1) «заметная незаметность» («conspicuous inconspicuousness») [4, с. 19];

2) демонстративная сдержанность, тонкие поведенческие стратегии, среди которых – высокое искусство артистизма, провокация и иронический цинизм;

3) искусство времяпрепровождения;

4) культ чистоплотности;

5) сила характера;

6) особый вкус в продуманных до мелочей выразительных деталях костюма, через который его обладатель демонстрировал обществу свою индивидуальность и шик. Ведь «денди никогда не может быть вульгарным» [7, с. 304] – гласит известное выражение Ш. Бодлера.

Размышления о философии дендизма, о его природе можно прочесть на страницах художественных произведений Э. Бульвера-Литтона, О. Бальзака, О. Уайльда и др. Литературный герой (денди) обладает индивидуализмом, элегантностью, изяществом манер, утонченностью вкуса, остроумием, внимательным отношением к моде, отстраненностью от обыденности, занимает высокое положение в обществе. Примеры можно приводить и дальше, но обратимся кратко к истории дендизма, которая начинается в Англии первой половины XIX столетия, а затем разворачивается во Франции.

Итак, денди-англичане формируют особый кодекс поведения и создают канон мужской элегантности, существующий во многом и сегодня, даже несмотря на современную моду.

Костюмные коллекции, журналы мод, специальные альбомы… Последние использовались владельцами как некое пособие по гламурной грамматике, позволяющее добиться максимального эффекта в сочетании костюма и аксессуаров и продемонстрировать обществу импозантные наряды и нетривиальность вкуса.

Великий реформатор моды Джордж Браммелл внес значительный вклад в историю, когда изобрел черный фрак, ставший атрибутом его уникального стиля: как известно, и сегодня черный цвет воспринимается цветом элегантности и благородной сдержанности как в мужском, так и в женском облике. Джордж Браммелл понимал, что костюм во все времена должен носить универсальный и комфортный характер, понимала это также и Коко Шанель.

Простота и сдержанность как ведущие принципы стиля денди представлены универсальным буржуазным костюмом, который не выглядел скучным, поскольку его обладатель всегда имел возможность продемонстрировать обществу свою индивидуальность вкуса в деталях. Костюм сводного покроя со сбалансированными пропорциями и видимыми швами, подчеркнутый силуэт, рациональность, удобство и простота, акцент на правильном контуре фигуры – таковы критерии дендистского стиля, отражающего благородную сдержанность. Аристократическая тактика предыдущих эпох демонстрировать богатство и роскошь через перегруженность костюма деталями остается в прошлом. На смену приходит элегантность, которая не ассоциируется с суетностью, поэтому костюм в то время не вызывал подозрений в легкомысленности его обладателя, а говорил больше о серьезности его намерений.

Заметим, что такая унификация мужского костюма была продиктована во многом условиями новой буржуазной идеологии, развитием промышленности, сферы услуг и увеличением рабочих мест для среднего класса. Синтез элегантности и деловитости нивелировал четкие маркеры социальной и

профессиональной принадлежности, показывал мобильность и нейтральность как важные составляющие делового стиля в одежде.

В эпоху денди оформилась привычная нам модель телесности, изменившая существовавшие взгляды. Мужская элегантность и телесная подвижность легли в основу представлений о светском человеке, в котором ловкость движений и отточенность жестов органично сочетаются с удобством одежды. Денди свободно владеет своим телом, полностью контролируя и выражение лица, и позы, и жесты. Выверенность движений позволяла демонстрировать некоторые детали одежды, например манжеты, а также экономить речевые усилия при указании на то или иное действие. Элегантность и телесность достигались благодаря походке, верховой езде, развитию танцевальных и музыкальных навыков, спортивной подготовке, безупречной осанке.

Дендистское фланирование, берущее начало во Франции, тоже основано на принципе экономии движений, что предопределено как физиологически, так и эстетически. Медлительность в походке – это атрибут философа и невозмутимого и самодостаточного созерцателя. Подобное праздное освоение городского пространства, модное в эпоху денди, и сейчас остается популярным досугом, особенно для молодежи.

Дендистская гигиена стала одним из векторов в массовых представлениях о чистом и грязном, о новых обязательных гигиенических установках. Благодаря влиянию денди произошел отказ от париков, ношение которых вызывало различные заболевания. Также были введены тщательные ежедневные гигиенические процедуры.

Денди – яркий индивидуалист и «маргинал, который может занять позицию в центре, но никогда не будет смешиваться с массами» [4, с. 600]. Он вторгается в аристократическую среду, но не разрушает социальность. Он существует в социуме как эталон вкуса, а как внутренний цензор делает сословную группу более устойчивой.

В основе театрального искусства денди два важных средства: пластичное тело и холодный разум. Денди вступает в игру с вещами, деталями, аксессуарами (очки, трость, лорнет, монокль и др.), что позволяет достигать эффекта непроницаемости и одновременно иметь возможность рассматривать всех, обеспечивая себе преимущество спокойного, невозмутимого наблюдателя.

Непроницаемость продиктована и властной позицией: она не позволяет окружающим узнать об истинных намерениях денди. Резкость суждений, утонченная вежливость, позволяющая держать людей на расстоянии, которое необходимо, чтобы не скомпрометировать свое «я» общением с недостойными, направлены на самоутверждение денди и уничижение собеседника.

Особое внутреннее содержание претендует не только на творческие способности, но и на силу характера, на внутренний героизм: постоянная концентрация на самом себе, борьба с повседневностью, умение держать себя в определенных рамках, в блистательной и притягательной форме. Механизм такого поведения верно обозначен словами Ж.-П. Сартра: «Держать себя в узде –

значит, собственными руками натягивая поводья, производить на свет ту самость, которой ты хочешь обладать» [8, с. 231]. Следствие таких жестких требований к себе – удовольствие от удивления впечатлением, которое производит личность денди, защищенная от подобных чувств.

Нарушение очевидных правил в гендерных установках денди показательно в плане отношения к женщине. Денди, претендующий на искусство жизни, стремится освободиться от естественного ради искусственного, поэтому для него привлекательна женственность, которая выступает в таком контексте синонимом искусственности. Детали женской одежды и косметики необходимы денди в розыгрыше жизненных ролей. Использование косметических и парфюмерных средств, особых туалетных принадлежностей придает денди уверенность в обществе. Андрогинные игры, любовь к женственности, стремление к женской элегантности, но зачастую ненависть к женщине, воплощающей природное начало, – такова амбивалентная комбинация свойств денди.

Напомним: сегодня в сознании массового потребителя денди ассоциируется прежде всего с необычным костюмом и остается привлекательным не только как императив хорошего вкуса и артистизма, но и как модель в массовой культуре. В этой связи ретроспективный контекст данного уникального явления может быть продуктивен в отношении такого сложного объекта культуры, как, например, художественная литература. Говоря точнее, в отношении массовой литературы, т.е. литературы, ориентированной на человека массы. В литературоведческом плане полезно было бы проследить дискурсивные механизмы, направленные на воплощение авторской концепции в аспекте создания героя нового типа, в частности при моделировании конструкций мужественности, также исследовать современные «фланерские» тексты и соотнести их с философией общества потребления. Интересно было бы применить инструментарий дискурс-анализа в исследовании авторских стратегий, направленных на адаптацию современного российского общества к изменившимся социокультурным условиям и на его оздоровление. Исследования по обозначенной выше теме еще предстоят, мы же в рамках данной статьи ограничимся наблюдениями.

Библиографический список

1. Эпштейн М. Транскультура // Эпштейн М. Проективный философский словарь: новые термины и понятия. СПб.: Алетейя, 2003. 515 с.
2. Ефимова А.Д. Диахронический анализ семантической структуры понятия «дендизм» // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2018. № 2. С. 27–36.
3. Барбе де Оревильи Ж. О дендизме и Джордже Браммелле: эссе / пер. с фр. А. Райской. М.: Независимая газета, 2000. 208 с.
4. Вайнштейн О.Б. Денди: мода, литература, стиль жизни. М.: Новое литературное обозрение, 2012. 640 с.
5. Шекспир У. Трагедии. М.: Правда, 1983. 672 с.
6. Байрон Дж.Г. Дон Жуан // Lib.Ru: библиотека Максима Мошкова. URL: http://lib.ru/ POEZIQ/BAJRON/donjuan.txt (дата обращения: 20.09.2020).

7. Бодлер Ш. Об искусстве. М.: Искусство, 1986. 422 с.
8. Сартр Ж.-П. Бодлер // Шарль Бодлер. Цветы Зла. Стихотворения в прозе. Дневники. М.: Высшая школа, 1993. 510 с.

DENDISM AS A TRANSCULTURAL PHENOMENON

O.M. Krizhovetskaya

Tver State Technical University, Tver

The phenomenon of dandyism is considered as the open cultural system, the ultra-disciplinary integrity, and the borderline creativity. Dandyism combines possibilities that are not realized in existing cultures. Some perspectives of «dandy discourse» in modern culture are outlined. The article raises the problem of productivity of this unique phenomenon in a retrospective context. It concerns such a complex culture object as fiction, in particular, its component targeted at the tastes of mass reading public and those social models of behavior that are implanted today by mass culture.

***Keywords**: transculture, philosophy, mode of life, style, dandyism, dandy, contemporary mass culture.*

Об авторе:

КРИЖОВЕЦКАЯ Оксана Михайловна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского языка ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», г. Тверь, Россия. E-mail: krizhok@mail.ru, SPIN-код: 1053-8017.

Author information:

KRIZHOVETSKAYA Oksana Mihailovna – PhD (Philological Sciences), Associate Professor of the Russian Language Subdepartment of Tver State Technical University, Tver, Russia. E-mail: krizhok@mail.ru

УДК 101:81’25

ФИЛОСОФСКОЕ ПРОЧТЕНИЕ «ИРЛАНДСКИХ МЕЛОДИЙ» ТОМАСА МУРА И РЕМИНИСЦЕНЦИИ НАСЛЕДИЯ МУРА В ПОЭЗИИ МИХАИЛА ЛЕРМОНТОВА

О.А. Егорова

ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», г. Тверь

© Егорова О.А., 2020

В статье рассматривается философия позитивного наслаждения в опусах «Ирландских мелодий» Т. Мура и адекватность сохранения данной поэтической тональности в переводе данного произведения на русский язык, включая реминисценции поэтического наследия Мура в некоторых стихотворениях Михаила Лермонтова. Сопоставление переводов на русский язык некоторых мелодий Мура выявило использование переводчиками метода семантической компенсации для заполнения «лакун», включающих элементы мифологического фольклора Ирландии.

Ключевые слова: *гуманистическая атака, романтизм, реминисценции, семантическая компенсация, культурологический контекст, философская школа.*

DOI: 10.46573/2409-1391-2020-3-34-40

Как представитель романтизма, зародившегося в Германии и утвердившего непреложную ценность духовной свободы при раскрытии творческого потенциала индивидуума, ирландский поэт-бард Томас Мур сумел отразить в своем творчестве философию позитивного наслаждения миром прекрасного и чувственного, ранее сформулированную немецким философом Иммануилом Кантом в третьем трактате «Критика способности суждения». Среди многочисленных тезисов знаменитого Канта выделяется сентенция о том, что «вся наша познавательная способность содержит две области: область понятий природы и область понятия свободы…» [2, с. 3]. Таким образом, согласно рассуждениям Канта, познавательная способность в третьей «Критике» увязывается с понятиями цели и прекрасного, а также художественного вкуса. Данные понятия детерминируют общий характер творчества Томаса Мура, воспевающего бунтарский дух родной Ирландии без излишнего драматизма и напряженности и отдающего предпочтение сглаживанию противоречий и контрастов борющихся сторон с выделением всего эстетически изящного, что в том числе выражается и в проявлениях патриотической любви. В опусах «Ирландских мелодий» читатель сталкивается с множеством витиеватых метафор и эпитетов, превращающих поэзию Т. Мура в поток сердечной щедрости и благородства, обнажающего уродливость зла и показывающего стремление добиться справедливого устройства общества.

Отметим, что понятие «благородство» с корреляцией в английском языке в виде прилагательного «*noble*», определяемого в словаре Multitran [6] как «*великодушный*», «*превосходный*», «*замечательный*», подразумевает в отно-

шении характеристики личности ирландского поэта врожденное общечеловеческое сострадание, а не примитивное психологически окрашенное понятие. Заметим, что творения Томаса Мура стали источником вдохновения и стимулом для представителей различных наций. Среди приверженцев русской поэтической школы его последователями стали декабрист Н.А. Бестужев, поэт-демократ М.Л. Михайлов, В.А. Жуковский, а также М.Ю. Лермонтов, которые по достоинству оценили уникальную способность ирландского поэта вознести красоту нации на уровень мирового сокровища, взлелеянного любовью к фольклорной песне и балладам. По существу, поэтическое искусство первой половины XIX в. ознаменовало начало культурного возрождения Ирландии и свободолюбивого самосознания ее народа, глашатаем непокорности которого и стал Томас Мур.

Создавая один из признанных образцов поэтического совершенства под названием «Ирландские Мелодии», Т. Мур черпал вдохновение в народных гэльских напевах, которые комбинировал с литературным английским текстом. Данные напевы под пером искусного мастера переплелись с местными легендами и песнями, исторически сложившимися в ходе восьмисотлетней освободительной борьбы ирландцев против владычества датчан, а также британской короны. Таким образом, в этих мелодиях, опубликованных за почти тридцатилетний период (с 1808 по 1834 г.), великий ирландец, по мнению профессионального российского поэта-переводчика Александра Вячеславовича Покидова, преподнес пример умения бороться с иноземным вторжением на уровне «гуманистической атаки» [3, с. 17], представая в образе гражданского поэта и историка.

В данной работе на основе сопоставления семи опусов из «Ирландских мелодий» была предпринята попытка анализа специфики перевода данного поэтического образца российским переводчиком А.В. Покидовым, а также русскими поэтами первой половины XIX в., включая реминисценции творческого наследия Томаса Мура в поэзии М.Ю. Лермонтова. Как отмечают некоторые исследователи творчества ирландского поэта, Томас Мур отличался способностью изображать суровые испытания национальной истории Ирландии в позитивной тональности. Отчуждаясь от неизбежного отчаяния, так свойственного поэтам, затрагивавшим данную тематику, в том числе и Джорджу Байрону, автор умело использует метафорически выразительные словарные выражения, усиливающие позитивный эмоциональный ингредиент стихотворного потока.

Для подтверждения обратимся к первому опусу «Ирландских мелодий» под названием «*Go where glory waits thee*». В начале опуса автор использует рифмованные строки в побудительном наклонении с вкраплением архаичной формы косвенного падежа английского местоимения второго лица «*thee*», далее сменяемого формой «*thou*», а также его притяжательной формой «*thine*» со значением «*свой*», что свойственно письменному варианту английского языка XIX в. Как правило, данные архаизмы сопровождались глаголами с окончанием «*est*», как представлено в четвертой строке данной мелодии [7, с. 18]:

Go where glory waits thee,
But while fame elates *thee,*
Oh! still remember me.
When the praise *thou meetest*
To *thine* ear is sweetest,
Oh! then remember me.

Сопоставим эти строки с переводом на русский язык А.В. Покидова на одном из поэтических сайтов [7]:

Шествуй к цели правой,
Но, возвышен славой,
О! вспомни обо мне.
Словно звукам рая,
Похвалам внимая
О! вспомни обо мне.

В интерпретации А.В. Покидова мы обнаруживаем своеобразное преломление лексического смысла английского существительного «*glory*», буквально переводимого как «*слава, триумф*», при замене достаточно емким фразеологическим словосочетанием «*цель правая*» со значением «*справедливая*». Мы можем предположить, что данный прием семантической компенсации позволил переводчику сохранить метрическую структуру рифмовки оригинала, в частности чередуемых трехдольных стихотворных размеров амфибрахия и анапеста, а также полноценно отразить спектр смысловых коннотаций Мура. С четвертой строки опуса мы наблюдаем перестановку строк оригинала с инкорпорацией переводчиком А.В. Покидовым сравнительной метафоры «*словно звуки рая*», уподобляющей звукам рая смысловую трактовку оригинального сюжета, когда похвала бывает «*the sweetest*», или «*сладчайшей*», для героя опуса. Такое оригинальное прочтение ирландского шедевра переводчиком способствует сохранению общей смысловой доминанты произведения.

Отметим, что в ряде случаев отдельное оригинальное стихотворное произведение может стать стартовой точкой для мотивации и развития новых ассоциативных связей в стихотворениях другого автора. По мнению российского литературоведа и историка литературы В.Э. Вацуро [1], мелодичность и распевность творений Т. Мура склонила многих поэтов первой половины XIX в. преобразовывать его опусы в романсы. Например, в поэтическом наследии М.Ю. Лермонтова, в частности в стихотворении «Романс» 1832 г., прослеживаются четкие реминисценции опуса «*Иди туда, где ждет тебя слава*» («*Go where glory waits thee*»), открывающего «Ирландские мелодии» Т. Мура. В данном произведении лирическое повествование девушки, разлучаемой со своим возлюбленным, характеризуется особенной мелодикой и изысканностью четкой строфичности с повтором рефрена из третьей строки первого опуса мелодий Мура «*Oh! still remember me*», переводимого буквально

русским эквивалентом «*вспомни обо мне*». Обратимся к следующим строкам знаменитого произведения Михаила Лермонтова [5]:

Ты идешь на поле битвы,
Но услышь мои молитвы,
Вспомни обо мне.

Дальнейшая сюжетная трансформация исходных образов оригинала показывает, что Лермонтов заметно отдалился от исходного образца, придав своему творению особый драматизм и горечь.

Очевидно, что в поэтическом произведении, являющемся совокупностью словесного переплетения и звукописи в ореоле интонационной и ритмической композиции, концепция художественного перевода как отражения сентенций автора подлинника с помощью средств иного языка проявляется более отчетливо, нежели в других образцах перевода, ведь авторы всегда стремятся сохранить общую структуру поэтического творения. Тем не менее в ходе переработки оригинального материала переводчик вынужден выделять наиболее весомые для общей гармонии произведения компоненты, когда «вторичное» восприятие воображаемой на основе оригинала действительности приводит к новому образному перевоплощению, закрепляемому в тексте перевода. Рассмотрим двадцать первый опус «Ирландских мелодий», повествующий о Саре Карран, возлюбленной казненного лидера ирландских борцов за независимость Роберта Эммета. Томас Мур сумел отразить тоску и близость смерти несчастной девушки в следующих строках [7, с. 30]:

She is far from the land where her young hero sleeps,
And lovers are round her, *sighing*:
But coldly she turns from their gaze, and weeps,
For her heart in his grave *is lying*.

В переводе данного опуса на русский язык А.В. Покидовым мы замечаем следующие трансформации [7]:

Спит в далекой земле ее юный герой,
А влюбленные – в страсти *изныли*;
Но на вздохи она *отвечает слезой*:
Ее сердце – в его могиле.

В данной интерпретации А.В. Покидова очевидны значительные усечения смыслового содержания начальных строк, включая сокращение сложноподчиненного английского предложения в первой строке, замену деепричастия «*sighing*» на разговорно-фамильярный русский эквивалент «*изныли*» во второй строке, а также преобразование развернутых смысловых коннотаций третьей строки в весьма разговорный аналог «*отвечает слезой*». Наконец, в последней строке четверостишия мы замечаем опущение английского сказуемого «*is lying*» в субстантивном аналоге русской интерпретации. Данные смысловые

расхождения лишь подтверждают наличие сложностей в передаче буквального авторского смысла в подобных произведениях, детерминированных фольклорными и культурологическими контекстами эпохи XIX в.

К неоспоримым достоинствам перевода «Ирландских мелодий» А. Покидовым мы отнесем не только общую гармоничность звучания стихов, но и замечательное владение переводчиком историко-культурологической и мифологической предысторией написания произведения. Например, в четырнадцатом опусе с первой строки Мур имплементирует собственное имя Erin, переводимое как Эрин, что представляет собой древнекельтское название Ирландии, восходящее к мифологическому имени богини Эриу. Обратимся к первым строкам опуса [7, с. 25]:

Erin, oh Erin, thus *bright through the tears*
Of a lone night of bondage, thy spirit appears.

В переводе А.В. Покидова данные строки звучат следующим образом [7]:

Эрин, о Эрин, все ярче, светлей
Твой дух *пламенеет средь слез и цепей.*

Мы наблюдаем более насыщенную эмоциональную выразительность в интерпретации российского переводчика, когда дух Ирландии предстает в более мажорной тональности, и он не просто «*appears*», то есть «*появляется*». Этот свободолюбивый дух «*пламенеет*», то есть «*ярко горит и сверкает*». Усилению эмфатического звучания также способствует вкрапление русских прилагательных в сравнительной степени «*ярче*», «*светлей*», хотя в оригинале мы имеем строку «*thus bright through the tears*», переводимую буквально как «*такая яркая сквозь слезы*». Подобная интерпретация позволила сохранить и общий смысл стихотворения, и благозвучие оригинальной рифмы. Также А.В. Покидов умело сохранил авторскую стихотворную ритмику и чувство индивидуального стиля Томаса Мура в соответствии с романтической концепцией функционирования перевода в национальной литературе, что во многом определялось личностью и гражданской позицией поэта-переводчика.

Возвращаясь к реминисценциям поэтического наследия Мура в творчестве М.Ю. Лермонтова, обратим внимание, что его стихотворение «Песнь барда» 1830 г. [4] по сюжетной тональности напоминает переработанную версию двадцать шестого опуса «Ирландских мелодий», названного «The Minstrel-boy». Этот же опус фигурирует и в интерпретации И.И. Козлова под названием «Молодой певец». По сюжетной линии Мура певец-воин разрывает струны своей арфы, отказываясь петь среди вражеского окружения. Обратимся к начальным строкам оригинала [7, с. 33]:

The Minstrel-Boy to the war is gone,
In the ranks of death you'll find him;
His father's sword he has girded on,
And his wild harp slung behind him.

В интерпретации Лермонтова гражданская тема становится более приоритетной, обретая специфическую национальную модальность [4]:

Я долго был в чужой стране,
Дружин Днепра седой певец,
И вдруг пришло на мысли мне
К ним возвратиться наконец.

Вдруг бард становится «*дружин Днепра седой певец*», а арфу заменяют гусли. Последние четыре строфы в интерпретации Лермонтова выглядят более драматично. Если у Томаса Мура арфа, обозначаемая английской метафорой «*soul of love and bravery*», является «*душой любви и доблести*», то в восприятии Михаила Лермонтова эпитет влюбленности в страну, раскрываемый через привязанность к народному музыкальному инструменту, исчезает по осознанному выбору певца, который «*молча раздавил ногой*» любимые гусли. Таким образом, при схожести некоторых сюжетных мотивов и коннотаций поэтическое произведение Михаила Лермонтова выделяется более напряженным и жестким противостоянием поэта враждебной окружающей среде, без романтической возвышенности, столь присущей перу Томаса Мура.

Дальнейшее сопоставление специфики перевода «Ирландских мелодий» Томаса Мура показывает эрудированность и талант российских переводчиков, сумевших сохранить общую тональность эстетически возвышенных и чувственных переживаний поэтических героев Ирландии, научившихся воспринимать жизнь оптимистически и стремившихся с альтруизмом служить окружению в условиях ожесточенной освободительной борьбы за родное отечество. Данные поведенческие концепты отчасти коррелируют с канонами древнегреческой философской школы Аристиппа Кирены, далее перешедшей в эпикурейство и подчеркивавшей важность подчинения традициям и обычаям наряду с сиюминутными радостями физических наслаждений. Более того, наполняя данное поэтическое произведение новыми ассоциативными связями за счет вкрапления метафор при переводе на русский язык, российские авторы создали новые неповторимые образы, соответствующие философским и культурологическим канонам русского поэтического слова.

Библиографический список

1. Вацуро В.Э. «Ирландские мелодии» Томаса Мура в творчестве Лермонтова // Русская литература. 1965. № 3. С. 184–192.
2. Кант И. Критика способности суждения. М.: Искусство, 1994. 367 с.
3. Мур Т. Томас Мур – ирландский бард любви и свободы / пер. на рус. яз., предисл. и примеч. А.В. Покидова. М.: Престиж, 2006. 446 с.
4. Лермонтов М.Ю. Песнь Барда. URL: http://www.world-art.ru/lyric/lyric.php?id=1153 (дата обращения: 8.08.2020).
5. Лермонтов М.Ю. Романс. URL: http://www.all-poetry.ru/stih272.html (дата обращения: 15.08.2020).

6. Электронный словарь Мультитран. URL: https://www.multitran.ru/c/m.exe?a=DownloadFile (дата обращения: 04.01.2018).
7. Moore T. Irish Melodies. URL: http://pokidov-poetry.ru/T_Moore_I_B.pdf (дата обращения: 20.08.2020).

PHILOSOPHICAL READING OF THE IRISH MELODIES BY THOMAS MOORE AND THE REMINISCENCE OF THE MOORE'S HERITAGE IN THE POETRY OF MIKHAIL LERMONTOV

O.A. Egorova

Tver State Technical University, Tver

This article examines the reflection of the positive pleasure philosophy in the opuses of «Irish Melodies» by T. Moore and the poetic tonality preservation adequacy in the work's translation into Russian, including reminiscences of Moore's poetic heritage in some poems by Mikhail Lermontov. Comparison of translations into Russian of some of Moore's melodies revealed that the translators used the method of semantic compensation to fill in the «gaps» that include elements of the Ireland's mythological folklore.

Keywords: *humanistic attack, romanticism, reminiscences, semantic compensation, cultural context, philosophical school.*

Об авторе:

ЕГОРОВА Ольга Анатольевна – старший преподаватель кафедры иностранных языков ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», г. Тверь, Россия. E-mail: mipe456@hotmail.com. SPIN-код 1954-7772.

Author information:

EGOROVA Olga Anatolyevna – Senior Lecturer of Subdepartment of Second Languages of Tver State Technical University, Tver, Russia. E-mail: mipe456@hotmail.com

УДК 321.7:316.3

СОВЕЩАТЕЛЬНАЯ ДЕМОКРАТИЯ КАК ОСНОВА ДЛЯ РАЗВИТИЯ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА

О.И. Туманова

ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», г. Тверь

© Туманова О.И., 2020

В статье проанализированы преимущества общественного обсуждения, которое представляет собой основу модели совещательной демократии. Институты, действующие в рамках данного типа политической системы, могут быть эффективно использованы также для развития гражданского общества.

Ключевые слова: *гражданское общество, совещательная демократия, политическая система, общественное обсуждение.*

DOI: 10.46573/2409-1391-2020-3-41-45

Демократия на сегодняшний день представляет собой наиболее актуальную модель политической системы. Это отмечают как ее сторонники, так и противники. Исследователи теории и практики демократии объясняют подобную популярность способностью «удовлетворить нужды больших масс людей гораздо лучше иных систем» [1, с. 316]. Демократическая система позволяет достичь не только законной власти и свободы, но и таких базовых ценностей, как политическое равенство и нравственное развитие общества, удовлетворение общественных интересов и потребностей с учетом взаимообязывающих решений, учитывающих интересы каждого, и общественной пользы в целом. Однако, несмотря на то что «согласие народа» [2, с. 10] в качестве основы политического строя может рассматриваться как наиболее легитимное, данный тип управления остается достаточно уязвимым к внешним и внутренним вызовам.

Британский исследователь Дэвид Хелд высказывает опасение, что современная демократия может свестись к «правлению не просвещенных и не мудрых масс» [2, с. 381], что становится возможным благодаря внедрению «принципа подотчетности правителей перед управляемыми» [2, с. 381], а также расширению влияния населения в различных сферах деятельности государства.

Несмотря на достаточно хорошую изученность демократии как типа политической системы, анализ ее элементов продолжает оставаться актуальным предметом исследования в общественных науках. В частности, значительное внимание уделяется разбору классических и современных моделей демократии. Например, Дэвид Хелд в своей работе «Модели демократии» (2006) к числу классических относит идею демократии, зародившуюся в древних Афинах, республиканскую концепцию самоуправляющегося сообщества, модель либеральной демократии, а также марксистскую концепцию прямой демократии. Анализ современных моделей проводится автором для конкурентной

элитистской демократии, плюрализма, правовой демократии, демократии прямого участия и модели совещательной демократии.

Все рассмотренные Хелдом модели условно разделяются на два основных типа. Первый тип определяется как прямая демократия (или демократия прямого участия), которая может быть рассмотрена в качестве «системы принятия решений в отношении общественных дел, в которую граждане непосредственно вовлечены» [2, с. 20]. Второй тип определяется как либеральная (или представительная) демократия, и она является системой правления, включающей в себя «избранных "должностных лиц", которые обязаны "представлять" интересы и/или взгляды граждан в рамках "правопорядка"» [2, с. 20]. Указанные модели демократии покрывают широкий спектр возможного политического пространства в двух измерениях: в распространении политического равноправия и гражданского участия на категорию всех взрослых граждан, а также в расширении сферы компетенции демократии на экономические, социальные и культурные области [2, с. 382].

Любая модель политической системы должна решать задачи не только эффективного управления, защиты интересов государства и предупреждения угроз, но и формирования гражданского общества, являющегося основой сильного, развитого государства. Для решения данных задач в каждой модели демократии можно выделить инструменты, позволяющие обеспечить процесс взаимодействия государства и общества.

В числе современных моделей демократии, чья актуальность представляет предмет исследовательского интереса, можно выделить модель совещательной демократии, направленную на «улучшение природы и формы политического участия» [2, с. 382], т.е. на развитие гражданства. Сторонники совещательной демократии выступают за «компетентность в полемике, использовании интеллекта общественности в государственных делах и непредвзятость в обретении истины» [2, с. 383]. Процесс политического участия приобретает характер познавательного, «в ходе и посредством которого люди осознают целый ряд вопросов, необходимый им для того, чтобы выносить здравые и разумные политические суждения» [2, с. 384].

Исследователи совещательной демократии настаивают на необходимости обоснования всего спектра ценностей и перспектив развития общества в процессе социальных столкновений. Таким образом, должно происходить формирование «принципа взаимности» – основы современной демократии. По мнению Дэвида Хелда, данный принцип требует как от теоретиков, так и от населения в повседневной жизни большего акцента «на тех установках и процедурах формирования предпочтений и процесса познания, которые находятся в рамках политики и гражданского общества» [2, с. 385].

В рамках модели совещательной демократии внимание акцентируется на анализе «разнообразных контекстов гражданского общества, некоторые из которых препятствуют, а некоторые – способствуют свободному обсуждению и дебатам» [2, с. 386]. Таким образом, можно говорить о необходимости создания условий для эффективного обсуждения вопросов общественно-политического развития.

Подобное внимание к процессу формирования и выражения различных мнений гражданами объясняется тем, что современная демократия частично утратила культуру политических дебатов и политического участия населения. Это связано, прежде всего, с изменением характера публичного поля политики, которое выражается в поверхностном, некомпетентном и неплодотворном процессе политических дебатов, существенной отчужденности населения от политического процесса, перенасыщенности политики медиа. По мнению американского политолога Джеймса Фишкина, в современной демократии «акцент делается скорее на личности политиков, чем на самой политике» [3, с. 3]. В политическом процессе все более используются инструменты маркетинга, среди которых особенно востребованы опросы общественного мнения и работа с целевыми группами, что приводит к приспособлению политической сферы к «бытующим взглядам и интересам» [2, с. 387].

Поверхностный, а часто медийный характер политики, отсутствие идей, а в отдельных случаях и высококвалифицированного руководства являются лишь одними из немногих причин, определяющих необходимость проведения работы, которая будет направлена на формирование осознанного участия граждан в политическом процессе. Иными словами, речь идет о построении прочной основы гражданского общества. При этом следует учитывать, что построение гражданского общества не заменяет собой институт демократии. По мнению британского социолога Э. Гидденса, продвижение идеи гражданского общества в качестве «панацеи от дефицита демократии в официальной политике или как способа уравновесить авторитарное правление может оказаться ошибкой» [1, с. 307].

В основе совещательной модели демократии находится здравое общественное рассуждение. Таким образом, первоочередной целью развития механизмов обратной связи государства и общества сторонники совещательной демократии определяют «усовершенствование процесса, посредством которого граждане формируют политические суждения» [2, с. 412]. Важным также является укрепление «механизмов, при помощи которых профессиональные политики узнают о взглядах и приоритетах граждан» [2, с. 412].

Благодаря объективистским рассуждениям осознание проблем власти и вопросов, касающихся политических процессов, становится возможным на качественно ином уровне. В ходе беспристрастных рассуждений формируется информация, к которой граждане могут относиться с большим доверием и уважением. Однако здесь можно столкнуться с проблемой корректности форм обсуждения. Для обеспечения легитимности политических суждений исследователи предлагают «провести различие между принудительными и не принудительными соглашениями, а также соглашениями, отражающими искажения власти со стороны, – от тех, что были сформированы в ходе открытой и свободной коммуникации» [2, с. 404–405]. Подобное разделение способно решать задачу предотвращения социальных конфликтов.

Принимая процесс обсуждения за основу совещательной демократии, следует также выделить ряд институтов, дополняющих существующие демократические процедуры и улучшающих «качество демократической жизни, не претендуя на высокий уровень политического участия, требу-

емого классическими, марксистскими и партисипаторными демократами» [2, с. 406–407]. Исследователи в число таких институтов включают введение совещательных опросов, дней обсуждения, гражданских жюри, расширяющих механизмы ответной реакции голосующих и гражданской коммуникации, реформу гражданского образования для усиления возможности рефлексивного выбора, а также общественное спонсирование гражданских групп и ассоциаций, стремящихся к участию в совещательной политике [2, с. 407]. Развитие указанных институтов позволяет, с одной стороны, обеспечить доступ к участию в политике для каждого человека, т.е. соблюсти принципы совещательности и равенства. С другой стороны, создаются условия, направленные на улучшение качества уже существующих политических институтов, а также формируется среда, в условиях которой граждане смогут принимать «адекватные решения по комплексным государственным вопросам» [2, с. 410].

Особое внимание уделяется гражданскому образованию, которое в рамках модели совещательной демократии рассматривается как обязательная часть образования каждого ребенка. Уже в процессе обучения в начальной школе предполагается развивать «умение поставить свои собственные желания и интересы в контекст интересов других» [2, с. 415]. Таким образом, становится возможным последовательное формирование у человека гражданских ценностей, необходимых для успешного развития демократической культуры.

Важным элементом развития механизмов взаимодействия государства и общества выступает использование современных коммуникационных каналов, позволяющих не только обеспечить доступ граждан к информации, но и сформировать еще одну площадку для общественных обсуждений. Кроме того, доступность информации и документов, касающихся государственной политической повестки, обеспечивает определенную прозрачность политического процесса для населения, что позволяет повысить уровень доверия к принимаемым решениям.

Таким образом, институты совещательной демократии могут рассматриваться не только в качестве инноваций в политическом процессе, но и как весьма эффективные инструменты, использование которых позволит качественно улучшить развитие гражданского общества, а также повысить уровень политической культуры населения.

Модель совещательной демократии пока еще сложно рассматривать в качестве основы для фундаментальной трансформации демократической системы. Слишком много опасений связано с тем, что в настоящее время речь идет о вынужденном выборе между «политически равными, но относительно некомпетентиными массами и политически неравными, но относительно компетентными элитами» [3, с. 1]. Однако акцент на общественном обсуждении, вовлеченности граждан в политику в форме активного диалога делает данную модель перспективной для трансформации политической системы современного государства.

Библиографический список

1. Гидденс Э., Саттон Ф. Основные понятия в социологии / пер. с англ. Е. Рождественской, С. Гавриленко; под науч. ред. С. Гавриленко. 2-е изд. М.: Высшая школа экономики, 2019. 336 с.
2. Хелд Д. Модели демократии / пер. с англ. М. Рудакова. М.: Дело, 2014. 544 с.
3. Fishkin J.S. Democracy and Deliberation: New Directions for Democratic Reform. New Haven and London: Yale University Press, 1991. 133 p.

DELIBERATIVE DEMOCRACY AS A BASIS FOR THE DEVELOPMENT OF CIVIL SOCIETY

O.I. Tumanova

Tver State Technical University, Tver

The article is devoted to the benefits of the public discussion, which form the basis of the model of deliberative democracy. Institutions operating within this type of political system can also be effectively used for the development of civil society.

Keywords: *civil society, deliberative democracy, political system, public discussion.*

Об авторе:

ТУМАНОВА Ольга Игоревна – кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры социологии и социальных технологий ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», г. Тверь, Россия. E-mail: maks69@bk.ru. SPIN-код: 3225-2480.

Author information:

TUMANOVA Olga Igorevna – PhD (Social Sciences), associate professor of the department of sociology and social technologies, Tver State Technical University, Tver, Russia. E-mail: maks69@bk.ru

УДК 17.021

СИСТЕМА ОБРАЗОВАНИЯ И «LEGAL TECH» В РЕСПУБЛИКЕ СИНГАПУР В ПЕРСПЕКТИВЕ ФОРМИРОВАНИЯ ОБЩЕСТВА ЗНАНИЯ

О.Ю. Морозова

ФКУ «Научно-исследовательский институт информационных технологий Федеральной службы исполнения наказаний», г. Тверь
ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», г. Тверь

© Морозова О.Ю., 2020

Статья посвящена рассмотрению концепции общества знания в контексте анализа доклада ЮНЕСКО 2005 г. и общественной модели Республики Сингапур в период с середины 1960-х гг. до настоящего времени. Автор также анализирует влияние информационно-коммуникационных технологий на прогрессивное развитие системы образования Сингапура, а также роль указанных технологий в сфере права («legal tech») в судебной системе государства.

Ключевые слова: *знание, экономика знания, информационно-коммуникационные технологии, дистанционное образование.*

DOI: 10.46573/2409-1391-2020-3-46-52

В 2005 г. был опубликован Доклад ЮНЕСКО «К обществам знания», декларирующий основы построения так называемого «общества знания»: создание цифровой экономики, качественное и количественное реформирование системы образования (синтез специализации и образования широкого профиля вкупе с концепцией «образования длиною в жизнь») и модернизация системы государственного управления (ориентация на меритократию и так называемый «legal tech»). В то же время Организация Объединенных Наций с середины 2000-х гг. ставит целью «устойчивое экономическое развитие», что в перспективе поможет преодолеть глобальную проблему «Север – Юг», и это особенно актуально в условиях очередного экономического кризиса 2020 г., вызванного пандемией коронавируса. Отметим, что ровно треть (34 %) стран мира тратят менее 1 % государственного бюджета на образование для лиц старше 23 лет [7].

В этой связи крайне интересным представляется анализ «Сингапурского экономического чуда», которое позволило островному государству третьего мира стать уже к 1997 г. лидером в области «legal tech» (информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) в сфере права) и в области образования (опередив, таким образом, концепцию ЮНЕСКО на 8 лет) [14, 10]. Впрочем, данный факт соответствует тезису ЮНЕСКО о том, что в эру «обществ знания» вступают пока что лишь некоторые государства (например, США, Япония – еще с середины 1970-х гг.) [3, с. 45].

Для анализа общественной структуры в Республике Сингапур обратимся к модели «общества знания», выработанной в рамках социального знания. Выделим ее основные особенности:

1) знание превращается в фактор производства (одновременно знание является характеристикой конкурентоспособности индивидуума);

2) создание «информационной экономики» (внедрение систем оценки рисков, криптовалюты, нейросетей и т. д.) [8];

3) непрерывное профессиональное образование (повышение квалификации);

4) синтез идеологии индивидуализма (самореализация, защита авторских прав, право на творческое развитие) и коллективизма (обеспечение потребностей малоимущих, социальные гарантии в сфере здравоохранения и образования).

Отечественные исследователи С.В. Рассадин и Д.Е. Трегубенко в связи с этим констатируют: «Важнейшей специфической чертой, вытекающей из самой природы общества знания, существующего в рамках глобального информационного пространства, является установка на постоянное обновление всего (контента, программ, идей, образов, моделей поведения, профессий, стилей, технологий, в конечном счете смыслов жизни). Инновационность общества знания предлагается решать с помощью европейской концепции «образование через всю жизнь». Но реализация данной концепции возможна только при четком осознании двух комплементарных целей образования: во-первых, ориентации процесса обучения на предельно широкое развитие самого человека, во-вторых, при условии развития у человека широких возможностей когнитивного поиска и максимально объемного кругозора» [11, с. 56]. Как уже отмечено выше, знание играет серьезную роль в экономике в трех формах: как основа грамотного менеджмента; как форма оказания услуги (консалтинг, аудит, оценка рисков); как фактор конкурентоспособности человека на рынке труда (так называемый «человеческий капитал»). Высококвалифицированный работник из простого пролетария превращается в работника-предпринимателя на рынке труда, характеризующегося «самоорганизацией, самокоммерциализацией и саморационализацией» [15, с. 57].

Кроме того, общество знания характеризуется высоким уровнем развития прав личности и синтеза индивидуализма и коллективизма в интересах устойчивого развития (авторские права, права личности и т. д.).

Исторически Республика Сингапур проделала колоссальный путь от бывшей колонии Великобритании до регионального экономического лидера с развитой сферой IT. Традиционно к творцам «сингапурского экономического чуда» причисляют первого премьер-министра Ли Куан Ю (назначенного в 1959 г. еще британской администрацией). Ключевые факторы, определившие экономический рост Сингапура в «эпоху выживания» (период с 1965 по 1978 гг.), – это ориентация на экспорт, привлечение иностранных инвесторов, курс на неолиберализм и борьба с коррупцией [4]. Однако главная, на наш взгляд, причина успехов Сингапура (наряду с либерализацией инвестиционного законодательства для иностранного капитала) – это реформа образования, совпавшая по времени с «периодом выживания» и обусловившая переход к периоду «устойчивого экономического развития» [16, с. 19].

К 1965 г., когда Сингапур обрел независимость (сецессия от Федерации Малайзия), Великобритания отсутствовала в регионе уже 5 лет и образовательные учреждения, созданные на острове для детей сотрудников британской администрации, пришли в упадок. Второй причиной кризиса в сфере образования являлось образование на разных языках для различных национальностей (китайцев, малайцев, перанаканов, индийцев и арабских мигрантов). Таким образом, Сингапур де-факто был вынужден обратиться к модели билингвизма: во всех образовательных учреждениях обучение велось на английском языке. Одновременно обязательно изучался родной национальный язык (по выбору). Прагматическая подоплека подобного решения также имела место: поголовное знание английского языка гарантировало благоприятную среду для иностранных инвесторов [17].

В рамках реформы образования 1961–1965 гг. также была сделана ставка на всеобщее бесплатное начальное образование в английских и китайских школах (по выбору). К 1990 г. в английских школах обучался 91 % детей местного населения (9 % – в китайских). Реформа полностью финансировалась из государственного бюджета, что свидетельствует о приверженности к принципам азиатского патернализма [1]. Кроме того, из национального бюджета были профинансированы разработка и внедрение новой учебной литературы на английском языке. Особое внимание уделялось техническим и экономическим специальностям, а также подготовке педагогических кадров (для обеспечения всеобщего образования) [6].

К 1979 г. («эпоха устойчивого развития») Министерство образования Сингапура столкнулось с новой проблемой: неоднородностью образования (лишь 40 % детей успешно сдавали выпускной экзамен на знание английского языка). Решено было создать «потоковую систему», при которой применялся бы индивидуальный подход к обучающимся в зависимости от их способностей. Также в 1980-е гг. был взят курс на подготовку специализированных технических кадров (не последнюю роль в популяризации профессионального технического образования сыграл рост зарплат в этой сфере) [13, с. 39].

Наконец, к 1997 г. (эпоха «общества знания») Сингапур подошел к одной из лучших систем образования в мире (что проявлялось в результатах международных технических и математических олимпиад). В результате очередной реформы произошел отход от «потокового образования» в сторону индивидуализации учебного плана (большое количество предметов по выбору). Также впервые был провозглашен принцип непрерывного образования: для сохранения лидерства небольшого государства в экономике региона от граждан требуется постоянное повышение квалификации. Кроме того, с 1997 г. в систему образования начали внедрять ИКТ. Уже к 2010 г. до 30 % учебного плана реализовывалось электронно. Раз в пять лет стали приниматься планы информатизации учебного процесса [5]. Отметим, что идея дистанционного обучения в настоящее время как никогда актуальна. На наш взгляд, вполне естественно, что Сингапур оперативно справился с эпидемией коронавируса в 2020 г. (в том числе за счет закрытия школ и перевода учеников на дистанционное обучение) [12].

В рамках реализации трех программ внедрения ИКТ в образование (с 1997 по 2014 гг.) были последовательно решены три блока задач:

1) материальное обеспечение образовательных учреждений ИКТ (в 1998 г. создан и функционирует по сей день портал «Edu.mall»);

2) повышение квалификации педагогов (для обеспечения функционирования систем дистанционного образования). Внедрение ИКТ в отдельные учебные курсы;

3) переход учеников к «проектной работе» и творческой деятельности, ориентация на практическое обучение, расширение курсов с ИКТ-обеспечением (дистанционным образованием, контролем текущей успеваемости и оценки результатов обучения).

К 2014 г. были в целом достигнуты цели третьей программы: всеобщее покрытие образовательных учреждений ИКТ; формирование корпуса преподавателей, способных передавать ученикам навыки работы с ИКТ в рамках учебного процесса. Наконец, введен институт самоуправления: школьное руководство с помощью ИКТ самостоятельно выстраивает учебный план и план аттестации учащихся [5].

Таким образом, к 2020 г. обучающиеся (на 100 % обеспеченные устройствами, с которых возможен доступ к образовательным программам) способны получать знания в любое время и независимо от своего местоположения. Учителя же являются модераторами программ обучения и самостоятельно планируют занятия с применением ИКТ. Также широко распространены творческая и проектная формы обучения, что усиливает заинтересованность обучающихся в образовательном процессе [2].

Примечательно, что принятие первого учебного мастер-плана по внедрению ИКТ в образование совпало и с крупной реформой сингапурской судебной системы в 1997 г. На наш взгляд, Сингапур заслуженно считается лидером в сфере «legal-tech» по следующим двум причинам:

1. Цифровизация судопроизводства. К началу 1990-х гг. правовая система Сингапура, многое унаследовавшая у Великобритании и одновременно ориентированная на национальные обычаи, в целом выработала надлежащее правовое регулирование экономических институтов. В частности, было создано комфортное инвестиционное законодательство для иностранного капитала (что лишний раз подчеркивает готовность Сингапура к глобализации и построению «общества знания»). В то же время судебная система требовала реформ, так как одно дело могло рассматриваться от 4 до 5 лет (время от подачи заявления до рассмотрения высшей контрольной инстанцией – Верховным судом). Повышение образованности судей, борьба с коррупцией и изменения в материальном и техническом обеспечении судов повлияли в положительную сторону на качество правосудия. Вместе с тем ускорить судопроизводство и разгрузить суды помогли ИКТ в сфере права («legal tech»).

С 1997 г. во всех судах Сингапура начала применяться электронная система подачи заявления (Electronic Filing System – EFS). Уже спустя три года EFS стала обязательной при рассмотрении споров, возникающих во всех гражданских правоотношениях (для сравнения – достаточно удобная и

современная российская система «кад – арбитр» охватывает лишь судопроизводство по экономическим спорам). Наконец, с 2011 г. проводятся испытания электронной системы гражданских исков (Integrated Electronic Litigation System). Кроме удобства и повышения доступности правосудия данные системы полностью исключают возможность «случайного» появления в электронных материалах дела какого-либо нерелевантного или поддельного доказательства. В равной степени упрощается ведение судебной статистики.

Наконец, использование ИКТ (например, систем электронного доступа к документам – «Electronic Extract Service» и службы информирования – «Electronic Information Service») позволяет юристам и их доверителям не выходя из дома знакомиться с материалами дела и знать о всех процессуальных действиях суда и оппонентов. Все эти системы объединены на сайте LawNet. Наконец, правосудие стало доступным даже для лиц, не обладающих юридическим образованием. В частности, созданы система электронной медиации и система проведения судебных заседаний через видеоконференцсвязь (что позволяет сэкономить на юристе и самому сходить в суд буквально из дома) [10].

2. Введение законодательного регулирования криптовалюты. Уже в июле 2017 г. в суде Сингапура было рассмотрено дело об оспаривании сделки с криптовалютой (в России подобные кейсы появились в 2018–2019 гг.). При этом спор возник в связи с обменной операцией (обменом криптовалюты «эфириум» на криптовалюту «биткоин»). В результате государственный суд Республики Сингапур стал первым в мире судом, рассматривающим спор о правовом регулировании сделок с криптовалютой (суть спора заключалась в вопросе о законности сделки, заключенной вследствие системной ошибки, повлекшей необоснованную выгоду для покупателя) [9].

Таким образом, Сингапур в результате грамотной политики в сфере образования и внедрения ИКТ во многие общественные институты (в том числе суды) заслуженно вошел в число региональных экономических держав, строящих «общество знания». Тем не менее нерешенным остается вопрос, озвученный в докладе ЮНЕСКО: как преодолеть разрыв между развитым «Севером» и неразвитым «Югом»? В случае с Сингапуром наиболее развитым соседом является КНР, в связи с чем ответственность за поднятие уровня жизни в Юго-Восточной Азии логично возложить именно на самую большую экономику мира. Сингапур же является примером успешных реформ и потенциальной кузницей кадров (со знанием международного языка общения и навыками работы с ИКТ) для развития экономики всего региона. Насколько же потенциально возможно обеспечить ИКТ и системой «образования длиною в жизнь» весь регион, на наш взгляд, покажет время и неминуемый технический и социальный прогресс.

Библиографический список

1. Акчелов Е.О., Похолков Ю.П. Роль системы образования в экономическом развитии региона (на примере Сингапура) // Профессиональное образование в России и за рубежом. 2016. № 4. С. 221–227.
2. Алишев Т.Б., Гильмутдинов А.Х. Опыт Сингапура: создание образовательной системы мирового уровня // Вопросы образования. 2010. № 2. С. 236–245.
3. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество: опыт социального прогнозирования. М.: Academia, 1999. 949 с.
4. Биография первого премьер-министра Сингапура Ли Куан Ю. URL: http://tass.ru /info/1847165http://tass.ru/info/1847165 (дата обращения: 28.01.2017).
5. Буцык С.В. Программы развития информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) в сфере образования Сингапура // Открытое образование. 2012. № 1. С. 78–84.
6. Данилова Л.Н. Образовательное лидерство Сингапура как социокультурный феномен // Ярославский педагогический вестник. 2018. № 1. С. 1–8.
7. Доклад ЮНЕСКО показывает, что во многих странах менее 5 % населения могут воспользоваться возможностями обучения и образования взрослых. URL: https://ru.unesco.org/news/doklad-yunesko-pokazyvaet-chto-vo-mnogih-stranah-mene e-5-naseleniya-mogut-vospolzovatsya (дата обращения: 22.12.2019).
8. Ефременко Д.В. Б. Крингс. Социологическая перспектива общества, основанного на знании: предположения, факты и точки зрения: реферат // Концепция «общества знания» в современной социальной теории: сб. науч. тр. М.: ИНИОН РАН, 2010. С. 164–170.
9. Право.ру: «В Сингапуре впервые оспорили сделку о продаже криптовалюты». URL: https://pravo.ru/interpravo/news/view/143141/ (дата обращения: 01.06.2020).
10. Право.ру: «Сингапурский суд как бизнес-проект». URL: https://pravo.ru /interpravo/practice/view/83653/ (дата обращения: 01.06.2020).
11. Рассадин С.В., Трегубенко Д.Е. Интеллектуалы, знание и университет на пути к обществу знания // Вестник Тверского государственного университета. Сер.: Философия. 2012. № 1–2. С. 52–63.
12. РБК: «Как борются с коронавирусом в Сингапуре». URL: https://www.rbc.ru /society/01/06/2020/5ed4bd1c9a7947274fa71c47 (дата обращения: 01.06.2020).
13. Сафуанов И.С., Атанасян С.Л. Математическое образование в Сингапуре: традиции и инновации // Наука и школа. 2016. № 3. С. 38–44.
14. A Teacher Education Model for the 21st Century // A Report by the National Institute of Education. URL: https://www.nie.edu.sg/docs/default-source/nie-files/te21_ executive-summary_101109.pdf?sfvrsn=2 (дата обращения: 01.06.2020).
15. Bittlingmeyer U.H. Wissensgesellschaft als Wille und Vorstellung. Konstanz: UVK, 2005. 361 p.
16. Lee Sing-Kong, Tan Jee-Peng, Fredriksen Birger, Goh Chor Boon. Toward a better future: education and training for economic development in Singapore since 1965. 2008. № 43968. 208 p. URL: https://openknowledge.worldbank.org/bitstream/ handle/10986/6432/439680PUB0Box310only109780821373750.pdf?sequence=1&is Allowed=y (дата обращения: 01.06.2020).
17. Tony Tan. URL: http://www.thefamouspeople.com/profiles/tony-tan-5686.php (дата обращения: 01.06.2020).

THE EDUCATION SYSTEM AND «LEGAL TECH» IN THE REPUBLIC OF SINGAPORE IN THE PERSPECTIVE OF THE FORMATION OF A SOCIETY OF KNOWLEDGE

O.Yu. Morozova

Research institute of information technologies of Federal penitentiary service,
Tver State Technical University, Tver

The article is devoted to the concept of « society of knowledge» in the context of the analysis of the 2005 UNESCO Report and the social model of the Republic of Singapore in the period from the mid-1960s to the present time. The author also analyzes the impact of IT on the progressive development of Singapore's education system, as well as the role of IT (legal tech) in the judicial system of the state.

Keywords: *electronic document management system, distance learning, electronic multimedia manual.*

Об авторе:

МОРОЗОВА Ольга Юрьевна – главный специалист отдела внедрения ЦРИТ ФКУ «Научно-исследовательский институт информационных технологий Федеральной службы исполнения наказаний», аспирант ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», г. Тверь, Россия. E-mail: moroz-75@mail.ru. SPIN-код: 1369-0735.

Author information:

MOROZOVA Olga Yuryevna – chief specialist of the Department of implementation of Research institute of information technologies of Federal penitentiary service, Ph.D. student of Tver State Technical University, Tver, Russia. E-mail: moroz-75@mail.ru

Вестник ТвГТУ. Серия «Науки об обществе и гуманитарные науки». 2020. № 3 (22). С. 53–58

УДК 172.4: 327.33

ПОЛИТИКА ФОРМИРОВАНИЯ ИДЕНТИЧНОСТИ В ЕВРОПЕЙСКОМ СОЮЗЕ: ПРОБЛЕМЫ, ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ, СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ

Н.Н. Козлова, А.А. Макаров

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

© Козлова Н.Н., Макаров А.А., 2020

В статье рассматривается политика конструирования идентичности в Европейском союзе (ЕС), дается краткий обзор основных этапов данного процесса с момента появления первых дискурсов об идентичности до современного состояния.

Ключевые слова: *политика идентичности, идентичность, ЕС, символическая политика, «кризис идентичности».*

DOI: 10.46573/2409-1391-2020-3-53-58

Тема политики идентичности становится актуальной со второй половины XX в., что связано с глубинными социально-политическими и культурными изменениями, происходящими во всем мире. Так, появление различных общественных движений, борющихся за то, чтобы идентичность представляемых ими групп была признана, обозначило культурное различие в качестве важнейшего фактора социального неравенства. Вместе с тем формировалась критика иерархии традиционных идентичностей, которые были характерны для общества модерна.

Кроме того, взаимовлияние происходящих в обществе процессов и научных дискурсов поспособствовало тому, что многие привычные явления были переосмыслены.

В частности, в социальной науке под влиянием философии постструктурализма стало формироваться иное понимание сущности идентичности, которая перестала трактоваться как нечто естественное, природное, жесткое, изначально присущее индивиду, обществу, государству. Иначе говоря, на смену эссенциалистской установке пришла конструктивистская, утверждающая, что идентичность – это нечто формируемое, изменчивое, неустойчивое, выбираемое и фрагментарное.

Немаловажным изменением стало и то, что в качестве мотивационного фактора, влияющего на предпочтения, поведение и выбор индивида, стали выделяться не рационально осознанные интересы и общественные нормы, а идентичности и солидарности. В академической среде сформировалось представление, согласно которому именно самоотождествление человеком себя с какой-либо социальной категорией предопределяет его выбор или предпочтения.

Таким образом, политика идентичности становится неотъемлемой частью современного политического процесса, его реальностью, интерес к которой исходит не только от ученых, стремящихся наиболее полно осмыслить данный феномен теоретически и найти возможности его применения на практике, но и

от политиков, видящих в этом мощный инструмент, способный не только мобилизовать определенные группы населения, но также помочь в достижении признания или получении доступа к власти [6, 8, 12].

Вместе с тем важно отметить, что в современном мире политика идентичности перестает быть инструментом, преимущественно сконцентрированным лишь в руках национальных государств и официальных властей. Возможность использовать данный «механизм» в настоящее время присутствует у СМИ, различных элит, религиозных институтов и политических субъектов [9].

Подходя к определению понятия «политика идентичности», хотелось бы привести дефиниции, предлагаемые современными российскими учеными. Так, Е.Ю. Цумарова определяет политику идентичности как «деятельность политических элит по формированию как представлений о «мы-сообществе», так и чувства принадлежности к сообществу в рамках границ политического сообщества, будь то границы национального государства или региона» [16, с. 17]. По замечанию Д.О. Рябова, для отечественной политической науки характерно понимание политики идентичности «как целенаправленной и мотивированной деятельности политических акторов по формированию, поддержанию и корректировке коллективной идентичности как микро-, так и макрополитических сообществ» [10, с. 87]. Таким образом, из представленных выше определений можно увидеть, что в современной российской науке преимущественно господствует конструктивистский взгляд на данный феномен.

В рамках данной статьи хотелось бы рассмотреть опыт проведения политики идентичности на примере Европейского союза (ЕС), так как конструирование идентичности в этом регионе является особенно актуальной проблемой.

Начиная с момента создания наднациональных политических структур в Европе тема построения общеевропейской идентичности становится одной из ключевых среди политических элит стран-участниц нового сообщества, так как деятельность и существование ЕС напрямую зависят от успешности проведения политики идентичности.

Непосредственно само понятие «европейская идентичность» появляется в 1973 г. на саммите стран Европейского экономического союза (ЕЭС). В рамках данной встречи были определены основные ценности, вкладываемые в «европейскую идентичность», среди которых можно отметить «социальную справедливость, экономический прогресс, права человека и представительную демократию» [17, с. 35]. Рассматривая «европейскую идентичность», отечественный ученый И.С. Семененко предлагает понимать под ней «самоидентификацию жителей европейских стран с ЕС (гражданством ЕС и другими его институтами)». Такое понимание, по мнению исследователя, способствует становлению европеизма и идеи единой Европы [13, с. 8].

В период 1980-х гг. политика идентичности ЕЭС была преимущественно направлена на формирование общеевропейских символов (в частности, установили общий флаг, гимн и праздник). В этот же период происходит

оформление структур, целью которых является создание плана и осуществление политики идентичности. Кроме того, появляется осознание того, что именно культура должна выступать в качестве фундамента европейской идентичности.

В дальнейшем проведение культурной политики становится одной из ключевых программ, осуществляемых ЕС в 1990-е гг. Однако специфика заключенного в 1991–1992 г. Маастрихтского договора состоит в том, что наравне с признанием культурной самобытности народов Европы и обязанностями эту самобытность сохранять и развивать ясно обозначается главная цель проводимой культурной политики, а именно – развитие общеевропейской культуры, строящейся на универсальных ценностях. Кроме того, начинает внедряться идея европейского гражданства. Данное обстоятельство демонстрирует, что основное направление политики идентичности в ЕС фокусируется на конструировании «гражданского типа национальной идентичности» [17, с. 36].

Продолжением этого направления политики с 2000-х гг. становится стремление создать единое политическое сообщество в рамках ЕС, что вызвано включением в процесс европейской интеграции большего количества стран. Именно поэтому основной акцент делается на конструировании «гражданской нации как политической наднациональной общности» [4, с. 64]. По замечанию Л.В. Дериглазовой, главным принципом, на фундаменте которого строится европейская идентичность, становится «идея "размытой государственности" с опорой на гражданство ЕС» [3, с. 199]. В связи с этим усилия органов ЕС концентрируются на совмещении компонентов социокультурной и гражданской идентичности с целью увеличения пространства, в рамках которого осуществляется символическая коммуникация населения и институтов ЕС, что должно обеспечить рост значимости надрегиональной структуры для европейцев [3, 13].

Рассмотрение политики идентичности в качестве одной из составляющих символической политики позволяет глубже взглянуть на процесс конструирования идентичностей. Выступая в качестве деятельности, целью которой являются формирование и установка в сознании отдельных людей и групп определенного способа понимания действительности как преобладающего, символическая политика предстает важной частью политического процесса, вводя в исследовательское поле борьбу символов [1, 5].

В контексте конструирования европейской идентичности отдельно хотелось бы обратить внимание на проводимую в ЕС символическую политику. Так, рассматривая политику идентичности в ЕС, российский ученый Д.О. Рябов отмечает, что со стороны «еврооптимистов» целенаправленно исходит политика исключения России из состава Европы.

В заявлениях европейских политиков, в символах, ритуалах, учебных программах, в рамках различных дискурсов (исторических, политико-правовых, этноконфессиональных) образ России намеренно формируется как чуждый, неприемлемый для европейской цивилизации. При этом важно отметить, что это негативное изображение выполняет важные функции в политике идентичности, среди которых Д.О. Рябов выделяет «определение символических границ

Европы и критериев европейскости; достижение позитивной коллективной идентичности граждан ЕС; оправдание создания ЕС и его существования в нынешних границах, а также обоснование его внешней политики; легитимацию власти и делегитимацию ее оппонентов; поддержание и корректировку социально-политического порядка в странах ЕС; легитимацию внутреннего устройства ЕС» [10, с. 96]. Вместе с тем люди, относящиеся скептически к ЕС, наоборот, признают Россию частью европейской цивилизации, подчеркивая ее приверженность к настоящим европейским ценностям, среди которых фигурируют христианство, традиционная семья, отстаивание национальных интересов и суверенитета [11].

Говоря о результатах проводимой в ЕС политики идентичности, хотелось бы указать, что в настоящий момент многими исследователями отмечается «кризис идентичности», проявляющийся в странах Европы [14]. Интеграция в свой состав стран Восточной Европы, невозможность прийти к соглашениям по ряду экономических и политических вопросов, по замечанию ряда ученых, способствовали увеличению уровня евроскептицизма, что, в свою очередь, привело к всплеску националистических настроений внутри европейских стран [7, 15]. Кроме названных выше факторов, отечественные исследователи Е.В. Шишкина, Е.В. Викторова и О.В. Алексеева выделяют следующие причины кризиса европейской идентичности: снижение роли христианства; языковое многообразие; включение в состав ЕС новых стран; продолжающуюся уже длительное время, но так и незавершенную политическую интеграцию государств-членов; повышение уровня региональной идентичности; неконтролируемые миграционные потоки [17]. К этому стоит добавить непонимание обществом европейской идентичности, оторванность большинства населения от идей единой Европы, восприятие проводимой политики идентичности как действий, осуществляемых лишь в интересах элит и причастных групп [2]. Исследователи отмечают, что жители разных государств видят в основе европейской идентичности различные компоненты. Так, для граждан Польши, Бельгии, Литвы характерно выделять культурный фактор, в то время как представители Германии, Финляндии и Греции акцентируют внимание на гражданской составляющей [13].

Отдельного внимания заслуживает проблема смены политических предпочтений среди жителей ЕС, что проявляется в росте «правых» и националистических движений, которые традиционно выступают против идеи конструирования европейской идентичности. Особенно заметной данная тенденция стала после выборов в Европарламент в 2014 г., где в целом ряде стран, среди которых были Франция, Германия, Австрия, Швеция, праворадикальные партии добились заметного уровня поддержки. Несмотря на то, что они не смогли взять большинство в Европарламенте, их влияния стало вполне достаточно, чтобы не позволить «еврооптимистам» беспрепятственно реализовать все планы. Кроме того, популярность данных партий является ярким отражением общественных настроений [7, 13].

Вместе с тем исследования, призванные выявить уровень самоотождествления населения с гражданством ЕС, говорят о положительной тенденции, что, по мнению Л.В. Дериглазовой, не совсем верно. Исследователь

отмечает, что в ходе проводимых массовых опросов осуществляется подмена понятий. В частности, респондентов спрашивают о европейском гражданстве и идентичности соответственно, однако «европейский» интерпретируется в качестве связанного с институтами ЕС [4].

В настоящий момент политика идентичности остается одной из ключевых тем в деятельности ЕС, так как дальнейшее существование этой над-национальной структуры будет зависеть от успешности конструирования европейской идентичности.

Острым остается вопрос поиска объединяющего дискурса, так как исходящие «сверху» инициативы не нашли поддержки среди рядовых граждан, объединенных в основном только за счет повседневных практик и культурных программ [13].

В заключение хотелось бы отметить, что, несмотря на то, что политика конструирования европейской идентичности продолжается уже длительное время, данный процесс так и не был завершен. Кроме того, современное европейское общество находится в состоянии «кризиса идентичности», в рамках которого идея «единого европейского гражданства» вынуждена конкурировать с ростом регионального самосознания и национальной идентичностью. Это стимулирует руководство ЕС на поиск универсальных объединяющих ценностей, которые были бы приняты большей частью населения, так как только это сможет обеспечить стабильность наднациональной структуры в будущем.

Библиографический список

1. Бурдье П. Социология политики / пер. с фр. М.: Socio-Logos, 1993. 336 с.
2. Вайнштейн Г. Европейская идентичность. Возникающая реальность или фантом? URL: http://politcom.ru/8315.html (дата обращения: 23.07.2020).
3. Дериглазова Л.В. Формирование гражданской идентичности в Европейском союзе // Человек в меняющемся мире. Проблемы идентичности и социальной адаптации в истории и современности: методология, методика и практики исследования: программа и тезисы. Томск: ТГУ, 2014. С. 198–199.
4. Дериглазова Л.В. Результаты формирования гражданской идентичности в Европейском союзе в 1997–2014 гг. // Вестн. Том. гос. ун-та. История. 2014. № 6 (32). С. 60–66.
5. Малинова О.Ю. Конструирование макрополитической идентичности в постсоветской России: символическая политика в трансформирующейся публичной сфере // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2010. № 1. С. 5–29.
6. Малинова О.Ю. Исследование политики и дискурс об идентичности // Полит. наука. 2005. № 3. С. 8–22.
7. Мартинец Ю.А. Рост правого популизма в современной Европе (по оценкам европейских экспертов) // Вестник РГГУ. Сер.: Политология. История. Международные отношения. 2019. № 1. С. 123–138.
8. Миненков Г.Я. Политика идентичности с точки зрения современной социальной теории // Полит. наука. 2005. № 3. С. 21–38.
9. Митрошенков О.А. Управление идентичностями: возможности и пределы // Свободная мысль. 2011. № 10. С. 133–148.

10. Рябов Д.О. Образ России в политике европейской идентичности: случай «еврооптимистов» // Лабиринт. 2016. № 3–4. С. 86–102.
11. Рябов Д.О. Российский Другой в идентичности ЕС: репрезентации современного российского гендерного порядка в европейской прессе // Женщина в российском обществе. 2013. № 4. С. 98–105.
12. Семененко И.С. Политическая идентичность в контексте политики идентичности // ПОЛИТЭКС. 2011. № 2. С. 5–24.
13. Семененко И.С. Потенциал европейской идентичности как ресурса политической интеграции (что показали выборы в Европарламент) // Человек. Сообщество. Управление. 2014. № 3. С. 7–21.
14. Фадеева И.А. Проблема кризиса идентичности в условиях глобализации // Экономические науки. 2019. № 170. С. 7–10.
15. Федорцев В.А., Мамедова Л.К. Европейский союз: поиск «европейской идентичности» // Проблемы национальной стратегии. 2011. № 4 (9). С. 44–66.
16. Цумарова Е.Ю. Политика идентичности в регионах России: теоретический и практический аспекты (на примере Республики Карелия): автореф. дис. … канд. полит. н. СПб.: СПбГУ, 2014. 22 с.
17. Шишкина Е.В. Интеграционные процессы в ЕС и европейская идентичность: учебно-справочное пособие. СПб.: СПбГЭУ, 2018. 66 с.

THE POLITICS OF IDENTITY FORMATION IN THE EU: CHALLENGES, MILESTONES, CURRENT STATUS

N.N. Kozlova, A.A. Makarov

Tver State University, Tver

The article examines the policy of identity construction in the EU, provides a brief overview of the main stages of this process from the moment of the first discourses on identity to the current state.

Keywords: *identity politics, identity, EU, symbolic politics, «identity crisis».*

Об авторах:

КОЗЛОВА Наталия Николаевна – доктор политических наук, кандидат исторических наук, доцент, заведующая кафедрой политологии ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь, Россия. E-mail: tver-rapn@mail.ru

МАКАРОВ Андрей Алексеевич – студент 4-го курса направления подготовки «Политология» ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь. E-mail: andrei-267@mail.ru

Author information:

KOZLOVA Nataliya Nikolaevna – PhD (Political Sciences), Ass. Professor, Head of Political Science Department of Tver State University, Tver, Russia. E-mail: tver-rapn@mail.ru

MAKAROV Andrey Alekseevich – Student of the 4th course, a direction «Political Science», Tver State University, Tver, Russia. E-mail: andrei-267@mail.ru

ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ЗНАНИЕ

УДК 159.9:37.015.3

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА МОДЕЛЕЙ ПОВЕДЕНИЯ СОТРУДНИКОВ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ КОЛЛЕКТИВОВ В КОНФЛИКТНЫХ СИТУАЦИЯХ

А.С. Матвеева, О.Ф. Гефеле, И.В. Новожилова

© Матвеева А.С., Гефеле О.Ф., Новожилова И.В., 2020

В статье рассматривается понятие «конфликт», анализируются стратегии и стили поведения личности в ситуациях конфликтного взаимодействия, а также модели поведения сотрудников организации в конфликтной ситуации.

Ключевые слова: *общение, конфликт, конфликтная ситуация, модели поведения, стратегии поведения, межличностные отношения.*

DOI: 10.46573/2409-1391-2020-3-59-63

Ускоренный темп жизни, значительный уровень конфликтных ситуаций, информационная перегрузка ежедневно заставляют сотрудников организации находиться в стрессе и напряжении. У сотрудников формируется неудовлетворенность, ослабляется мотивация, сокращается общение и взаимодействие, возникают конфликты. Это все оказывает негативное воздействие на деятельность организации [2].

Каждый конфликт неповторим и способен сложиться из огромного количества причин. Появляется разница во взглядах, средствах достижения целей, выбираемых средств, ведущая к противоречию, которое в конечном итоге ведет к противоборству. Стороны, участвующие в конфликте, зачастую совершают действия, защищающие только их интересы. Для каждого участника конфликта важно понять и принять тот факт, что каждый человек индивидуален, у всех свои цели, стремления и желания. Для эффективного разрешения противоречий, которые появляются между двумя и более сторонами, каждому участнику необходимо понимать, что такое конфликт, каковы его причины, какой стиль поведения выбрать, как сформировать свое поведение, учитывая поведение других участников конфликта.

Под конфликтом А.Я. Анцупов представляет в большей степени острый способ решения важных расхождений, которые образовываются во время взаимодействия. Конфликт заключается в сопротивлении субъектов и, как правило, сочетается с негативными эмоциями [1, с. 551].

Понятие «конфликт» у Т.Е. Попова определяется как острый способ решения важных противоречий, который приводит к активному противостоянию между субъектами и весьма часто сопровождается негативными эмоциями [7, с. 15].

Исследователь Р.В. Куприянов под конфликтом понимает столкновение импульсов или желаний у участников конфликтного взаимодействия, в ходе которого появляется эмоциональное напряжение [8, с. 32].

По общему мнению Н.М. Коряка и Ф.М. Бородкина, конфликт – это деятельность людей, которая всегда предполагает преследование цели. Присвоение конфликту цели позволяет определить только те конфликтующие стороны, которые способны к сознательному поведению, т.е. к пониманию своей позиции, планированию действий, осознанному потреблению средств. Это допускает возможность отделить настоящих участников конфликта от тех, кто выступает в роли инструментов, средств борьбы неких субъектов конфликтного взаимодействия [10, с. 27].

В соответствии с современной литературой сложившаяся ситуация становится конфликтом в момент личного принятия индивидом ситуации как конфликтной. Это происходит из-за того, что индивид уже придал настоящей ситуации свое особое значение и определил ее как конфликтную. Далее он настроен на конфликтное взаимодействие с оппонентом, чем создает условия для роста конфликта, оценивая действия соперника и при этом подбирая подходящую стратегию поведения [4, с. 315].

Развитие конфликта или же его разрешение главным образом зависят от действий личности, от того, какую модель поведения она использует, осознанно или нет. Для более подробного исследования темы следует рассмотреть виды внутриличностных конфликтов.

А.И. Шипилов и А.Я. Анцупов рассматривают следующие виды конфликтов [1, с. 162]:

1) неадекватной самооценки (расхождения между претензиями личности и оценкой своих реальных возможностей);

2) адаптационный (нарушение баланса между субъектом и окружающей действительностью из-за нарушения процесса профессиональной или социальной адаптации);

3) ролевой (переживания о невозможности правильной реализации в социуме, неверная трактовка личностью предъявляемых ей требований);

4) нравственный (моральные принципы, сиюминутные желания и чувство долга);

5) нереализованного желания или комплекса неполноценности (истинные желания и действительность);

6) мотивационный (бессознательные стремления личности, стремления к безопасности и обладанию).

Н.В. Гришина выделяет три вида конфликтов [3, с. 153]:

1) социальный (международный, межличностный, между большими, малыми и средними социальными группами);

2) внутриличностный (деструктивный, конструктивный);

3) зооконфликт.

От большого числа факторов зависит уровень направленности конфликта: психологической установки сторон, их взаимодействия, сути конфликта. Кроме того, огромное значение имеет заинтересованность участников в сохранении отношений. Если для одного из участников конфликта личные отношения не

являются ведущими, то такое поведение (с большой долей вероятности) станет разрушающим, так как будет направлено на соперничество и борьбу. В том случае, если сохранение отношений все же имеет значение, поведение станет конструктивным, направленным на компромисс, приспособление, сотрудничество и уклонение [6].

В общении с трудным человеком или же в конфликтной ситуации необходимо применять ту стратегию, которая дает ощущение комфорта, соответствует вашим целям и обстоятельствам.

Большинство исследователей называют следующие стили поведения в межличностном конфликте [9]:

1) противоборство;
2) уклонение;
3) приспособление;
4) компромисс;
5) сотрудничество;
6) ассертивность.

Указанные стили могут быть использованы спонтанно или сознательно для достижения нужных результатов в конфликте. Выбор стиля зависит от установки одного из оппонентов, его опыта, знаний и действий другой стороны.

Н.В. Гришина выделяет модели поведения личности в конфликтной ситуации [3, с. 27]:

1) конструктивная – предполагает поиск оптимального разрешения ситуации, стремление уладить конфликт;

2) деструктивная – проявляется в стремлении обострить конфликт, негативной оценке личности и унижении оппонента;

3) конформистская – характеризуется принятием точки зрения соперника, пассивностью и склонностью к уступкам.

К. Томасом и Р. Килменном была разработана двухмерная модель стратегий поведения личности в конфликте, основанная на интересах двух сторон и включающая следующие стратегии поведения сотрудников педагогических коллективов [5, с. 82]:

1) принуждение (борьбу, соперничество, конфронтацию). Ключевой чертой тут оказывается желание личности отстоять собственную позицию любой ценой, заставить согласиться исключительно с этим решением возникшей проблемы. Эту стратегию используют люди, которые не заинтересованы в сотрудничестве, имеют сильную волю и высокий авторитет. Они пытаются заставить окружающих принять свою точку зрения, а мнение других их не интересует;

2) уклонение (уход). Характеризуется слабой взаимной направленностью на интересы оппонента. Тут присутствует желание не ввязываться в конфликтную ситуацию, уклониться от нее или проигнорировать. Данная стратегия возможна в случае, если на данный момент нет условий для эффективного разрешения конфликта (через определенное время они появятся) и он способен разрешиться сам. Отношения тут не подвергаются серьезным изменениям;

3) приспособление (уступку). Проявляется в стремлении уйти от конфликта, принося в жертву собственные интересы. В данном случае игнорируется сама проблема конфликта. Опасно тем, что отрицательные эмоции накапливаются, а это позже снова приведет к конфликту с дисфункциональными последствиями. Стратегия возможна в том случае, если приоритет отдается межличностным взаимоотношениям и причина конфликта не столь важна;

4) компромисс (стратегию взаимной уступки). Предполагает баланс интересов оппонентов. Можно обозначить как принятие точки зрения другой стороны до определенной степени, но существует риск появления дисфункциональных последствий. Из-за неразрешенной проблемы конфликт способен возникнуть вновь. Данная стратегия служит положительным развитием межличностных отношений;

5) сотрудничество. Характеризуется совместным решением проблемы, где стороны признают право друг друга на собственное мнение и готовы его понять. Дает возможность рассмотреть причины разногласий и найти допустимый для всех выход из сложившейся ситуации. Эта стратегия включает в себя все другие (уклонение, приспособление, компромисс, принуждение). Строится на признании ценности межличностных отношений и основе баланса интересов.

Проанализировав различную литературу и подходы авторов по данной теме, мы делаем вывод о том, что ни одна из приведенных моделей и стратегий поведения не является исключительно верной и более оптимальной для применения. Каждая из стратегий может быть использована в ситуациях конфликтного взаимодействия.

Чтобы сформировать конструктивный опыт разрешения конфликтных ситуаций посредством выбора оптимального поведения, необходимо привлечь сотрудников педагогических коллективов к теоретическому обучению в области конфликтологии, а также отработать теоретические аспекты на практике. Для более успешного разрешения ситуаций конфликтного взаимодействия необходимо знать все стратегии поведения личности, уметь применять и использовать их в зависимости от назначения.

Библиографический список

1. Анцупов А.Я., Шипилов А.И. Конфликтология. М.: ЮНИТИ, 2000. 551 с.
2. Гефеле О.Ф. Человеческий фактор и его роль в развитии социотехнических систем // Человеческий фактор: проблемы психологии и эргономики. 2013. № 2 (65). С. 44–47.
3. Гришина Н.В. Психология конфликта. СПб.: Питер, 2000. 464 с.
4. Емельянов С.М. Практикум по конфликтологии. СПб.: Питер, 2009. 384 с.
5. Кашапов М.М. Психология конфликта: учебник и практикум для вузов. М.: Юрайт, 2019. 206 с.
6. Кибанов А.Я., Ивановская Л.В., Митрофанова Е.А. Управление персоналом. М.: РИОР, 2008. 288 с.
7. Попова Т.Е., Бобрешова И.П., Чувашова Т.А. Конфликтология: методические указания по изучению дисциплины, краткий конспект лекций. Оренбург: ГОУ ОГУ, 2009. 51 с.
8. Шапарь В.Б., Рассоха В.Е., Шапарь О.В. Новейший психологический словарь / под общ. ред. В.Б. Шапаря. Ростов н/Д: Феникс, 2009. 806 с.

9. Шейнов В.П. Управление конфликтами. СПб.: Питер, 2014. 576 с.
10. Шило И.Н. Конфликт как предмет социологии организаций // Социологические исследования. 2000. № 10. С. 27–30.

PSYCHOLOGICAL CHARACTERISTICS OF BEHAVIOR MODELS OF TEACHING STAFF IN CONFLICT SITUATIONS

A.S. Matveeva, O.F. Gefele, I.V. Novozhilova

Tver State Technical University, Tver

The article deals with the concept of «conflict», strategies and styles of behavior of an individual in situations of conflict interaction, as well as models of behavior of employees in a conflict situation.

Keywords: *communication, conflict, conflict situation, behavior patterns, behavior strategies, interpersonal relationships.*

Об авторах:

МАТВЕЕВА Анна Сергеевна – магистрант 2-го курса направления «Психология» кафедры психологии и философии ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», г. Тверь, Россия. E-mail: oppa7712@yandex.ru

ГЕФЕЛЕ Ольга Фридриховна – кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры психологии и философии ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», г. Тверь, Россия. E-mail: helga2003@mail.ru. SPIN-код: 7603-7900.

НОВОЖИЛОВА Ирина Валерьевна – кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры медиатехнологий и связей с общественностью ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», г. Тверь, Россия. E-mail: irinanovozhilova@mail.ru. SPIN-код: 4648-2530.

Author information:

MATVEEVA Anna Sergeevna – undergraduate in Psychology of the Department of psychology and philosophy of Tver State Technical University, Tver, Russia. E-mail: oppa7712@yandex.ru

GEFELE Olga Friedrichovna – PhD of Philosophy Sciences, associate professor, assistant professor of the Department of psychology and philosophy of Tver State Technical University, Tver, Russia. E-mail: helga2003@mail.ru

NOVOZHILOVA Irina Valerievna – PhD of Political Sciences, associate Professor, assistant professor of the Department of media and public relations of Tver State Technical University, Tver, Russia. E-mail: irinanovozhilova@mail.ru

УДК [101.1:316]+658.310.823-057.177

СПОСОБЫ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ «ВЫРАЖЕНИЯ МНЕНИЯ» РАБОТНИКАМИ ОРГАНИЗАЦИИ В ИССЛЕДОВАНИЯХ ЗАРУБЕЖНЫХ АВТОРОВ

О.Н. Торгованова, В.В. Сизова

ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», г. Тверь

© Торгованова О.Н., Сизова В.В., 2020

В статье раскрываются современные теоретические представления зарубежных авторов о выражении мнения работниками организации. Выделены и проанализированы два концептуальных подхода к теоретическим исследованиям: выражение мнения работником через призму трудовых отношений и в рамках организационного поведения.

Ключевые слова: *выражение мнения, зарубежные исследования, концептуальный подход, трудовые отношения, организационное поведение.*

DOI: 10.46573/2409-1391-2020-3-64-69

Выражение мнения работником относится к способам и средствам, с помощью которых сотрудники пытаются высказаться и повлиять на свою работу и функционирование в организации. Выражение мнения может охватывать целый ряд различных областей и тем (например, условия труда, компенсации, политику и процедуры, методику работы) и может происходить через различные механизмы: формальные и неформальные, прямые и косвенные, индивидуальные и коллективные. «Голос» работника – это тема, представляющая главный интерес для ученых в области управления человеческими ресурсами, в области трудовых отношений и организационного поведения.

Цель данной тематической публикации состоит в анализе различных способов выражения мнения работниками организации в исследованиях зарубежных авторов.

Авторами замечено, что зарубежные исследователи в своих научных исследованиях (Хиршман, 1970; Гордон, 1988; Маккейб и Льюин, 1992; Бадд, 2004; Детерт и Баррис, 2007; Марчингтон, 2008; Уилкинсон и Фэй, 2011; Моррисон, 2014; Уилкинсон, Донахей, Дандон и Фриман, 2014, Харлей, 2014; Кауфман, 2015; Барри и Уилкинсон, 2015 и др.) существенно расходятся в том, как они концептуализируют «выражение мнения» и изучают область его применения. Выражение мнения одними исследователями рассматривается через призму трудовых отношений, а другими – в рамках организационного поведения.

Например, ученые, изучающие организационное поведение, заинтересованы в понимании того, что мотивирует отдельных сотрудников высказываться, когда у них есть проблема, информация, связанная с работой, идеи или предложения. Преобладающая точка зрения о выражении мнения работниками в организационном поведении заключается в следующем: произвольное поведение хоть и бросает вызов существующему положению, но

направлено на конструктивные изменения в организации или рабочей группе, даже если руководство это не одобряет (Детерт и Баррис, 2007; Моррисон, 2014) [2, 6].

В исследованиях выражения мнения работниками в рамках организационного поведения есть основополагающее предположение, что сотрудники обычно хотят высказываться, потому что есть проблемы, которые их волнуют, и что руководство должно ценить эти высказывания в связи с потенциальной возможностью эффективной работы организации и возникновением возможных рисков, связанных с тем, что не решаются важные вопросы или не рассматриваются различные точки зрения. Основное внимание в исследованиях уделяется факторам микроуровня, поощряющим или препятствующим выражению мнения, которое, как правило, изображается как индивидуальное, дискреционное, проактивное поведение (Моррисон, 2014) [6]. По мнению Моррисона, важное значение в организационном поведении имеет то, насколько восприимчивы лидеры к высказываниям сотрудников, поскольку работники интерпретируют сигналы от менеджеров, и эти сигналы обусловливают будущие модели поведения.

Как отмечают многие авторы, исследования в области производственных отношений и организационного поведения базируются на экономическом подходе Хиршмана, который рассматривал выражение мнения как политический процесс [16], в рамках которого клиенты высказываются и выражают свое недовольство в ответ на упадок организации. По мнению Хиршмана, выражение мнения – это попытка кардинально изменить, а не убежать от нежелательного положения дел. Это определение выражения мнения впоследствии было расширено и стало применяться не только к клиентам, но и к сотрудникам. Исследователи выражения мнения в рамках промышленных трудовых отношений в значительной степени придерживаются этой концепции, сосредоточившись на выражении мнения как на средстве выражения недовольства и стремления к улучшению условий труда. Выражение мнения рассматривается как выражение интересов работников, которые отличаются от интересов организации, и как средство самоопределения работников (Бадд, 2004, Кауфман, 2015; Уилкинсон, Донахей, Дандон и Фриман 2014) [11, 16]. Сотрудники стремятся высказывать мнение, чтобы отстаивать и защищать свои интересы, которые, как правило, во многом не совпадают с интересами руководства, и чтобы через выражение мнения воздействовать на решения, влияющие на то, чем они занимаются на рабочем месте. Гордон (1988) [13], например, утверждал, что работники имеют моральное право (как собственники своего труда) выражать свое мнение об условиях, в которых они работают. Организации, однако, оказывают сильное давление, которое направлено на то, чтобы подавить свободу слова и противоположные точки зрения. В результате этой борьбы за контроль необходимы дополнительные организационные механизмы выражения мнения для защиты человеческих прав на самовыражение и положения о защите информации.

Исследователи этой области связывают выражение мнения работника с широкой концепцией вовлечения сотрудников (Марчингтон, 2008) [15] и с усилиями работодателей по внедрению высокоэффективных методов работы

(Харлей, 2014) [14]. По мнению Гордона, формальные институты, такие как профсоюзы, коллективные переговоры, арбитраж, рабочие советы и процедуры рассмотрения жалоб, играют важную роль в производственных отношениях и считаются важными для содействия подлинному выражению мнения работников. Согласно Маккейбу и Льюину (1992) [5], выражение мнения состоит из двух элементов: во-первых, выражения жалоб или требований через профсоюзы и такие механизмы, как суды или арбитраж, а во-вторых – участия работников в принятии решений организации через такие механизмы, как полуавтономные группы сотрудников.

В рамках этих двух направлений существует большой интерес к пониманию мнений работников. Однако ученые в области трудовых отношений, человеческих ресурсов и организационного поведения, как правило, изучают мнения сотрудников, углубляясь в различные концепции, а исследователи обычно не заходят дальше определенных дисциплинарных границ.

В литературе по трудовым отношениям предполагается, что выражение мнения в значительной степени контролируется руководством, в то время как в литературе по организационному поведению сотрудники сами решают, когда и как его выражать. Если говорить о производственных трудовых отношениях, то речь идет о защите сотрудников и продвижении демократических начал на рабочем месте. Данный процесс имеет политический характер и связан с дисбалансом между работниками и руководством. Если говорить об организационном поведении, то речь идет о повышении организационной или командной эффективности (в широком смысле), а также о предотвращении или исправлении проблем. Предложения варьируются. Это может быть или просьба сделать рабочее место более экологически чистым, или привлечение внимания к организационной практике, которая создает дискриминацию по половому признаку и нуждается в изменении, или выражение несогласия в отношении конкретного решения.

Эксперты организационного поведения в значительной степени исключили исследования производственных трудовых отношений из своих дискуссий о выражении мнения, поскольку производственные отношения рассматривают в основном формальные структуры на коллективном уровне, нежели на индивидуальном, когда речь идет о работе (Моррисон, 2011) [7].

Аналогичным образом исследователи производственных трудовых отношений исключили из рассмотрения неформальные личные способы общения, с помощью которых работники могли бы выражать свои проблемы и идеи руководителям, и склонны к предположению, что мнения и интересы этих двух сторон обязательно расходятся.

Представляет интерес у исследователей этих двух направлений трактовка смысла и целей выражения мнения работником организации. Ученые, изучающие выражение мнения через трудовые отношения, весьма критически относятся к тому, как выражение мнения концептуализируется и изучается относительно национального поведения. В частности, они критикуют исследователей выражения мнения с точки зрения организационного поведения за то, что последние в своем анализе расходятся с историческими корнями концепции выражения мнения работников и по большей части игнорируют

механизмы представительства сотрудников (например, профсоюзы) как средства передачи «голоса» (Кауфман, 2015) [3], сосредотачиваясь только на дискреционном «голосовом» поведении на индивидуальном уровне.

Также ученые, исследующие выражение мнения работников в рамках организационного поведения, подвергаются критике за то, что они не учитывают, насколько интересы менеджмента и сотрудников не совпадают (Барри и Уилскинсон, 2015) [9]. Действительно, эти ученые уделяют гораздо больше внимания ситуациям, когда вклад сотрудников может быть организационно полезен, но при этом гораздо меньше фокусируются на ситуациях, когда сотрудники высказывают собственные законные интересы, которые могут противоречить интересам их организации.

Также справедливо сказать, что эти исследователи в значительной степени игнорировали исследования, связанные с производственными трудовыми отношениями и управлением человеческими ресурсами, и не особенно интересовались ролью формальных «голосовых» механизмов или институциональных структур в обеспечении или подавлении выражения мнения.

И все же ограниченность интересов существует и у тех, и у других. Как утверждали Барри и Уилкинсон (2015) [9], исследователи выражения мнения в сфере производственных трудовых отношений активно занимались изучением структур и механизмов, обеспечивающих выражение мнения, и уделяли меньше внимания тому, чтобы понять зависимые аспекты выражения мнения, которые занимают значимое место в организационном поведении.

К сожалению, побочным продуктом этих разных подходов стала неспособность принять и оценить то, что могут предложить другие дисциплины, или рассмотреть другие способы понимания выражения мнения.

В этих двух подходах наблюдается еще одно различие. Они оба сосредоточены на различных типах работников, а также на различных типах информации, передаваемой (или не передаваемой) этими работниками. В производственных отношениях интерес представляют главным образом работники с более низким статусом, а также передача и прием жалоб от них. Организационное поведение сосредоточено на более широком круге сотрудников, включая руководителей и специалистов, а также на обмене идеями, предложениями и проблемами, касающимися динамики и процессов на рабочем месте. Стоит задуматься о том, где есть необходимость или возможность для интеграции, а где есть важные различия, которые необходимо учитывать.

Проанализировав два различных подхода к пониманию выражения мнения работниками организации, авторы статьи пришли к выводу, что ученые, изучающие данную область, начали осознавать проблемы, связанные с разрозненным изучением выражения мнения. Появляется необходимость в большей интеграции между различными направлениями (Башшур и Ок, 2015; Бринсфилд, 2014; Моубрей, Уилкинсон и Тсе, 2015; Кнолл, Уегге, Антерраиер, Силва и Джонсон, 2016) [1; 4; 8; 10]. Данный недостаток интеграции особенно очевиден между областями трудовых отношений и организационного поведения. По мнению авторов, это препятствует прогрессу комплексного подхода в понимании выражения мнения работниками и оценке их различных целей и проявлений.

Библиографический список

1. Башшур М.Р., Ок В. Когда голос имеет значение. Многоуровневый обзор влияния мнения работников в организациях // Управление. 2015. № 41 (5). С. 1530–1554.
2. Детерт Дж.Р., Баррис Е.Р. Лидерское поведение и голос сотрудника: действительно ли открыта дверь? // Академия Управления. 2007. № 50 (4). С. 869–884.
3. Кауфман Б. Теоретизирующие детерминанты голоса сотрудника: интегративная модель по дисциплинам и уровням анализа // Управление человеческими ресурсами. 2015. № 25 (1). С. 19–40.
4. Растут ли наши знания о выражении и невыражении мнения в организациях? Выстраивание связей и открытие возможностей / М. Кнолл [и др.] // Управление человеческими ресурсами (нем.). 2016. № 30. С. 161–194.
5. Маккейб Д., Льюин Д. Голос сотрудника: перспектива управления человеческими ресурсами // Обзор систем управления Калифорнии. 1992. № 34 (3). С. 112–123.
6. Моррисон Э. Выражение и невыражение мнения работниками // Вестник по организационной психологии и организационному поведению. 2014. № 1 (1). С. 173–197.
7. Моррисон Э. Проактивное поведение сотрудников: интеграция и направления будущих исследований // Вестник Академии Управления. 2011. № 5. С. 373–412.
8. Моубрей П., Уилкинсон А., Це Х. Интегративный анализ выражения мнения работника: формирование концептуального представления и исследовательской программы // Управленческий анализ. 2015. № 17. С. 382–400.
9. Barry M., Wilkinson A. Pro-social or pro management: A critique of the conception of employee voice as a pro-social behaviour within organizational behaviour. URL: https://doi.org/10.1111/bjir.12114. (дата обращения: 20.05.2020).
10. Brinsfield C. Employee voice and silence in organizational behaviour. In A. Wilkinson, J. Donaghey, T. Dundon, & R. Freeman (Eds.). Handbook of Research on Employee Voice. 2014.
11. Budd J. Employment with a Human Face: Balancing Efficiency, Equity and Voice. Ithaca: ILRPress, 2004.
12. Donaghey J., Cullinane N., Dundon T., Wilkinson A. Re-conceptualising employee silence: problems and prognosis // Work, Employment and Society, 2011. P. 51–67.
13. Gordon W.L. Range of employee voice // Employee Responsibilities and Rights. 1988. № 1. P. 283–299.
14. Harley B. High performance work systems and employee voice. In A. Wilkinson, J. Donaghey, T. Dundon, & R. Freeman (Eds.) // Handbook of Research on Employee Voice. 2014.
15. Marchington M. Employee voice systems. In P. Boxall, J. Purcell, & P. Wright (Eds.) // The Oxford Handbook of Human Resource Management. Oxford: Oxford University Press, 2008.
16. Wilkinson A., Donaghey J., Dundon T., Freeman, R. (Eds.) // The Handbook of Research on Employee Voice. Elgar Press. 2014.

THE WAYS OF CONCEPTUALIZATION OF «EXPRESSION OF OPINION» BY WORKERS OF ORGANIZATION IN RESEARCH OF INTERNATIONAL AUTHORS

O.N. Torgovanova, V.V. Sizova

Tver State Technical University, Tver

The article reveals the modern theoretical ideas of international authors about the expression of opinion by employees of the organization. Two conceptual approaches to theoretical research are distinguished and analyzed: expression of an employees' opinion through in the context of labor relations and within the framework of organizational behavior.

Keywords: *expression of opinion, international research, conceptual approach, labor relations, organizational behavior.*

Об авторах:

ТОРГОВАНОВА Ольга Николаевна – старший преподаватель кафедры иностранных языков ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», г. Тверь, Россия. E-mail: maerz25@mail.ru. SPIN-код: 6784-23-08.

СИЗОВА Виктория Валентиновна – кандидат психологических наук, доцент, зав. кафедрой иностранных языков ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», г. Тверь, Россия. E-mail: vicas2005@yandex.ru. SPIN-код: 3455-82-42.

Author information:

TORGOVANOVA Olga Nikolaevna – Senior Lecturer of the Second Languages Subdepartment, Tver State Technical University, Tver, Russia. E-mail: maerz25@mail.ru

SIZOVA Victoria Valentinovna – PhD of Psychological Sciences, Associate Professor, Head of the Second Languages Subdepartment, Tver State Technical University, Tver, Russia. E-mail: vicas2005@yandex.ru

УДК 159.9

ОСОБЕННОСТИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНИЗАЦИОННОГО ПСИХОЛОГА: ЦЕЛИ И ПРИНЦИПЫ РАБОТЫ С ПЕРСОНАЛОМ

Ф.В. Похилюк, С.И. Филиппченкова

ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», г. Тверь

© Похилюк Ф.В., Филиппченкова С.И., 2020

В статье раскрыта специфика профессиональной деятельности организационного психолога по вопросам его работы с персоналом организации. Проанализированы основные принципы работы организационного психолога-консультанта на предприятии, особенности его взаимодействия с коллективом и руководством. Обоснованы цели и задачи, возникающие в ходе его труда, а также перечислены объекты деятельности психолога. Проанализированы основные трудности, возникающие в межличностном взаимодействии организационного психолога с руководителем и сотрудниками организации.

Ключевые слова: *функции организационного психолога, принципы взаимодействия, психологические аспекты деятельности, консультация руководства и трудового коллектива, профессиональный отбор кадров*.

DOI: 10.46573/2409-1391-2020-3-70-75

Организационная психология сегодня является прикладной отраслью психологии, направленной на изучение разнообразных аспектов психической деятельности и поведения людей в организациях с целью повышения эффективности и создания благоприятных условий для труда, индивидуального развития и психологического здоровья членов организации. Психологическая служба в организации может быть представлена как одним специалистом-психологом, так и несколькими (в зависимости от масштабов и размеров организации, а также от количества сотрудников, в ней работающих). Основная цель работы психологической службы в организации – оказание любой психологической помощи, в том числе психотерапевтической, всем сотрудникам, а также психологическое обследование и отбор кадров, влияние на условия труда служащих, помощь во внедрении нововведений и организационных инноваций, реализация общих и специальных программ профессиональной адаптации молодых специалистов.

Профессия психолога требует от человека наличия таких качеств личности, которые обеспечивают успешное взаимодействие, понимание людей и эффективное воздействие на них, установление контактов и организацию совместной деятельности. Лишь в процессе практической деятельности психолог понимает, что от него требуется напряжение эмоциональных, физических и интеллектуальных сил. Профессиональная деятельность психолога имеет ряд специфических особенностей и требований. Мы можем выделить определенные группы личностных качеств. В первую группу включаются требования, предъявляемые в профессиональной деятельности к познавательным процессам

(восприятие, память, мышление, воображение); эмоционально-волевым процессам и психоэмоциональным состояниям (сдержанность, стабильность, стрессоустойчивость, самообладание, жизнерадостность, целеустремленность, настойчивость, решительность, активность и др.). Ко второй группе относятся такие психоаналитические качества, как самокритичность, адекватная самооценка и уровень притязаний, способность к самоанализу, саморегуляции, самоконтролю поведения. Третья группа включает коммуникабельность, эмпатичность, визуальность (внешнюю привлекательность) и красноречивость как способность внушать и убеждать.

Мы можем выделить в структуре личности профессионала интегральные характеристики, лежащие в основе эффективной трудовой деятельности: профессиональное самосознание специалиста, т.е. комплекс его представлений о себе как профессионале; индивидуальный стиль деятельности и общения – характерное для данного специалиста устойчивое сочетание задач, средств и способов профессиональной деятельности и общения; творческий потенциал, т.е. комплекс уникальных способностей личности, в том числе креативных, которые позволяют решать профессиональные задачи на нестандартном уровне. Важным элементом профессионального общения психолога является техника подачи самого себя – самопрезентация. Ее необходимой составляющей является имидж человека, благодаря которому он создает у окружающих людей необходимое впечатление.

Рассмотрим специфические требования к организационному психологу в области профессиональных знаний, умений и навыков. Организационный психолог должен иметь высокий уровень сформированности теоретического мышления в области организационной психологии. Он должен знать основные принципы и направления организационного консультирования, особенности организационного поведения и взаимодействия, организационных нововведений и инноваций, а также сущность организационной структуры и культуры. Организационный психолог должен уметь выявлять и прогнозировать характер организационных процессов, владеть знаниями профессионального отбора, набора и подбора кадров, мотивирования персонала, а также умениями и навыками системы индивидуального подхода к планированию карьеры сотрудников организации. Специалист в области организационной психологии должен владеть инструментарием, методами организации и проведения психологических исследований и организационного консультирования, а также навыками психологического анализа различных феноменов в организации.

Поскольку профессия психолога относится к типу профессий «человек – человек» по общепринятой в психологии труда и организационной психологии классификации Е.А. Климова, основную часть его рабочего времени занимает межличностное общение и взаимодействие с сотрудниками организации. Таким образом, психолог в организации должен обладать теоретическими знаниями в области социальной психологии, умениями психологического анализа различных социально-психологических феноменов на уровне личности, малой группы и больших социальных групп, знать специфику, методологию, основные принципы, направления, инструментарий и методы социально-психологического исследования, а также закономерности общения и взаимодействия людей

(соотношение категорий «общение и деятельность», «общение как коммуникация», «общение как интеракция» и «общение как социальная перцепция»), психологические особенности больших социальных общностей, основы социальной психологии личности (социализация, социальная установка, проблемы личности и группы), а также структурные и динамические характеристики больших и малых социальных групп. Специалист должен уметь выявлять и прогнозировать социальные процессы и явления.

Организационный психолог может являться менеджером по персоналу, поэтому он должен обладать теоретическими знаниями в области психологии управления и умениями психологического анализа различных ситуаций организационного взаимодействия в системе управления. Он обязан знать основные принципы и функции управленческой деятельности, особенности принятия управленческих решений, управленческого общения и управления персоналом. Он должен уметь составить психологический портрет руководителя организации, а также владеть навыками выявления и прогнозирования процессов организации на различных уровнях управления.

Особого внимания заслуживают знания, умения и навыки организационного психолога в области теоретической и прикладной психодиагностики, поскольку именно психодиагностические методики являются одним из основных «рабочих инструментов» профессиональной деятельности психолога. Организационный психолог должен обладать сформированным научным мировоззрением, позволяющим осуществлять систематический подход и анализ психологических явлений, он должен понимать цели, методологию и методы профессиональной психодиагностики. Специалист в области организационной психологии должен владеть инструментарием, методами организации и проведения психологических исследований, уметь разрабатывать, адаптировать и модернизировать психодиагностические методики. Также он обязан знать основные психометрические свойства психодиагностических методик (валидность, надежность, репрезентативность, достоверность, стандартизацию), а также критерии нормы и патологии психической деятельности, пути и средства компенсации и восстановления нормы. Психолог должен владеть методами психодиагностического наблюдения, приемами организации и планирования психодиагностического эксперимента, процедурами психологического измерения в исследовательских и прикладных работах, методами психометрической оценки психодиагностических средств. Ему нужно досконально знать и умело применять универсальные психодиагностические методики диагностики интеллекта, личности, психических функций и психических состояний, проективные, рисуночные методики; психосемантические методы. Организационный психолог должен разбираться в принципах построения комплексного психологического портрета личности, психодиагностических задачах и комплектовании психодиагностических батарей, а также знать этику, деонтологию и правовые основы психодиагностики.

Основываясь на знании о специфических психологических особенностях конкретного предприятия, можно сформулировать несколько способов корректного включения психолога в сложившийся рабочий коллектив.

Специалист данной области может быть прикреплен в штат сотрудников отдела кадров, может выступать в роли помощника руководителя, вместе с тем возможна деятельность без его включения в какое-либо подразделение.

Наличие в эффективной профессиональной деятельности психолога ряда этических стандартов обосновывает определенные специфические особенности его работы. Работая с конкретным человеком или целым коллективом, профессионал должен непрерывно следовать этим стандартам. Особенности включенности в психологическую службу базируются на определенных принципах, таких как: принцип благополучия обращающегося к психологу человека, принцип конфиденциальности, принцип морально-позитивного эффекта и др. Они должны оставаться законом для работы психолога в любой отрасли [4]. Именно от грамотной работы организационного психолога зависит благоприятный климат в трудовом коллективе, а следовательно, и результат совместного производства. Тем не менее зачастую эти принципы взаимодействия с рабочей средой могут стать причиной тотального недопонимания между руководителем предприятия и штатным психологом или даже провоцировать ненужные конфликты. Причиной этого становится то, что подобные условия работы категорически не принимаются начальством.

Подобная реакция руководителя ставит консультанта перед двумя трудносочетаемыми задачами: добросовестного служения интересам производства и соблюдения интересов каждого конкретного работника и кандидата на определенное вакантное место [3]. В этом заключается основная сложность работы, ведь в абсолютном большинстве случаев профессиональный рост, авторитет и благополучие во многом зависят от того, насколько качественно и эффективно психолог сможет выполнить поставленную перед ним и перед фирмой задачу, не пренебрегая интересами каждого обратившегося к нему за помощью человека.

Касаясь рода деятельности и места в организации, можно сделать вывод, что психолог обладает ценной информацией о положении дел в коллективе, о планах на дальнейшее развитие фирмы и о личных проблемах отдельно взятых сотрудников. Следовательно, при принятии значимых управленческих решений психолог должен иметь «совещательный» голос, к которому всегда прислушивается чуткий руководитель организации.

Организационный психолог – это специалист в области управления человеческими ресурсами организации, психологического сопровождения управленческой деятельности и психологических основ маркетинга. На основе этого определения можно сказать, что основополагающая цель работы специалиста – это организация, которая способна успешно развиваться в условиях динамично развивающегося окружающего мира [1]. На первый план выходит помощь сотрудникам предприятия, чтобы они трудились качественнее, продуктивнее, эффективнее. Для достижения вышеозвученной цели организационному психологу необходимо непосредственно решать задачи: повышения «боевого духа» сотрудников организации, а также улучшения психологического климата в трудовом коллективе; накопления опыта и совершенствования практики подбора кадров; улучшения организационной структуры предприятия;

формирования и развития доброжелательной атмосферы в процессе деятельности; снижения текучести кадров; помощи людям в преодолении повседневных стрессов; оказания квалифицированной поддержки служащим в развитии их выдающихся способностей; достижения максимального соответствия между самим человеком и его работой; преодоления и устранения конфликтов; стремления к проведению разумной политики наказания и поощрения; оценки предлагаемых и уже существующих производственных программ с психологической точки зрения; достижения максимального сплочения коллектива в единую команду; систематического консультирования руководителей по психологическим аспектам деятельности предприятия на рынке труда и производства, включая рекламу, переговоры, маркетинг и др. [2].

Трудности в работе организационного психолога могут быть связаны с различными факторами. Во-первых, они могут возникнуть при взаимоотношениях с руководством организации, поскольку обычно у психолога в организации нет реальных полномочий – он может только рекомендовать определенные мероприятия, а их реализация зависит от высшего руководства организации.

Во-вторых, организационный психолог может испытывать негативное отношение со стороны администрации, которая опасается, что власть ее ограничивается, поскольку немногие современные руководители знают специфику профессиональной деятельности и возможности специалиста-психолога.

В-третьих, психолог в организации всецело зависит от высшего менеджмента, который зачастую желает использовать его как ширму для проведения собственных мероприятий. Руководитель может превратить психолога в собственного «шпиона» в организации. Психолог может испытывать настороженность и недоверие со стороны сотрудников. Он оказывается между двух огней в решении кадровых вопросов. Психологу в организации желательно иметь собственный кабинет и лабораторию.

Трудности во взаимоотношениях организационного психолога с высшим руководством могут объясняться следующими причинами: недостатком адекватного представления у руководителя возможностей и методов психолога; предъявлением завышенных требований к объективным возможностям психолога; установкой руководителя выдавать информацию в ограниченных объемах. Кроме того, наличие неспециалистов, непрофессионалов, которые пытаются заниматься организационным консультированием и дискредитируют его, может создать негативное, отрицательное отношение руководителя к психологической службе в целом.

Объектов деятельности у организационного психолога существует несколько: управленческий состав, организация, отдельные подразделения или работники организации, персонал. Работа профессионала данной области позволяет сформировать систему психологического сопровождения сотрудников организации и включает в себя различные направления, среди которых выделяют четыре ведущих: организационное развитие; работу с персоналом; работу с группой; работу с руководителем. Отбор сотрудников и грамотное их

распределение по рабочим местам также играет важную роль в работе. Решение таких вопросов, как отбор сотрудников, их последующее обучение и развитие, а также организационное развитие, лежит в основе деятельности психолога, работающего в организации.

Библиографический список

1. Занковский А.Н. Организационная психология. М.: Флинта, 2009. 648 с.
2. Звенигородский Г.В. Научная организация управленческого труда (общеметодологические вопросы) // Научные труды Вольного экономического общества России. 2008. Т. 92. С. 20–26.
3. Маркова А.К. Психология профессионализма. М.: Знание, 1996. 312 с.
4. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии / сост., авт. комм. и послесловия: А.В. Брушлинский, К.А. Абульханова-Славская. СПб.: Питер, 2002. 712 с.

PECULIARITIES OF PROFESSIONAL ACTIVITIES OF ORGANIZATIONAL PSYCHOLOGIST: OBJECTIVES AND PRINCIPLES OF WORK WITH PERSONNEL

F.V. Pokhilyuk, S.I. Filippchenkova

Tver State Technical University, Tver, Russia

The article reveals the specifics of the professional activity of an organizational psychologist on the issues of his work with the personnel of the organization. The basic principles of the work of the organizational psychologist-consultant at the enterprise, the features of his interaction with the team and management are analyzed. The goals and objectives arising in the course of his work are substantiated, and the objects of the psychologist's activity are listed. The main difficulties arising in the interpersonal interaction of the organizational psychologist with the head and employees of the organization are analyzed.

Keywords: *functions of an organizational psychologist, principles of interaction, psychological aspects of activities, consultation of the management and work collective, professional selection of personnel.*

Об авторах:

ПОХИЛЮК Фаина Викторовна – ассистент кафедры психологии и философии ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», г. Тверь, Россия. E-mail: fainastroganova2013@yandex.ru

ФИЛИППЧЕНКОВА Светлана Игоревна – доктор психологических наук, доцент, профессор кафедры психологии и философии ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», г. Тверь, Россия. E-mail: sfilippchenkova@mail.ru

Author information:

POKHILYUK Faina Viktorovna – assistant of department of psychology and philosophy, Tver State Technical University, Tver, Russia. E-mail: svksveta180@gmail.com

FILIPPCHENKOVA Svetlana Igorevna – PhD of psychological sciences, associate professor, professor of department of psychology and philosophy, Tver State Technical University, Tver, Russia. E-mail: sfilippchenkova@mail.ru

УДК 159.99

РОЛЬ РУКОВОДИТЕЛЯ В ФОРМИРОВАНИИ СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО КЛИМАТА ТРУДОВОГО КОЛЛЕКТИВА

С.В. Ковалева, С.И. Филиппченкова

ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», г. Тверь

© Ковалева С.В., Филиппченкова С.И., 2020

В статье раскрывается понятие социально-психологического климата в трудовом коллективе, а также актуализируется роль лидера в формировании благоприятной рабочей атмосферы. Описаны формальные и неформальные взаимоотношения в коллективах, а также их влияние на работоспособность. Рассмотрены основные функции лидера, которые направлены на формирование психологической атмосферы в коллективе. Обосновывается главная роль руководителя в формировании благоприятного социально-психологического климата, поскольку именно он выступает регулятором формальных и неформальных взаимоотношений между коллегами.

Ключевые слова: *лидер, трудовой коллектив, социально-психологический климат, формальные взаимоотношения, неформальные взаимоотношения.*

DOI: 10.46573/2409-1391-2020-3-76-81

В современной психологической науке остается актуальной и востребованной проблема межличностных взаимоотношений сотрудников в трудовом коллективе, а также дефинирования концепта «социально-психологический климат коллектива». Вопрос психологического взаимодействия личности и группы, в том числе малой, к которой, в свою очередь, относится и трудовой коллектив, традиционно может быть рассмотрен в двух основных направлениях исследования – горизонтальном (межличностное взаимодействие членов коллектива как коллег и сотрудников) и вертикальном (взаимоотношения между руководителем, играющим роль лидера, и его подчиненными) [1]. В центре нашего исследовательского внимания именно вертикаль межличностных взаимоотношений в трудовом коллективе.

Психологические особенности трудового коллектива выражаются в специфических условиях его деятельности в целом и ролевом функционировании, а именно в специфичности решаемых задач, процессе их решения, стиле управления и лидерства, профессиональном уровне и мастерстве сотрудников, особенностях подбора квалифицированных работников. Вся совокупность этих психологических составляющих и определяет специфичность и уникальность рассматриваемого трудового коллектива.

Сотрудники, которые составляют трудовой коллектив, уже в определенной мере социализированы и имеют сформировавшуюся картину мира и

собственное мировоззрение, свою систему ценностей и жизненных приоритетов. В силу групповых эффектов межличностное взаимодействие членов трудового коллектива продуцирует специфичное групповое социально-психологическое явление – психологическую атмосферу в коллективе и эмоционально окрашенный социально-психологический климат [4]. В коллек-тиве, в котором на психоэмоциональном уровне благополучно и позитивно складываются как деловые, так и неформальные отношения, социально-психологический климат является максимально здоровым и благоприятным для рабочей деятельности.

Под социально-психологическим климатом коллектива в психологической науке понимается интегральная характеристика, обусловленная специфической структурой межличностных отношений между членами коллектива, а также позитивно или негативно окрашенным психоэмоциональным фоном поведения и деятельности членов коллектива, ярко выраженными групповыми настроениями и относительно устойчивым психологическим настроем. В социально-психологическом климате отражаются психологическое благополучие, комфорт, самочувствие и удовлетворенность своих потребностей каждого члена коллектива с ярко выраженным групповым настроением. Социально-психологический климат выступает маркером совместной деятельности людей, их особенностей и структуры межличностного взаимодействия и внутригрупповой композиции [2, с. 6]. Объективными признаками, которые позволяют судить о преобладающем социально-психологическом климате коллектива, можно назвать эффективность и результативность труда, показатель так называемой «текучести кадров», количественную характеристику прогулов и опозданий служащих, выполнение работы в срок или же с опозданием, количественные показатели претензий и жалоб сотрудников и клиентов, частоту санкционированных и несанкционированных перерывов в работе, аккуратное или небрежное обращение с материально-техническим оснащением и др.

Неофициальные контакты не всегда присутствуют в коллективе, в основном все межличностное общение между коллегами происходит в деловом формате. Но в некоторых коллективах они все же присутствуют, такие взаимоотношения могут возникнуть исключительно при взаимной симпатии или же общих интересах. Такие взаимоотношения в коллективе в большинстве случаев способствуют удовлетворенности трудом в целом, увеличению работоспособности, а также приводят к максимальному групповому сплочению. Вследствие этого грамотный руководитель должен осознавать всю значимость неформальных отношений и уметь воспользоваться таким положением дел во благо процветания группы. Он обязан всеми силами содействовать продолжению и возникновению новых неформальных отношений, так как они способствуют улучшению эффективности [6].

Руководитель по определению одновременно является членом организации и стоит как бы вне ее – над ней – в силу своего иерархически высшего положения. Эффективность деятельности организации тем выше, чем в большей мере руководитель является не просто формальным «начальником», но и неформальным лидером, т.е. реальным членом организации. Организационный статус руководителя выражается в том, что он – тот человек в организации,

который имеет двойную принадлежность. Например, директор предприятия, являясь его членом, одновременно входит в состав органа управления более высшего порядка; руководитель организации – это единственный человек в ней, на которого возложена ответственность за ее функционирование в целом, а не за работу какой-либо части; пост руководителя предоставляет ему гораздо большие возможности оказывать влияние на поведение и психологическое самочувствие работников, чем всем остальным членам организации. Эффективность управления зависит не только от профессиональной компетентности руководителя, но и от его психологической подготовки в области управления, т.е. от психологической культуры управления. Психологическое содержание управленческой деятельности является одной из самых важных составляющих структуры управления, поскольку только знание психологических особенностей людей, их поведения и взаимодействия, характера и темперамента, их проявления в трудовой и повседневной деятельности, способов воздействия на поведение человека и других психологических особенностей людей может обеспечить руководителю тот уровень и характер работы трудового коллектива, который его устраивает. Если руководитель выступает лидером в своем трудовом коллективе, то его деятельность связана с такими коннотациями, как власть, влияние, сила, доминирование, превосходство (в способностях, знании, компетенции) над другим человеком. Образ лидера, который идентифицируется с хозяином, требует наличия сформированных умений: влияния (властвования), контролирования ситуации, отношений с другими, а также координирования всех субъектов деловой коммуникации в организации для движения к общей цели. Умение редуцировать множество интересов, потребностей членов коллектива – прерогатива лидера.

Во влиянии на коллектив очень важны постоянство и систематичность оказываемых воздействий, так как в некоторых случаях при непостоянном влиянии в коллективе появится асоциальный человек, который станет разрушать сформировавшиеся взаимоотношения. Если в коллективе неформальные отношения поддерживаются постоянно на высоком позитивном и благоприятном психоэмоциональном уровне и при этом еще и личностно совершенствуются члены группы, то намного легче преодолеваются любые затруднения в деятельности, сокращается количество сотрудников, увольняющихся по причине психологической несовместимости и неудовлетворенности межличностными взаимоотношениями. Благодаря такому взаимодействию осуществляется обмен ценностями и смыслами, мотивами и намерениями, что является одним из основополагающих факторов делового общения между сотрудниками коллектива и выступает его сердцевиной [7].

С точки зрения идеальных (в психологическом ракурсе рассмотрения проблемы) межличностных взаимоотношений в трудовом коллективе представляются соотношения формальных и неформальных взаимодействий в равных пропорциях, при этом дружеские взаимоотношения не мешают, а способствуют улучшению работоспособности и сплоченности членов группы. Примером таких межличностных сбалансированных взаимоотношений может быть коллектив, где собрались единомышленники, которые с

большим энтузиазмом выполняют порученные им задания, при этом они максимально нацелены на помощь друг другу и всячески стараются поспособствовать достижению цели, поддерживают неформальные отношения, которые в определенных случаях перерастают в дружбу. В такой ситуации люди испытывают симпатию друг к другу и позитивный настрой, а также осознают целостность и общность коллектива не только на основе общей цели трудовой деятельности, но и в связи с личными привязанностями и хорошим расположением к коллегам, за счет этого они непроизвольно формируют особенную благополучную позитивную психологическую атмосферу [3].

Эффективный и грамотный руководитель должен с пониманием относиться к тому факту, что в каждом коллективе в большинстве случаев уже имеются или же только зарождаются определенные традиции, которые, в свою очередь, имеют очень большое значение для каждого члена группы и играют огромную роль в сплочении субъектов в коллективе. Традиции, обычаи и ритуалы, принятые в коллективе, являются неким клеем, который превращает коллектив в единое целое. Также традиции делают коллектив неповторимым, особенным. Немаловажным является и проведение внерабочего времени совместно с коллегами. Такой досуг улучшает климат в коллективе и способствует решению уже устоявшихся проблем.

Климат коллектива формируется только за счет взаимоотношений коллег. Внутри него нередко имеются сотрудники, которые настроены недружелюбно и негативно по отношению друг к другу. Это может привести к серьезным межличностным и трудовым конфликтам. Такие ситуации обязывают руководителя в совершенстве знать виды организационных конфликтов, причины, по которым данный конфликт возник, и, самое важное, ему необходимо знать социально-психологические способы и стратегии выхода из сложившейся конфликтной ситуации. Если же руководитель не смог устранить конфликт по причине того, что не знал о нем, ситуация начнет ухудшаться, появятся бесконечные споры, клевета, угрозы и даже месть. Таким образом, вся межличностная коммуникация коллег будет направлена на анализ данного конфликта, а не на выполнение своих функциональных обязанностей. В таких случаях руководителю стоит выявить наиболее агрессивных и асоциальных людей, которые способствуют раздражению оставшейся группы, и в полной мере применить воспитательное и психологическое воздействие [8].

Руководитель обладает неким психологическим ресурсом оказывания давления на подчиненных, которое определенным образом связано с его должностью. Его убеждения могут привести к достаточно серьезным изменениям в поведении подчиненного в лучшую или, напротив, в худшую сторону. Чтобы повысить эффективность влияния и корректировки поведения подчиненного в коллективе со своими коллегами по работе, необходимо учитывать суггестию как механизм психологического влияния на сотрудников [5].

Осознанно и целенаправленно формируя благоприятный социально-психологический климат собственного коллектива, руководитель способствует тому, что перестают появляться неблагоприятные раздражители, влияющие на психологический комфорт подчиненных. Но стоит отметить, что характер социально-психологического климата в коллективе напрямую зависит от поведения и индивидуально-психологических особенностей, мотивационной сферы и стратегий деловой коммуникации каждого из участников группы. В некоторых ситуациях получается так, что руководитель сам становится инициатором межличностного конфликта с коллегами. Это может быть вызвано рядом причин, например недостаточной готовностью к работе с большим количеством людей, профессиональной непригодностью, профессиональной некомпетентностью, черствостью, холодностью, недостатками собственного характера, неуверенностью в себе или же, наоборот, чрезмерной властностью и жестокостью.

Таким образом, важнейшую роль в формировании благоприятного социально-психологического климата играет именно личность руководителя, поскольку именно он выступает регулятором межличностных взаимоотношений и взаимодействия между членами трудового коллектива, именно он поддерживает складывающиеся неформальные отношения и традиции, которые очень важны для подчиненных и составляют в совокупности специфику социально-психологического климата трудового коллектива. Но вместе с тем сам руководитель имеет личностную уникальность, собственный определенный стиль руководства и выработанную на основе профессионального опыта управленческую концепцию, от которой в большой степени зависит работоспособность коллектива в целом.

Библиографический список

1. Андреева Г.М. Социальная психология. М.: Аспект Пресс, 2001. 217 с.
2. Бойко В.В., Ковалев А.Г., Панферов В.И. Социально-психологический климат коллектива и личность. М.: Мысль, 1983. 207 с.
3. Канджеми Дж.П. Психология современного лидерства: американские исследования. М.: Когито-Центр, 2006. 288 с.
4. Ленсиони П. Пять искушений руководителя: притчи о лидерстве. М.: Вильямс, 2005. 87 с.
5. Наир К. Высокий стандарт лидерства: уроки из жизни Ганди. Ростов н/Д: Феникс, 2005. 160 с.
6. Петровский А.В., Ярошевский М.Г. Психология. 8-е изд., стер. М.: Академия, 2008. 500 с.
7. Рассел Дж., Диринг Э., Дилтс Р. Альфа-лидество. М.-СПб.: ОЛМА-ПРЕСС, Прайм-Еврознак, 2004 . 256 с.
8. Эдэйр Дж. Не боссы, но лидеры. Лестница успеха. М.: Гранд-Фаир, 2004. 184 с.

THE ROLE OF THE LEADER IN THE FORMATION OF THE SOCIAL AND PSYCHOLOGICAL CLIMATE OF THE LABOR COLLECTIVE

S.V. Kovaleva, S.I. Filippchenkova

Tver State Technical University, Tver

The article reveals the concept of the socio-psychological climate in the work collective, as well as actualizes the role of the leader in the formation of a favorable working atmosphere. Describes formal and informal relationships in teams, as well as their impact on performance. The main functions of a leader are considered, which are aimed at the formation of a psychological psychological atomosphere in a team. The leading role of the leader in the formation of a favorable socio-psychological climate is substantiated, since it is he who acts as a regulator of formal and informal relationships between colleagues.

Keywords: *leader, work collective, socio-psychological climate, formal relationships, informal relationships.*

Об авторах:

КОВАЛЕВА Светлана Валерьевна – магистрант кафедры психологии и философии ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», г. Тверь, Россия. E-mail: svksveta180@gmail.com

ФИЛИППЧЕНКОВА Светлана Игоревна – доктор психологических наук, доцент, профессор кафедры психологии и философии ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», г. Тверь, Россия. E-mail: sfilippchenkova@mail.ru

Author information:

KOVALEVA Svetlana Valeryevna –- graduate students of the Department of psychology and philosophy, Tver State Technical University, Tver, Russia. E-mail: svksveta180@gmail.com

FILIPPCHENKOVA Svetlana Igorevna – PhD of psychological sciences, associate professor, professor of Department of psychology and philosophy, Tver State Technical University, Tver, Russia. E-mail: sfilippchenkova@mail.ru

ПРОБЛЕМЫ ЭКОНОМИКИ И УПРАВЛЕНИЯ

УДК 330.59;338.2

«КАЧЕСТВО ЖИЗНИ» КАК ИНДИКАТОР «НАЦИОНАЛЬНОГО СЧАСТЬЯ» ГРАЖДАН В ТВЕРСКОМ РЕГИОНЕ

Т.Б. Яконовская, А.И. Жигульская, А.Г. Бойкова

ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», г. Тверь

© Яконовская Т.Б., Жигульская А.И., Бойкова А.Г., 2020

В статье анализируется взаимосвязь критериев «качество жизни» и «национальное счастье» применительно к населению Тверской области, проводится исследование информационных потоков по тематике статьи, исследуются факторы качества жизни. Результатом является факторная модель для оценки качества жизни и уровня национального счастья, излагаются выводы.

Ключевые слова: *качество жизни, национальное счастье, факторная модель, регион.*

DOI: 10.46573/2409-1391-2020-3-82-88

Во всех долгосрочных вариантах документа «Стратегии экономической безопасности России» качество жизни населения является одним из приоритетных направлений государственной социально-экономической политики. Между тем качество жизни как социально-экономический критерий не имеет четкого определения согласно международным стандартам системы ISO. Данной проблеме посвящено большое количество исследований как в России, так и за рубежом [1; 2]. Качество жизни рассматривают не только как категорию социологии, но и как экономический критерий, отражающий уровень и условия, в которых живет общество и индивид. Для различных стран, социальных слоев и групп населения этот термин имеет свое субъективное значение, а также набор характерных критериев, отражающих желаемое социально-экономическое развитие общества. Причем этот набор критериев представляет собой динамическую, постоянно изменяющуюся совокупность параметров, характеризующих качество жизни граждан.

Императивом «Стратегии социально-экономического развития Тверской области до 2030 г.» является обеспечение высокого уровня благосостояния и качества жизни населения за счет динамичного и устойчивого роста экономики и комплексного развития инфраструктуры (как инженерной, так и социальной) и среды обитания. При этом отсутствует программа мер и действий по обеспечению высокого уровня благосостояния и качества жизни населения и нет четкого понимания того, что этот высокий уровень собой представляет. В Стратегии лишь поясняется, какие цели должны быть достигнуты: «повышение качества жизни и развитие человеческого капитала (улучшение демографических процессов, развитие рынка труда и создание благоприятных

условий труда)»; «сглаживание дифференциации в уровне и качестве жизни населения» [3]. Однако здесь следует отметить, что руководство региона в качестве индикаторов оценки достижения цели предлагает использовать показатели: демографии населения (продолжительности жизни, рождаемости и смертности); количества новых рабочих мест (в основном за счет развития сферы самозанятости и кластерных отраслей); снижения стоимости потребительской корзины и роста среднегодовой заработной платы по региону.

С точки зрения авторов, качество жизни следует определять не как средний, обобщенный показатель по региону, а с учетом различий в социальных слоях населения как по возрастному критерию, так и по уровню реальных доходов. В качестве недостатка при анализе показателя «качество жизни» следует отметить отсутствие четких методик и использование широкого спектра различных параметров в оценках. Ввиду разнообразия научных направлений в области качества жизни проведем анализ информационных потоков, который позволит выделить степень актуальности этой тематики. Результаты анализа представлены на рис. 1. Данные, указанные на нем, представляют большой интерес для научного сообщества, занимающегося этой тематикой. Кроме того, уравнение логистической кривой, выраженное логарифмической функцией со значением коэффициента апроксимации R^2 = 0,971, показывает высокую достоверность построенной кривой. Здесь следует отметить, что у разных исследователей своя точка зрения по поводу определения как термина «качество жизни», так и методик его расчета. Большинство методик оценки качества жизни представляют собой различные вариации многофакторных экономико-математических моделей и используют комплекс статистических показателей.

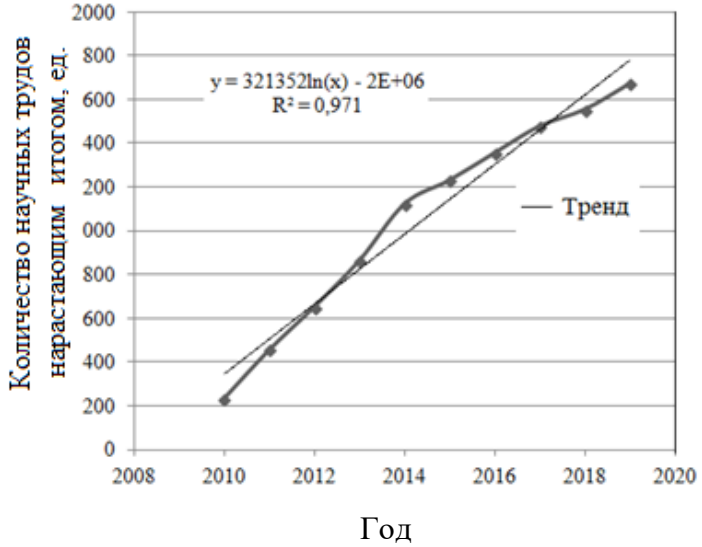

Рис. 1. Логистическая кривая информационных потоков по тематике «качество жизни»

В авторской трактовке, если исходить из позиций популярного научного направления («Менеджмент качества»), качество жизни – это определенное свойство жизнедеятельности человека, характеризующее максимально полное удовлетворение материальных и нематериальных потребностей. С точки зрения современных тенденций в экономической теории максимально полное

удовлетворение человеческих потребностей создает ощущение счастья. Это своего рода индикатор «национального счастья», характеризующий стоимость экономического роста в регионе или стране, который состоит из четырех элементов:

1) ускоренного роста экономики;
2) доступных инноваций в здравоохранении, образовании и культуре;
3) комплексного и ресурсосберегающего использования сырьевой базы [4, 5];
4) качественного государственного управления.

Фундаментом концепции «качество жизни» является применение научно обоснованной системы показателей, отражающей отдельные элементы уровня жизни граждан (табл. 1). В то же время проблема оценки качества жизни как индикатора национального счастья связана с отсутствием четкого методологического инструментария, а используемые методики носят в основном характер социологического опроса. Таким образом, оценки качества жизни, полученные социологическими опросами, неадекватны, так как разные социальные слои и группы населения имеют собственную трактовку этого понятия.

Критерий «национальное счастье» в настоящее время используется не во всех странах. Как правило, за индикатор развития экономики принимают величину и динамику ВВП наряду с известными макроэкономическими показателями. Следует учитывать, что критерий «национальное счастье» характеризует довольно широкий спектр факторов, влияющих на ощущение комфортности жизни граждан. На наш взгляд, оба понятия, «качество жизни» и «национальное счастье», идентичны друг другу с той лишь разницей, что «национальное счастье» учитывает дополнительные четыре элемента, которые были описаны выше.

Таблица 1

Факторы, характеризующие качество жизни населения и национальное счастье

Факторы	Качество жизни	Национальное счастье
Экономические		
Рост ВВП, НД и др.	+	+
Уровень доходов	+	+
Уровень инфляции	+	+
Уровень безработицы	+	+
Уровень криминализации экономики	–	+

Окончание табл. 1

Факторы	Качество жизни	Национальное счастье
Уровень инвестиционной активности	+	+
Социальные		
Уровень и качество образования	–	+
Доступность и инновационность здравоохранения	+	+
Социальное обеспечение	+	+
Продолжительность жизни	+	+
Жилищные условия	+	+
Культурное развитие	–	+
Производственные		
Уровень использования природных ресурсов	–	+
Занятость и условия труда	+	+
Экологическая обстановка	+	+
Управленческие		
Доступность государственных услуг	–	+
Уровень государственных пошлин	–	+
Качество организации государственных услуг	–	+

Примечание: «+» – фактор используется в оценке показателя; «–» – фактор не используется в оценке показателя.

Статистические данные по регионам России [4] позволяют рассчитать комплексный показатель качества жизни как многофакторную функцию (рис. 2)

$$\text{кж} = f(x_1, x_2, x_3, \dots, x_n), \quad (1)$$

где $x_1, x_2, x_3, \dots, x_n$ – факторы, которые приведены в табл. 1, 2. Причем влияние каждого из факторов – неоднозначное, степень корреляции тоже различается. Чем выше показатель качества жизни, тем больше уровень национального счастья граждан.

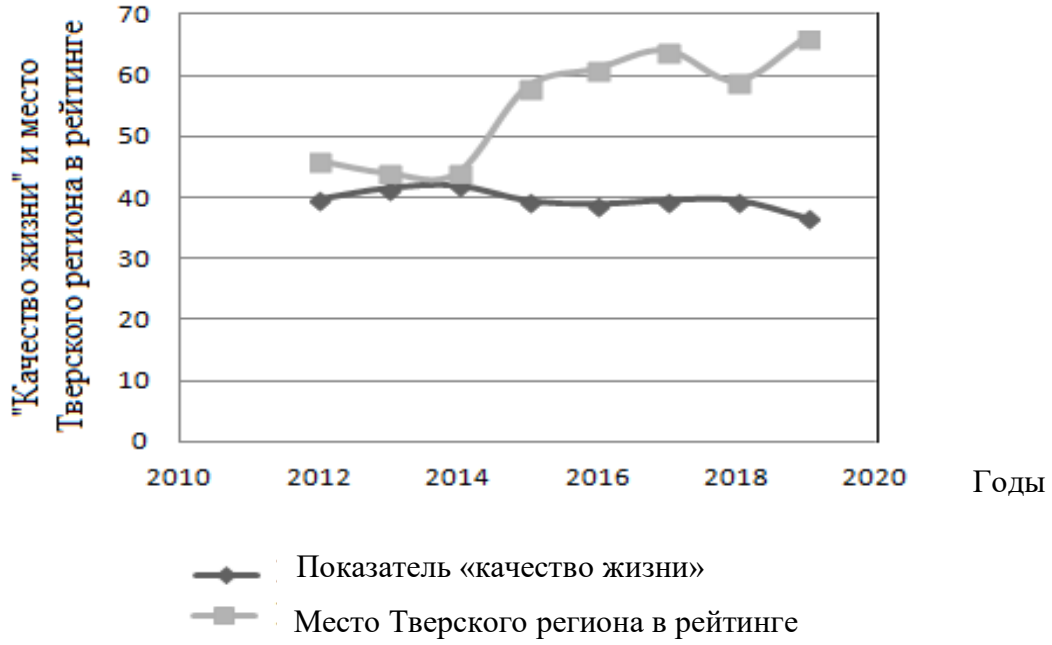

Рис. 2. Динамика показателя «качество жизни»
и места Тверского региона в рейтинге по России

Как показывает рис. 2, показатель «качество жизни» в Тверском регионе и занимаемое в рейтинге место снижаются с 2014 г. Из 85 регионов Тверская область занимала в 2014 г. 44-е место, а в 2019 г. – 66-е, это позволяет сделать вывод о том, что качество жизни в Тверской области имеет устойчивую отрицательную динамику, а уровень национального счастья ухудшается. Факторы, характеризующие уровень национального счастья, также являются комплексными динамическими параметрами. Но самыми основными из них, имеющими первостепенное значение для большинства граждан, считаются уровень доходов, продолжительность жизни и экология, т.е. то, насколько эффективно используются природные ресурсы для долгой и счастливой жизни (табл. 2).

Таблица 2

Показатели национального счастья в Тверском регионе [3, 4, 5]

Показатель	Годы							
	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019
Продолжительность жизни, лет	67,86	68,13	68,43	69,1	69,24	70,45	70,2	69,51
Реальные доходы, % к прошлому году	9	2,5	–1,8	–2,9	–5,3	–3	–4,2	–6,1
Индекс качества жизни, %	39,6	41,4	41,83	39,4	38,83	39,46	38,52	37,2
Оценка гражданами исполнительной власти, %	30,1	32,1	37,1	37,5	40,6	42,2	40,3	37,2
Экономические преступления, ед. на 10 000 чел.	21,64	15,76	6,74	8,24	6,72	6,44	6,87	7,12
Уровень использования минерально-сырьевой базы на человека в месяц, руб.	58,38	27,74	25,8	12,84	14,38	13,54	12,54	9,51

Исследуемые факторы позволяют разработать факторную модель для оценки уровня национального счастья:

$$\text{НС} = 0{,}88x_1 + 0{,}74x_2 + 0{,}68x_3 + 0{,}89x_4 + 0{,}95x_5 + 0{,}23x_6. \qquad (2)$$

Анализ табл. 2 показывает, что все характеризующие национальное счастье факторы имеют отрицательную динамику с 2017 г. Причем фактор «уровень использования минерально-сырьевой базы» стал снижаться с 2013 г. и к настоящему моменту времени сократился в 6 раз (по отношению к 2012 г.), что в очередной раз доказывает крайне неэффективное использование промышленного потенциала региональных природных ресурсов, а также отсутствие адекватной стратегии рационального природопользования и, как следствие, низкий вклад горнодобывающего сектора в структуру регионального валового продукта.

Библиографический список

1. Нехода Е.В., Рощива И.В., Пак В.Д. Качество жизни: проблемы измерения // Вестник Томского государственного университета. Экономика. 2018. № 43. С. 107–125.

2. Городнова Н.В., Самарская Н.А. Повышение качества жизни граждан России в процессе реализации инновационных проектов // Вопросы инновационной экономики. 2019. Т. 9. № 3. С. 721–734.
3. О Стратегии социально-экономического развития Тверской области на период до 2030 года. URL: https://base.garant.ru/16357500/ (дата обращения: 20.04.2020).
4. Интегральный показатель качества жизни: URL: https://russia.duck.consulting/maps/12/2018 (дата обращения: 20.04.2020).
5. Открытый бюджет Тверской области. URL: https://portal.tverfin.ru/Menu/Page/302 (дата обращения: 03.04. 2020).

«QUALITY OF LIFE» AS AN INDICATOR OF «NATIONAL HAPPINESS» CITIZENS IN THE TVER REGION

T.B. Yakonovskaya, A.I. Zhigulskaya, A.G. Boykova

Tver State Technical University, Tver, Russia

The article analyzes the relationship between the criteria «quality of life» and «national happiness» of the population of the Tver region, a study of information flows on the subject of the article, the factors of quality of life. The result is a factor model for assessing the quality of life and the level of national happiness, the conclusions are presented.
Keywords: *quality of life, national happiness, factor model, region.*

Об авторах:

ЯКОНОВСКАЯ Татьяна Борисовна – кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики и управления производством ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», г. Тверь, Россия. E-mail: tby81@yandex.ru

ЖИГУЛЬСКАЯ Александра Ивановна – кандидат технических наук, доцент кафедры технологических машин и оборудования ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», г. Тверь, Россия. E-mail: 9051963@mail.com

БОЙКОВА Анастасия Геннадьевна – студентка 3-го курса, факультет управления и социальных коммуникаций, группа «Экономическая безопасность» 18.01, кафедра экономики и управления производством ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», г. Тверь, Россия. E-mail: boykova-nastya@list.ru

Author information:

YAKONOVSKAYA Tatyana Borisovna – PhD of Economic sciences, Associate Professor, Department of Economics and Production Management, Tver State Technical University, Tver, Russia. E-mail: tby81@yandex.ru

ZHIGULSKAYA Alexandra Ivanovna – PhD of Technical sciences, Associate Professor, Department of Technological Machines and Equipment, Tver State Technical University, Tver, Russia. E-mail: 9051963@mail.com

BOYKOVA Anastasia Gennadievna – 3rd year student, Faculty of Management and Social Communications, group «Economic Security» 18.01, Department of Economics and Production Management, Tver State Technical University, Russia. E-mail: boykova-nastya@list.ru

Вестник ТвГТУ. Серия «Науки об обществе и гуманитарные науки». 2020. № 3 (22). С. 89–113

УДК 336.025

ОБЛАСТЬ СУЩЕСТВОВАНИЯ И МАТЕМАТИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ БЕЗНАЛОГОВОЙ ЭКОНОМИКИ

А.Л. Карабачинский*, Г.Н. Мезенцев, С.И. Целуйко*****

*Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
** Международная славянская академия
*** МОО «Русский Мир»

© Карабачинский А.Л., Мезенцев Г.Н.,
Целуйко С.И., 2020

В статье поставлена теоретическая задача определения возможной области устойчивого функционирования экономики при эмиссионном формировании доходной части бюджета с соблюдением условия отсутствия инфляции или ее наличия в контролируемых пределах. Рассмотрена историческая обусловленность возникновения налоговой экономики, показаны особенности взаимодействия процессов оборота денежной и товарной масс, а также неэффективность налоговой системы в условиях денежного обращения. Обоснована возможность эволюционного перехода к безналоговой экономике в режиме контролируемой инфляции для достаточно развитых экономик. На основании модифицированного уравнения обмена Фишера выполнены количественные оценки сроков данного перехода. Показана возможность эмиссионного наполнения бюджета как для развивающейся, так и для развитой экономик. Разработана и протестирована на реальной экономической статистике феноменологическая нелинейная математическая модель макроэкономики, позволяющая проводить прогнозирование и проектирование экономических процессов. Эта модель с некоторой модификацией использована для описания функционирования безналоговой экономики.

Ключевые слова: *налоговая и безналоговая экономики, темпы роста бюджета и экономики, денежная эмиссия, инфляция, модель Вольтерры.*

DOI: 10.46573/2409-1391-2020-3-89-113

ВВЕДЕНИЕ

Целью данной статьи является обоснование возможности формирования бюджета на основе использования современных финансово-экономических реалий. Суть предложений заключается в замене платежей и налогов, являющихся источником формирования бюджета, на эмиссию государством денежных средств, которые на первом этапе своего поступления в экономику через статьи бюджета расходуются на нужды государства в виде зарплат госслужащих и бюджетных работников, госзакупок, инвестпроектов, пенсий и так далее, а на втором (с помощью инструментов финансового регулирования, основанных на современных информационно-цифровых технологиях) – трансформируются в инвестиции для развития экономики.

Гипотетическая альтернативная возможность безналоговой экономики имеет очевидные преимущества, оздоравливающе действующие на все общество. К ним можно отнести кардинальное упрощение процесса формирования бюджета, упразднение налоговых и некоторых других надзорных органов, резкое сокращение количества бухгалтеров и экономистов, самоликвидацию теневой экономики, легализацию самозанятости, повышение конкурентоспособности продукции за счет снижения себестоимости, резкое уменьшение коррупции и отсутствие налоговых преступлений (убираются условия, способствующие негативному поведению).

Перед проведением количественных оценок рассмотрим качественную картину предлагаемых изменений в бюджетном процессе и их последствия для экономики в целом.

Может возникнуть вопрос о придаваемой налогам функции регулятора в экономике. В случае их отмены возможно использование других инструментов, таких как квоты, лимиты, лицензии, штрафы и т.п. Они давно применяются и показали свою работоспособность. Что-то, очевидно, целесообразно оставить, например акцизы, имеющие социальную роль, или ввозные пошлины, защищающие рынки отечественных товаров.

Налоги выполняют также контрольные функции для оценки объемов и номенклатуры товаров в процессах регулирования соотношения товарной и денежной масс. Современный уровень развития информационных цифровых технологий позволяет выполнить эти задачи другими средствами. Например, в торговле вводится система кассовых аппаратов, данные с которых будут практически напрямую поступать в налоговую службу. При упразднении налогов функция контроля может быть передана органам статистики.

Практикующийся в настоящее время способ формирования доходной части бюджета (казны) за счет налогов, пошлин, сборов и тому подобного исторически сложился в условиях натурального хозяйства, в которые он органично вписывался и осуществлялся за счет сбора товаров с собственного населения (подати), с внешней торговли (пошлины) или товаров от зависимых государств (дань). Принцип сбора продолжал действовать по мере появления денежных отношений, при которых часть сборов стала проводиться в денежной форме. В условиях монопольного права государства на выпуск денег налогообложение потеряло свою прежнюю естественность: оно стало составной частью многосложного процесса, в котором выпускаемые государством денежные средства, предназначенные для формирования бюджета, направляются сначала в экономику, а затем с приложением больших усилий и со значительными потерями возвращаются государству.

Вопреки представлениям о формировании денежной массы в объеме, необходимом для обслуживания оборота товаров и услуг, государство дополнительно выпускает под свое содержание денежные средства, повышающие цены на величину включаемых в них налогов и не связанные непосредственно с товарно-экономическими отношениями, что дает основания для изменения механизма формирования бюджета. Собираемые для него денежные средства фактически являются внеэкономическим довеском в структуре цены и практически не анализируются в экономических теориях,

выступая в них как один из видов издержек. В связи с этим предлагается выпускаемые государством денежные средства направлять непосредственно на формирование бюджета, а не пускать по большому кругу экономики.

Современная экономика характеризуется развитой системой финансово-денежных отношений с выделившейся в отдельную сферу функцией формирования и распределения финансовых ресурсов. Если считать, что экономика связана с производством и распределением товаров и услуг и денежные средства используются в ней как элемент товарообмена, то финансовая сфера данными признаками не обладает, что говорит о ее относительной самостоятельности. Особенно важно то, что она имеет свои закономерности функционирования. Эти особенности финансовой сферы позволили решать социально-экономические задачи, недоступные для чисто экономических отношений. По мнению лауреата Нобелевской премии по экономике за 2013 г. Р. Шиллера, финансовые институты позволили значительно повысить жизнеобеспечение миллионов людей за счет распространения страхования, пенсионного обеспечения и ипотечного кредитования, которые казались невозможными в XIX в. [11, с. 51]. Нами предлагается продолжить использование возможностей финансовых институтов и распространить их на решение задач формирования государственного бюджета.

Самостоятельное функционирование финансовых институтов стало возможным благодаря изменению природы денег в процессе исторического развития. Появление денег как общественных отношений вызвано разделением труда и его следствием – товарообменом, в котором деньги обеспечивают выполнение принципа эквивалентности (равенства) ценностей различных товаров. На первом этапе деньги выступали в товарной форме, в виде ценных товаров (зерна, мехов, скота). На втором этапе металлических денег ими были золото и серебро, сохраняющие равенство собственной стоимости (их добыча, обработка и уникальные качества) и номинальной (присвоенной).

Стремление к удобству денежных операций привело к появлению бумажных денег. Они не обладают самостоятельной стоимостью, имеют принудительный курс, законодательно присваиваемый государством, и фактически являются бумажными знаками стоимости.

Металлическое обеспечение бумажных денег в условиях возрастающего выпуска товаров требовало вывода из оборота объема благородных металлов, равного номинальной стоимости бумажных денег, что приводило к дефициту денежной массы. Основатель теории регулируемой экономики Дж. Кейнс в работе 1923 г. «Трактат о денежной реформе» отмечал, что «золотой стандарт является только варварским пережитком прошлого». В 1971 г. международный золотой стандарт был окончательно отменен. Современные деньги получили название фиатных (необеспеченных), номинальная стоимость которых устанавливается и гарантируется государством.

Существует обстоятельство общесистемного характера, важное для исследуемой проблемы и задающее определенные рамки для ее решения, которое практически никогда не рассматривают, по-видимому, считая тривиальным. Для нашего анализа оно имеет существенное значение и во

многом объясняет, почему исторически сложившаяся система сбора налогов осталась после исчезновения натурального хозяйства.

Дело в том, что в товарно-денежном обмене соединены два различно протекающих процесса: воспроизводство товаров и оборот денег, а изъятие части денег в виде налогов фактически является компенсацией этого различия. Один из них – это процесс постоянного воспроизводства товаров, которые потребляются (уничтожаются) или изнашиваются, а их место занимают вновь изготовленные. Деньги никуда не исчезают и постоянно находятся в обращении, за исключением периода временного участия в процессах накопления.

Допустим, имеется экономика с простым, не увеличивающимся воспроизводством товаров, а у государства есть постоянные расходы, обеспечиваемые за счет сбора налогов. Допустим также, что государство полностью заменило налоги эмиссией денег. Экономика на вновь напечатанные деньги обеспечит, как и раньше, государство всем необходимым. Общее количество товаров и услуг в этой системе не изменяется, и увеличение количества денег приведет к росту цен (инфляции). Такой исход и предопределяет изъятие части денег, заработанных агентами экономики, в виде налогов и запуск их по «кругу». Не так важно, что государство использует эти деньги на оказание обществу услуг: действующая система товарно-денежных отношений требует, чтобы объем денег не увеличивался в условиях постоянства воспроизводства продукта. Таким образом, мы сталкиваемся с необходимыми условиями существования товарно-денежной обменной системы, нарушение которых ведет к ее дестабилизации. Для самой системы это является поиском равновесия в новых условиях, но в социальном плане это неприемлемо.

Из приведенных примеров можно вывести первое необходимое условие-ограничение на область существования безналоговой экономики социального типа: теоретически она существует только при расширенном воспроизводстве, делающем приемлемой дополнительную эмиссию денег.

Второе необходимое условие вытекает из первого: темп роста денежной массы, покрывающий расходы бюджета, должен соответствовать в стоимостном выражении приросту воспроизводства продукта. Как будет показано далее в количественных оценках, такое соотношения достигается за достаточно длительный период, в течение которого денежная масса может ежегодно наращиваться. Для обоснования работоспособности исследуемого сценария далее покажем, как добавляемые деньги будут работать и обеспечивать рост экономики и какие должны быть проведены дополнительные регулирующие и нормативные мероприятия.

Рассматриваемое решение можно сравнить с положениями количественной теории кредита, развитой известным английским экономистом немецкого происхождения Р. Вернером [12]. В ее основу было положено явление «экономического чуда», происходившего в Японии, Южной Корее, Китае и некоторых других странах. Результатом исследования явилось понимание того, что резкий экономический рост этих стран обязан эмиссии денег центральными или государственными банками и целевому кредитованию проектов развития с жестким контролем их использования.

ПРЕДЛАГАЕМАЯ МОДЕЛЬ

Нами предлагается другая модель насыщения экономики деньгами: на первом этапе за счет эмиссии денег обеспечить целенаправленное и контролируемое финансирование государства для выполнения им своих функций. Эти деньги поступят в экономику тем же путем, каким поступали ранее собираемые деньги в виде налогов: государство произведет госзакупки и строительство для госнужд, выделит часть средств на развитие экономики и инфраструктуры, оплатит работу многочисленных категорий госслужащих и бюджетных работников, обеспечит средствами получателей социальных выплат (пенсионеров и пр.), являющихся по макроэкономической терминологии домохозяйствами. Последние используют свой доход на покупку конечного продукта, а избыточные средства поместят на депозиты. На втором этапе банки используют эти средства для выдачи кредитов предпринимателям на развитие или пополнение оборотных средств. Различие будет в том, что у предпринимателей и домохозяйств не будет изыматься часть заработанных ими денег в виде налогов, а в экономику будут поступать дополнительные средства. Рассмотрим подробнее, какими финансовыми потоками они будут растекаться далее по экономике.

Допустим, доходы домохозяйств, получающих средства из бюджета, постоянны и структура их спроса не меняется. Пусть также постоянны объемы госзакупок. Таким образом, с этой стороны не будет наблюдаться потребность в увеличении спроса, стимулирующего рост экономики и производительности труда. Получив доходы от реализации конечного продукта домохозяйствам и по госзакупкам, предприниматели оплатят издержки, в которые входят материалы, зарплата домохозяйств – наемных работников, и накладные расходы, а оставшаяся часть образует прибыль, увеличившуюся за счет отсутствия налогов. Если предприниматели не повысят зарплату своим работникам, а стимулов для этого они не имеют, то вся сумма средств в объеме налогов, которые не были изъяты в первом году после базового, осядет у предпринимателей. Последние, являясь одновременно домохозяйствами, увеличат свой платежеспособный спрос и смогут использовать часть из них в качестве оборотных средств или для развития производства.

Развитие производства имеет смысл при наличии роста платежеспособного спроса. В нашем примере рост спроса наблюдается только у домохозяйств-предпринимателей, составляющих наибольшую часть домохозяйств. Средства, используемые домохозяйствами-предпринимателями для личного пользования, простимулируют некоторый рост экономики, но на это пойдет малая доля появившихся в экономике средств, что приведет к общему росту цен.

В существующей системе экономики с домохозяйствами-предпринимателями и домохозяйствами наемных работников нет внутренних механизмов саморегуляции по выравниванию уровней платежеспособного спроса различных категорий домохозяйств, поэтому целесообразно ввести нормативную регуляцию, обеспечивающую рост доходов домохозяйств наемных работников. При постепенном нормативном повышении их доходов также постепенно будет расти платежеспособный спрос, стимулирующий развитие

экономики. Произойдет перераспределение средств внутри структуры цены продукции из статьи «прибыль» в статью «зарплата». Рост доходов домохозяйств должен согласовываться с другими факторами (способностью экономики к росту, увеличением денежной массы и т.п.). Необходим также контролируемый рост доходов домохозяйств, получающих средства из бюджета.

Некоторыми авторами предлагались другие варианты безналогового или частично безналогового формирования доходов бюджета. Академик Д.С. Львов обосновал эффективность налогозамещающего механизма рентных платежей, использующего природно-ресурсный потенциал страны [5, с. 675–697].

Практически безналоговым государством являются Объединенные Арабские Эмираты, получающие доходы от природных ресурсов. Налогами здесь облагаются только иностранные банки, компании по добыче нефти, газа и нефтехимическая промышленность [7].

В приведенных примерах за ресурсы платит сторона, организовывающая добычу. Но, чтобы за них расплатиться, она включает платежи в цену продукции, что делает потребителя конечным плательщиком ренты. Государство становится невольно заинтересованным в увеличении добычи этих ресурсов, а это противоречит принципу всемерной их экономии. Этот механизм идет вразрез с научно-техническим прогрессом, благодаря которому создаются ресурсосберегающие технологии типа возобновляемых энергоисточников.

В количественной теории кредита Р. Вернера создание институтов развития и жесткий контроль за расходованием средств связаны с уходом денег из реального сектора в финансовый, дающий значительно большую прибыль. В нашем варианте также необходимо проведение определенных мероприятий для предотвращения перетекания средств на финансовый рынок (квоты, прогрессивные налоги и пр.). Все операции на финансовом рынке строго регламентируются, поэтому нет объективных причин, мешающих введению соответствующих регуляторов. Многочисленные механизмы регулирования финансового рынка предлагаются, например, в докладе академика РАН С.Ю. Глазьева, сделанном на Научном совете РАН в 2015 г. [3, с. 339–456].

При проведении определенных мероприятий (регламентированного роста зарплаты, регулирования финансовых рынков и пр.) можно добиться направления появившихся в экономике средств на контролируемое повышение спроса, который простимулирует рост выпуска благ, повышение производительности труда и инвестирование в экономику.

Перед тем как провести приближенные количественные оценки области существования безналоговой экономики, необходимо сделать методологическое отступление. Нами использован обычный прием – анализ идеальной модели некоторой группы экономических явлений, чтобы не «утонуть» в огромном массиве экономических факторов. Модель основана на уравнении обмена И. Фишера, которое верно, как и всякая идеализация, при множестве допущений, но дает возможность проведения принципиального анализа явлений.

Вызывает удивление тот факт, что экономические власти развитых стран взяли за основу своей деятельности одну из экономических конструкций,

опирающихся на это уравнение, а именно количественную теорию денег М. Фридмана и постулаты монетаристской теории, без необходимой для любой идеальной модели адаптации к реальным условиям. Заслуживает самого пристального внимания критика С.Ю. Глазьевым полного доверия российских властей к упомянутой идеализированной теории, подробный анализ которой он приводит в упоминаемой нами книге «Экономика будущего. Есть ли у России шанс». Глазьевым на многочисленных примерах убедительно показано, как те или иные факторы, от которых абстрагируется данная теория, задают характер протекания различных реальных экономических процессов.

КОЛИЧЕСТВЕННЫЕ ОЦЕНКИ

Напомним запись уравнения Фишера, описывающего состояние гипотетического равновесия между объемами денежной и товарной масс:

$$X_2 \cdot V = P \cdot Q, \qquad (1)$$

где X_2 – объем денежной массы, на которую можно приобрести продукт;

V – скорость обращения денег;

P – усредненная стоимость продукта;

Q – объем приобретенного продукта.

Данное соотношение верно при ряде известных допущений (совершенной конкуренции, полной информации о рыночной коньюнктуре, отсутствии финансового рынка и накоплений, полном использовании факторов производства, отсутствии влияния внешнеторговой деятельности и изменении курса валют и др.). Для проведения анализа удобно выделить некий базовый год (нами выбран 2014) с набором его характеристик и посмотреть, что будет происходить в последующие годы при реализации предлагаемых решений. Увеличение цен относительно базового года условно будем считать инфляцией.

Произведение P · Q можно рассматривать как агрегированную стоимость всего купленного продукта, который в соответствии в принятым делением является конечным или промежуточным, данные по нему есть в действующей статистике. Тогда можно записать:

$$P \cdot Q = H_к + H_{пр} = H,$$

где $H_к$ – стоимость конечного продукта;

$H_{пр}$ – стоимость промежуточного продукта;

H – стоимость всего объема произведенного продукта.

Стоимость промежуточного продукта включает в себя госзакупки и закупки промежуточного продукта для инвестиционных проектов, поэтому госзакупки и инвестиции не вошли в уравнение отдельными членами.

За основу денежной массы, стоящей в левой части уравнения, обычно принимают денежный агрегат $M2$, включающий в себя наличные деньги, деньги на текущих и расчетных банковских счетах и срочные вклады. Существуют

факторы, изменяющие объем денежной массы, на которую можно приобретать продукцию. Ее увеличивает чистый экспорт ($M_э$), а уменьшают обязательные резервы коммерческих банков ($M_р$). Значительно влияет на уменьшение денежной массы финансовый рынок. Но так как предполагается ограничение ее потока в этот сектор, то этот фактор взят в «запас» (как и отток валюты за счет мигрантов).

Таким образом, для базового (нулевого) года можно записать:

$$(M2_о + M_{эо} - M_{ро})V = H_{ко} + H_{про}. \quad (2)$$

Для проведения начальной оценки рассмотрим самый простой случай – сохранение существующего соотношения товарной и денежной масс в безынфляционной экономике с расширяющимся воспроизводством в следующих (после базового) годах при запуске эмиссии денег для нужд бюджета. Очевидно, что для сохранения прежнего уровня цен в первый год после базового можно ввести в экономику дополнительно денег только в объеме, равном приращению стоимости полного продукта. Мы также учтем показываемый статистикой ежегодный рост бюджета.

Введем следующие обозначения: d – ежегодная доля расходной части бюджета X_4, поступающей в экономику за счет эмиссии денег; a – годовой темп роста величины бюджета $(a \leq 0)$; b – годовой темп роста величины стоимости полного продукта $(b \leq 0)$. Чтобы избежать усложнения начальных приближенных оценок, примем постоянными и равными значениям базового года величины $M2$, $M_э$, $M_р$, а также величины a и b (с теми же допущениями). Скорость обращения денег, по мнению многих авторов, также может быть принята постоянной для долгосрочных периодов.

Тогда, учитывая, что $X_{20} = M2_о + M_{эо} - M_{ро}$, а $H_о = H_{ко} + H_{про}$, запишем наше соотношение для первого года после базового:

$$[X_{20} + d_1 \cdot X_{40}(1+a)]\ V = H_о(1+b). \quad (3)$$

Выразив V через соотношение для базового года $V = H_о / X_{20}$, найдем d_1:

$$d_1 = b \cdot X_{20} / X_{40}(1+a). \quad (4)$$

Отметим, что величина d не зависит от стоимости объема продукта $H_о$ и определяется соотношениями темпа его роста к темпу роста бюджета и денежной массы к бюджету.

Во втором году денежная масса составит:

$$[X_{20} + d_1 \cdot X_{40}(1+a) + d_2 \cdot X_{40}(1+a)^2]\ V = H_о(1+b)^2. \quad (5)$$

Подставив в это выражение d_1, найдем d_2:

$$d_2 = b(1+b) \cdot X_{20} / X_{40}(1+a)^2. \quad (6)$$

Введем коэффициент $h = X_{20} / X_{40}$, который в нашем случае является постоянным, и запишем выражение d для m-го года:

$$dm = h\,b\,(1+b)^{m-1} / (1+a)^{m}. \quad (7)$$

Данное выражение позволяет оценить ежегодные допустимые темпы увеличения денежной массы, не приводящие к инфляции, а также определить, в каком году при принятых значениях a и b ежегодный выпуск денег может сравняться с расходной частью бюджета, т.е. когда d станет равной единице.

Для проведения начальных оценок выберем значения входящих в выражение (7) величин. По данным табл. 1, реальные годовые темпы роста бюджета составляют примерно 4–6 %. Примем $a = 0{,}05$.

Очевидно, что темпы роста экономики должны превышать темпы увеличения бюджета: $b > a$. В свое время темпы роста экономики Китая колебались в районе 10 %. В период индустриализации в СССР они достигали 15 %, а в период «экономического чуда» Япония показывала темпы до 11 % [4, с. 579]. Примем верхнюю границу $b = 0{,}15$, очерчивающую возможную область существования предлагаемого сценария.

В статье для исключения излишних перечислений под термином «налоги» условно объединены все выплаты: прямые и косвенные налоги, платежи во внебюджетные фонды, акцизы и пр. Термин «бюджет» объединяет бюджеты и внебюджетные фонды всех уровней. В соответствии с этим пониманием используются статистические данные.

Для определения значения коэффициента h (X_{20} / X_{40}) возьмем в табл. 1 значение бюджета 2014 г. $X_{40} = 26{,}8$ трлн руб. (в дальнейшем в статье написание наименования размерности стоимостных величин будет, как правило, опускаться) и значение денежного агрегата $M2o = 31{,}4$. Величина чистого экспорта $Mэо = 5{,}1$ [8, с. 22], обязательных резервов коммерческих банков $Mро = 1{,}0$ [10, с. 68]. Имеем $h = 1{,}32$. После решения уравнения (7) для $dm = 1$ получим $m = 19{,}34$.

Таким образом, при принятых допущениях, многие из которых взяты в «запас», параметрах статистики России 2014 г., взятых за базовый год, темпах увеличения бюджета 5 % и роста экономики 15 % время выхода на полное замещение налогов эмиссией денег для обеспечения бюджета в безынфляционном режиме составит около 20 лет. Для долгосрочных стратегий развития такие сроки являются вполне приемлемыми.

Естественно, это приближенная оценка, поэтому в дальнейшем необходим анализ допущений и проработка механизмов функционирования экономики в новых условиях, а также оценка и обеспечение соответствующих темпов роста экономики.

Показанная на рис. 1 область существования безналоговой экономики при отсутствии инфляции ограничена графиками зависимости сроков перехода на полное замещение налогов эмиссией от темпов роста экономики (графики построены для значений ежегодного роста бюджета в пределах $a = 0 – 0{,}05$). Из них следует, что после достижения срока полного замещения налогов эмиссией денег темп роста экономики может постепенно снижаться и достигать более приемлемых значений.

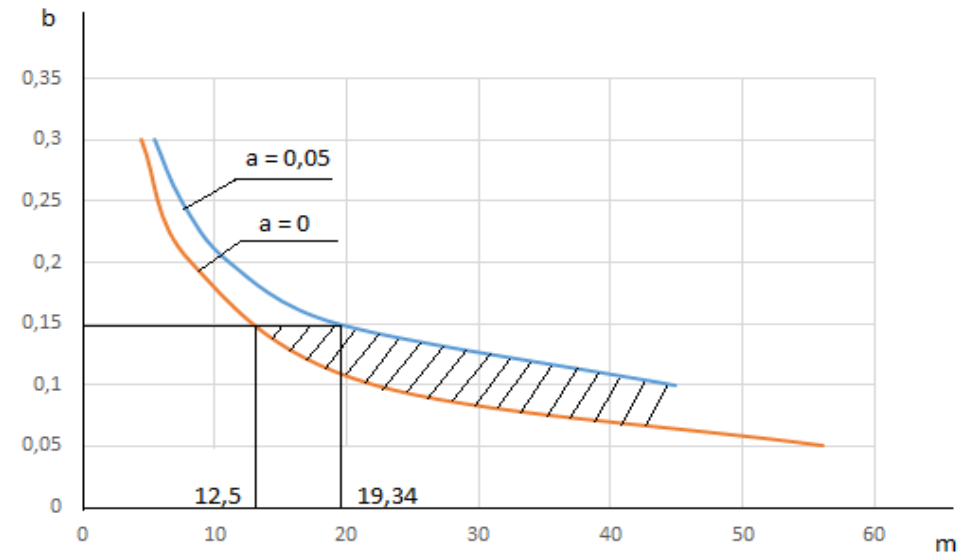

Рис. 1. Область существования безналоговой экономики
в условиях отсутствия инфляции

Далее рассмотрим сценарий с инфляцией. Для нас важен случай переизбытка денег, в котором инфляция определяется через индекс потребительских цен и рассчитывается для каждой группы n продукта по стандартному соотношению

$$I = \frac{\sum_{i_1=1}^{n} Q_{i_1}(t_0) P_{i_1}(t)}{\sum_{i_1=1}^{n} Q_{i_1}(t_0) P_{i_1}(t_0)} 100\ \%\ , \qquad (8)$$

где $Q_{i_1}(t_0)$ – объем выпуска продукта типа i_1 базисного периода в момент времени t_0;

$P_{i_1}(t_0)$ – стоимость единицы продукта типа i_1 базисного периода в момент времени t_0;

$P_{i_1}(t)$ – стоимость единицы продукта типа i_1 текущего периода в момент времени t.

Для проведения оценок, выраженных в параметрах макроэкономики, используем соотношение (3). При инфляции это соотношение нарушается таким образом, что темп роста денежной массы будет превышать темп увеличения товарной массы, характерный для базового года.

Примем уровень превышения денежной массы над товарной за s, тогда в наших обозначениях $I = s \cdot 100\ \%$.

Допустим, инфляция начинается с первого года после базового, тогда условие (3) для случая появления инфляции примет вид:

$$[X_{20} + d_1 \cdot X_{40} (1+ a)] \cdot V / H_o (1+ b) = (1 + s). \quad (9)$$

Проведя преобразования, аналогичные для выражений (3)–(7), получим параметр dm для процесса с инфляцией:

$$d_{mu} = h (1+ b)^{m-1} [(1+ b) (1 + s) – 1] / (1+ a)^{m}. \quad (10)$$

При $s = 0$ данное уравнение приобретает вид соотношения (7).

Ряд авторов считает допустимой в экономических и социальных отношениях инфляцию порядка 4 %, значение которой мы используем для наших оценок.

Определим время выхода на полное замещение налогов эмиссией денег для обеспечения бюджета для $s = 0{,}04$; $b = 0{,}15$ и $a = 0{,}05$. Решая уравнение (10) для $d_{mu} = 1$, получим $m = 16{,}4$. Время выхода на полное замещение составит примерно 17 лет.

На рис. 2 показана область существования безналоговой экономики для $s = 0{,}04$ и $a = 0 – 0{,}05$. После достижения срока полного замещения темп роста экономики также может снижаться.

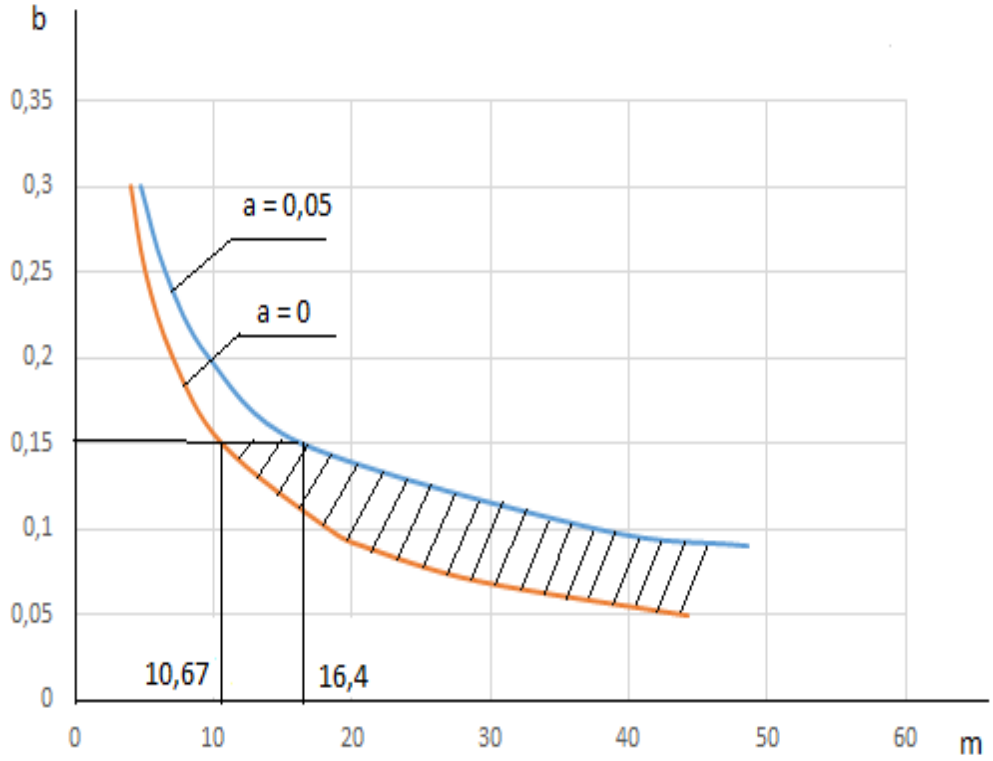

Рис. 2. Область существования безналоговой экономики с величиной контролируемой инфляции $s = 0{,}04$

Срок полного перехода к безналоговой экономике существенно зависит от $h = X_{20} / X_{40}$ – отношения денежной массы к величине бюджета. Из уравнения (10) для $d_{mu} = 1$ можно выразить h:

$$h = (1+ a)^{m} / (1+ b)^{m-1} [(1+ b)(1 + s) - 1]. \quad (11)$$

Построим два графика этой величины для обычно выбираемых нами значений a, b и s. Первый для $s = 0{,}04$; $a = 0{,}05$ и $b = 0{,}15$, а второй для $s = 0$; $a = 0{,}05$ и $b = 0{,}15$.

Как видно из графика на рис. 3, рассматриваемый срок может существенно уменьшиться и составить при $h = 2$ примерно 12 лет, в отличие от 17 лет для $h = 1{,}32$, принятого в расчете.

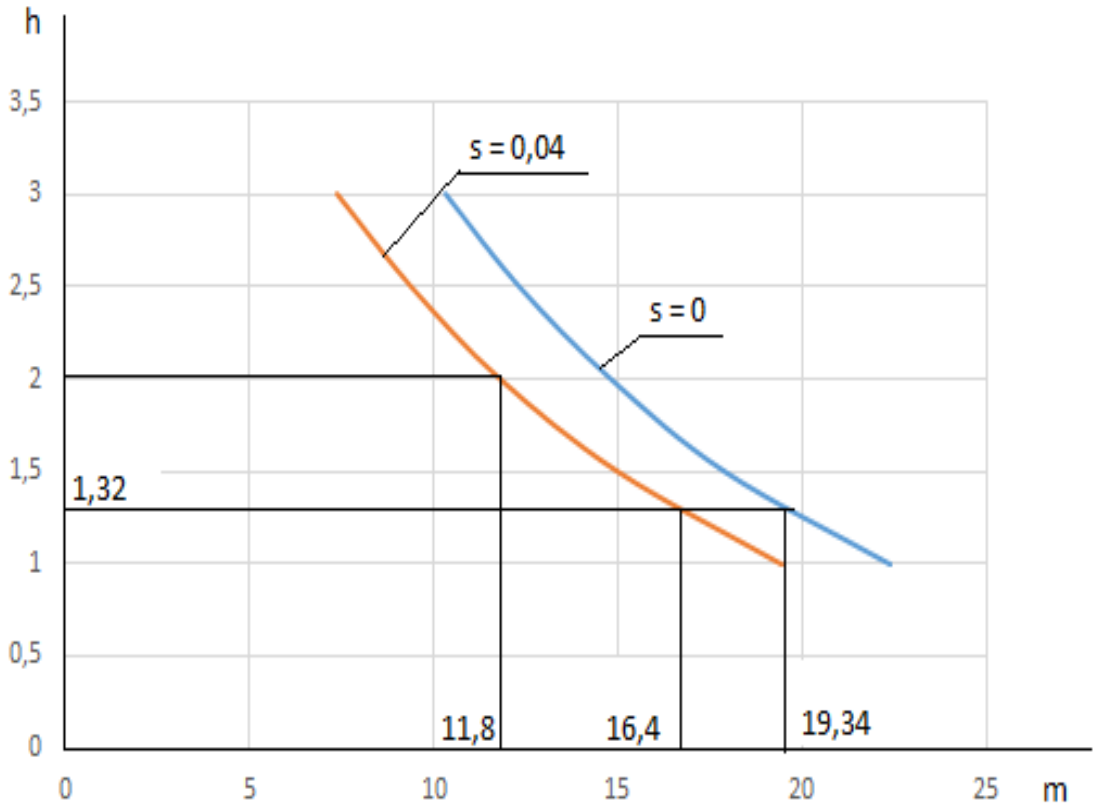

Рис. 3. График зависимости срока перехода к безналоговой экономике от отношения денежной массы к величине бюджета в базовом году

Так как предполагается, что модель безналоговой экономики должна быть приемлема для любого этапа развития, в том числе и для состояния насыщения товарами и услугами, которое возникает после достаточно длительного развития с интенсивным ростом, проведем оценку области существования такой экономики при соблюдении социальных принципов ее функционирования. Для получения представления о том, какой может быть величина инфляции при рассогласовании в этом случае темпов роста экономики с темпами роста денежной массы, рассмотрим некоторый сценарий ее развития.

На рис. 2 видно, что при a = 0,05 примерно к 38-му году, считая от базового, допустимые темпы роста экономики могут снизиться до b = 0,1. Предположим, что с 39-го года начнется процесс постепенного насыщения экономики, который продлится 12 лет до 50-го года, а темпы роста экономики снизятся до b = 0,04 и стабилизируются на этом уровне. Годовой темп снижения составит b_c = 0,005 (0,5 % в год).

При таком сценарии начиная с 39-го года к допустимому уровню инфляции s = 0,04 будет добавляться некоторая величина, вызванная «ускоренным» падением темпа роста экономики, способствующим превышению денежной массы над товарной. Фактически это превышение равно агрегированной стоимости недовыпущенных товаров. Ее величина в первый год рассматриваемого снижения темпа роста экономики составит

$$\Delta H_{39} = H_{39} \cdot b_c, \tag{12}$$

где ΔH_{39} – стоимость недовыпущенных товаров в 39-м году;

H_{39} – агрегированная стоимость товаров в 39-м году, соответствующая денежной массе.

Дополнительная инфляция в 39-м году будет иметь следующее значение:

$$s_{39} = \Delta H_{39} / H_{39} = b_c. \tag{13}$$

Как и в случае с допустимой инфляцией, бюджет следующего года нужно увеличить с учетом дополнительной инфляции s_{39}.

Дополнительная инфляция 40-го года будет формироваться тремя величинами:

$$s_{40} = (\Delta H_{39} + \Delta H_{40} + \Delta X_{4(40)}) / H_{40}, \tag{14}$$

где ΔH_{40} – стоимость недовыпущенных товаров в 40-м году;

$\Delta X_{4(40)}$ – индексация бюджета на величину дополнительной инфляции в 40-м году.

Проведем оценку третьей составляющей в выражении (14):

$$\Delta X_{4(40)} / H_{40} = X_{4(0)} (1 + a)^{40} (1 + s)^{40} \cdot s_{39} / H_0 (1 + b)^{40} (1 + s)^{40}. \tag{15}$$

Учитывая, что $s_{39} = b_c$, получим $\Delta X_{4(40)} / H_{40}$ = 0,0003 (0,03 %), т.е. вкладом этой величины при проведении приближенных оценок можно пренебречь. В последующие годы значение величины будет расти, но она также не будет оказывать существенного влияния на проводимые оценки.

После преобразования упрощенного выражения (14) с использованием параметров базового года получим

$$s_{40} = b_c [1 + 1 / (1 + b)(1 + s)]. \tag{16}$$

В интересующем нас 50-м году выражение для дополнительной инфляции примет вид

$$s_{50} = b_c\,[1 + 1 / (1 + b)\,(1 + s) + \ldots + 1 / (1 + b)^{11}\,(1 + s)^{11}]. \qquad (17)$$

После подстановки значений величин получим: s_{50} = 0,027 (2,7 %).

Таким образом, дополнительная инфляция за 12 лет увеличится от 0,5 до 2,7 %, т.е. при выходе на режим насыщенной экономики ситуация через некоторое время стабилизируется с небольшим повышением инфляции.

Выполненные количественные оценки основаны на принципе сбалансированности денежной и товарной масс и коррелирующих с ним темпах роста экономики, бюджета и контролируемой инфляции.

МАТЕМАТИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ ЭКОНОМИКИ

Ниже представлена развернутая математическая модель экономики как в налоговом, так и в безналоговом вариантах, позволяющая в режиме краевой задачи заниматься ее управлением и проектированием, а в режиме решения задачи Коши формировать прогнозы развития по данным реальной статистики.

Математическая часть модели является нелинейной и основывается на формализме Вольтерры [2, с. 21; 111], описывающем процессы рождения и гибели (модель «хищник – жертва»), аналогами которых являются производство и потребление и обслуживающие их товарно-денежные отношения.

Содержательная часть модели опирается на разработанную блок-схему денежно-финансовых потоков между агентами секторов экономики (рис. 4). В различных материалах в зависимости от поставленных целей группирование экономических агентов по секторам несколько отличается друг от друга [9, с. 8; 6, с. 23]. Для целей нашего анализа принято группирование по следующим секторам: производственный, домохозяйств, финансовые коммерческий и государственный, внешний.

Коммерческий финансовый сектор представлен двумя условными укрупненными единицами: коммерческими банками и консолидированной биржей, под которой понимается вся совокупность операций с ценными бумагами и валютами, проводимых на разных видах бирж. Государственный финансовый сектор в модели имеет два подсектора: министерство финансов с федеральным казначейством и центральный банк. Предложенное деление на указанные сектора и подсектора позволяет, по нашему мнению, учесть специфику влияния каждого из них на состояние денежно-финансового обращения.

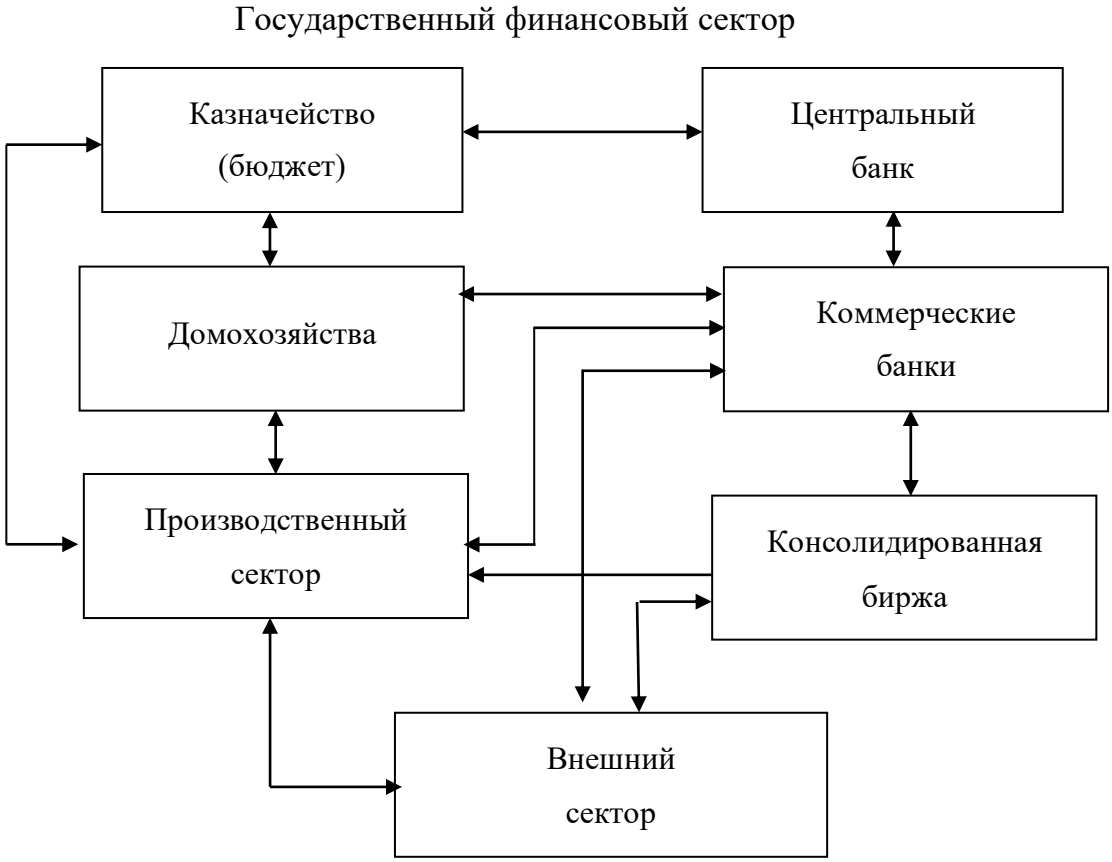

Рис. 4. Блок-схема модели денежно-финансового обращения в экономике

Чтобы получить возможность использовать имеющийся статистический материал для калибровки модели и проведения прогнозов, выбираемые для анализа виды экономических параметров были приняты соответствующими параметрам, используемым в официальных статистических данных, сбором которых в нашей стране в основном занимаются три ведомства: Министерство финансов с Федеральным казначейством, Федеральная служба государственной статистики и Центральный банк. Формируемые ими материалы соответствуют международным стандартам и методикам, выпускаемым ООН, Международным валютным фондом и Всемирным банком. Основой используемых нами статистических данных является Система национальных счетов [8].

Рассмотрим более подробно математическую часть модели.

Выбранный математический формализм позволяет описать нелинейные процессы в неравновесной, развивающейся динамической системе, какой является финансово-экономическая сфера, и определить способы ее регуляции. Модель носит адаптивный характер и отображает конкретную иерархическую, фрактальную структуру производства, потребления, кредитных и денежных отношений. Предлагаемая модель является открытой системой, так как позволяет осуществлять мониторинг ситуации в экономике на основе сбора статистики, прогноза динамики различных проектов и отраслей производства и потребления на коротких, средних и длинных интервалах времени и, соответственно, идентификацию значений параметров данной модели. Таким

образом, в соответствующей иерархической, фрактальной системе имитационного моделирования возможно ее сопряжение с другими моделями.

В качестве факторов, влияющих на денежно-финансовое обращение, взято изменение следующих параметров: выпускаемого продукта, денежной массы; бюджетных средств, формируемых налогами или эмиссией, и потребителей продукта.

Изменение данных параметров взаимозависимо между собой и представлено в системе дифференциальных уравнений, реализующих данную модель в задаче Коши:

$$\dot{x}_{1i_1} = u_{1i_1}x_{1i_1} + u_{12i_1i_2}x_{1i_1}x_{2i_2} + u_{13i_1i_3}x_{1i_1}x_{3i_3} + u_{123i_1i_2i_3}x_{1i_1}x_{2i_2}x_{3i_3} - \\ - u_{134i_1i_3i_4}x_{1i_1}x_{3i_3}x_{4i_4} + u_{11i_1i_1}x_{1i_1}{}^2 + \sum_{j_1\ldots j_m} u_{1j_1\ldots j_m}x_{1j_1\ldots}\, x_{1j_m}\,; \tag{18}$$

$$\dot{x}_{2i_2} = u_{2i_2}x_{2i_2} + u_{12i_1i_2}x_{1i_1}x_{2i_2} + u_{24i_2i_4}x_{2i_2}x_{4i_4} + \sum_{i_2\neq j_2} u_{2i_2j_2}x_{2i_2} \tag{19}$$

$$\dot{x}_{3i_3} = \left(u^g_{3i_3} - u^m_{3i_3}\right)x_{3i_3} + u_{123i_1i_2i_3}x_{1i_1}x_{2i_2}x_{3i_3} + u_{134i_1i_3i_4}x_{1i_1}x_{3i_3}x_{4i_4}\,; \tag{20}$$

$$\dot{x}_{4i_4} = u_{4i_4}x_{4i_4} + u_{24i_2i_4}x_{2i_2}x_{4i_4}x_{1i_1}x_{3i_3}x_{4i_4}\,. \tag{21}$$

Начальное условие: $t = t_0 \geq 0$, $x_i(t_0) = x_{i0}$.

Для краевой задачи добавляется условие: $t = t_1 > 0$, $x_i(t_1) = x_{i1}$.

Здесь $x = (x_1, x_2, x_3, x_4)$, x_1, x_2, x_3, x_4 – искомые дифференцируемые вектор-функции в области R^n, определенные на интервале $(0,t)$, где t – время, n – количество типов продукта, x_1 – выпуск продукта в стоимостном выражении, x_2 – денежная масса, x_3 – количество потребителей продукта, x_4 – бюджетные средства (все показатели измеряются в единицу времени):

$$x_1 = \left(x_{11}, \ldots, x_{1i_1}, \ldots, x_{1n}\right), \qquad j_m, \qquad i_1 = 1, \ldots, n; \quad 1 \leq m \leq n; \quad x_{1i_1} \neq 0;$$
$$x_k = \left(x_{k1}, \ldots, x_{ki_k}, 0, \ldots, 0\right), \text{ где } k = 2, 3, 4; \quad 1 \leq i_k < n; \quad x_{ki_k} \neq 0.$$

При этом $x_{1i_1} = P_{i_1}(t)Q_{i_1}(\mathrm{t})$, где $P_{i_1}(t)$ – цена (в рублях) единицы продукта типа i_1 в момент времени t, $Q_{i_1}(t)$ – объем выпуска, т.е. количество единиц продукта типа i_1, выпускаемое в единицу времени в момент времени t, $t \in (t_0, t_1)$.

Далее рассмотрим u_1, u_2, u^g_3, u^m_3, u_{12}, u_{13}, u_{24}, u_{123}, u_{134} – вектор-функции управления (производством – потреблением, размножением (g) – гибелью (m), денежной массой, бюджетными средствами) в R^n, определенные на $(0, t)$. При этом компоненты вектор-функции u_{134} неотрицательные, компоненты остальных вектор-функций могут иметь любые знаки.

Все искомые функции, переменные и параметры в системе (18)–(21) и далее при преобразовании в вычислительную схему делаются безразмерными (нормированными) с введением масштабного коэффициента, равного 100.

Правые части уравнений (18)–(21) представляют собой линейные комбинации – одночленов первой, второй или третьей степени (мономов), что

делает их существенно более нелинейными по сравнению с системой Вольтерры. Предлагаемая модель допускает степени (нелинейности) мономов $n \geq 3$. Степень n монома равна количеству взаимодействующих индивидуумов (здесь – финансовых и экономических факторов (показателей)). Результат этого взаимодействия является мультипликативным. Он выражается через произведение значений данных показателей, как и в концепции В. Вольтерры. Так как данная модель является экспоненциальной, то, например, в правой части уравнения (18) возникает, в частности, произведение коэффициента прироста (размножения или гибели) показателя x_{1i_1} на значение x_{1i_1}. Данный коэффициент зависит, в частности, от взаимодействующего с x_{1i_1} показателя x_{2i_2} в нелинейном мономе $u_{123i_1i_2i_3}x_{1i_1}x_{2i_2}x_{3i_3}$ в уравнении (18). В свою очередь, коэффициент прироста (размножения или гибели) показателя x_{2i_2} зависит, в частности, от показателя x_{3i_3} (и так далее, индукция по k = 1, 2, 3…). В силу экспоненциальной модели такая зависимость (по индукции) должна быть прямо пропорциональна величине каждого показателя (фактора). Общий коэффициент пропорциональности равен произведению этих n коэффициентов и определяется как соответствующая функция управления $u_{123i_1i_2i_3}$, зависящая от времени. В модели осуществляются прогноз и идентификация значений этих функций управления по данным мониторинга реальных значений финансово-экономических показателей (факторов).

Многочлен в правой части уравнения (19) описывает денежно-финансовые потоки между агентами экономики: эмиссию и потребление денежной массы и других ликвидных активов (акций, облигаций) в соответствии со структурой и объемом бюджета и связей центрального банка, коммерческих банков и консолидированной биржи с производителями продукта. В задаче Коши объем бюджета планируется на предстоящий период. Многочлен уравнения (18) соответствует блок-схеме на рис. 4, где число финансово-экономических агентов и, соответственно, финансово-экономических потоков равно 7. Под финансово-денежным потоком понимается величина массы денег и долговых обязательств, приходящих к субъекту или уходящих от него. В уравнении (18) i_2, j_2 = 1, 2, …7 – индексы финансово-денежных потоков x_{2i_2}, x_{2j_2}от субъектов i_2, j_2 и (или) к субъектам i_2, j_2 экономики, $u_{2i_2}, u_{2i_2j_2}$ – функции управления.

Для варианта использования математической модели в режиме краевой задачи, позволяющем заниматься управлением и проектированием экономических процессов, сформулируем задачу оптимального управления системой (18)–(21) в соответствии с принципом максимума Понтрягина [1, с. 49]: максимизировать целевой функционал J, равный приросту выпуска (выпуску) продукта (i_1-го типа), зависящий от начального x_0 и конечного x_1 состояний, начального t_0 и конечного t_1 моментов времени:

$$-J = F_0(t_0, x_0, t_1, x_1) \rightarrow min, \qquad (22)$$

при ограничениях типа неравенств и равенств:

$$I(t_0, x_0, t_1, x_1) \le I_0(t_0, x_0, t_1, x_1),\ \ C(t_0, x_0, t_1, x_1) \le C_0(t_0, x_0, t_1, x_1), \qquad (23)$$

которым должна удовлетворять траектория $(x(t),\ u(t)\big|\ t \in (t_0,\ t_1)$ управляемой системы $\dot{x} = f(t, x, u)$; $f, f_t, f_x -$ определены и непрерывны на (t_0, t_1).

Здесь J зависит от изменения инфляции I и стоимости C за данный период времени $(t_0,\ t_1)$; I_0, C_0 – допустимый уровень инфляции и стоимости за этот же период соответственно; J, I, I_0, C, C_0 – функции класса $C(t_0,\ t_1)$; $x = x(t)$ – искомая вектор-функция, определена в (18)–(21); $u = u(t)$ – функция управления, также определена в (18)–(21).

Индекс потребительских цен (потребительской (монетарной) инфляции) и индекс промышленной инфляции (инфляции издержек – себестоимости) рассчитываются для каждой группы n товаров по стандартному соотношению (8).

Изменение инфляции равно:

$$\delta I = \frac{I_k - I_{k-1}}{I_k} 100\ \%,\ \ I_k \ge I_{k-1}; \qquad (24)$$

$$\delta I = \frac{I_k - I_{k-1}}{I_{k-1}} 100\ \%,\ \ I_k \le I_{k-1}. \qquad (25)$$

Здесь $k = 1, 2, \ldots$ – номер периода (текущего или базисного).

ТЕСТИРОВАНИЕ МОДЕЛИ

Используя универсальность полученной модели, проведем тестирование динамической системы (18)–(21) для варианта макроэкономики на статистических данных табл. 1. В качестве параметров системы взяты агрегированный продукт, т.е. ВВП, и, соответственно, агрегированный потребитель, доходы бюджета и масса денег в экономике. Тогда система (18)–(21) для вектора переменных $x = (x_1, x_2, x_3, x_4)$ примет вид:

$$\dot{x}_1 = u_1 x_1 + u_{12} x_1 x_2 + u_{13} x_1 x_3 + u_{123} x_1 x_2 x_3 - u_{134} x_1 x_3 x_4 + u_{11} {x_1}^2; \qquad (26)$$

$$\dot{x}_2 = u_2 x_2 + u_{12} x_1 x_2 + u_{24} x_2 x_4\ ; \qquad (27)$$

$$\dot{x}_3 = \left(\mathrm{u}_3^{\mathrm{g}} - \mathrm{u}_3^{\mathrm{m}}\right) \mathrm{x}_3 + \mathrm{u}_{123} \mathrm{x}_1 \mathrm{x}_2 \mathrm{x}_3 + \mathrm{u}_{134} \mathrm{x}_1 \mathrm{x}_3 \mathrm{x}_4; \qquad (28)$$

$$\dot{x}_4 = u_4 x_4 + u_{24 i_2} x_2 x_4 + u_{134} x_1 x_3 x_4. \qquad (29)$$

Аналогично начальным и краевым условиям для системы (18)–(21) имеем:

начальное условие: $t = t_0 \ge 0$, $x_i(t_0) = x_{i0}$;

добавочное условие для краевой задачи: $t = t_1 > 0$, $x_i\ (t_{1m}) = x_{i1}$.

Здесь $m = 1, 2, \ldots$ – номер года, в начале t_0 которого решается задача Коши – задача прогноза значений x_i на конец t_{1m} этого же года. Соответственно, на интервале (t_{0m}, t_{1m}) решается краевая задача.

Решим обратную задачу идентификации параметров системы (26)–(29) – вектор функции управления u для заданных параметров этой динамической системы.

Используя в качестве исходных (начальных) данных для модели реальную статистику (табл. 1) по искомым функциям (интегралам) x_1, x_2, x_3, x_4 системы (26)–(29), получим систему алгебраических уравнений для определения параметров состояния – функций управления u_1, u_2, u_3, u_4 системы (26)–(29) для

начала каждого года. Подставив найденные значения функций управления в систему (26)–(29), имеем задачу Коши – задачу прогноза на конец этого года, согласно вышесказанному. Затем опять решаем обратную задачу (согласно данным табл. 1) и т.д.

Анализ данных табл. 1 и соответствующих им графиков на рис. 5 показывает, что зависимость реальных (real) показателей ВВП (X_1), денежной массы (X_2), численности потребителей (X_3), доходов бюджета (X_4), индекса потребительских цен (инфляции) I от времени имеет нелинейный характер. При этом значения показателей X_1, X_2, X_4 монотонно возрастают, а значения показателей X_3 и I образуют немонотонную последовательность.

По результатам расчетов (табл. 2 и графики на рис. 5) по модели (18)–(21) для налоговой экономики видно, что относительная ошибка в оценке ВВП и массы денег не превышает 0,2 (20 %), численности населения – 0,15 (15 %), в оценке доходов бюджета – 0,3 (30 %) при прогнозе на интервале от 1 года до 6 лет (в период с 2009 по 2014 гг.).

Результаты расчетов по модели (18)–(21) для безналоговой экономики (2008–2013 гг.) представлены в табл. 3 и на графиках рис. 5. Из них видно, что при отсутствии налогов на производителей и формировании доходов бюджета за счет денежной эмиссии в ранее рассмотренных условиях можно обеспечить значительный подъем ВВП.

Предлагаемая модель адекватно описывает эти процессы. Рост численности населения в модели в период с 2011 по 2013 гг. объясняется реакцией с запаздыванием на управляющее воздействие, суть которого заключается в денежной эмиссии, благодаря чему наполняется бюджет, и снятии налоговой нагрузки.

Таблица 1

Статистические данные налоговой экономики РФ для модели

Год	ВВП (X_1), трлн руб.	Масса денег (X_2), трлн руб.	Численность потребителей (X_3), млн чел.	Доходы бюджета (X_4), трлн руб.	Индекс потребительских цен, %
2005	21,6	4,9	143,5	8,6	112,7
2006	26,9	6,9	142,8	10,6	109,7
2007	33,2	10,5	142,2	13,4	109,0
2008	41,3	13,3	142,0	16,0	114,1
2009	38,8	12,6	141,9	13,6	111,7
2010	46,3	16,8	142,9	16,0	106,9
2011	56,0	20,0	142,9	20,9	106,6
2012	62,2	24,5	143,1	23,4	106,6
2013	66,2	27,4	143,3	24,4	106,5
2014	71,0	31,4	143,7	26,8	111,4

Таблица 2

Данные модели налоговой экономики РФ (mod 1)

Год	X_1		X_2		X_3		X_4	
	mod 1	real	mod 1	real	mod 1	real	mod 1	real
2005	0,216	0,216	0,049	0,049	0,1435	0,1435	0,0860	0,086
2006	0,269	0,269	0,069	0,069	0,1428	0,1428	0,1060	0,106
2007	0,343	0,332	0,109	0,105	0,1422	0,1422	0,1310	0,134
2008	0,413	0,413	0,133	0,133	0,1420	0,1420	0,1617	0,160
2009	0,429	0,388	0,147	0,126	0,1419	0,1419	0,1638	0,136
2010	0,450	0,463	0,164	0,168	0,1435	0,1429	0,1676	0,160
2011	0,471	0,560	0,184	0,200	0,1475	0,1429	0,1716	0,209
2012	0,497	0,622	0,210	0,245	0,1543	0,1431	0,1760	0,234
2013	0,530	0,662	0,240	0,274	0,1655	0,1433	0,1802	0,244
2014	0,572	0,710	0,280	0,314	0,1800	0,1437	0,1845	0,268

Таблица 3

Данные модели безналоговой экономики РФ (mod 2)

Год	X_1		X_2	X_4(Dx2)	X_2	X_3	
	mod 2	real	mod 2	mod 2	real	mod 2	real
2008	0,413	0,413	0,239	0,160	0,133	0,1421	0,1420
2009	0,443	0,388	0,399	0,164	0,126	0,1419	0,1419
2010	0,498	0,463	0,563	0,168	0,168	0,1429	0,1429
2011	0,586	0,560	0,731	0,173	0,200	0,1514	0,1429
2012	0,725	0,622	0,904	0,178	0,245	0,1719	0,1431
2013	0,957	0,662	1,000	–	0,274	0,2149	0,1433
2014	–	0,710	–	–	0,314	–	0,1437

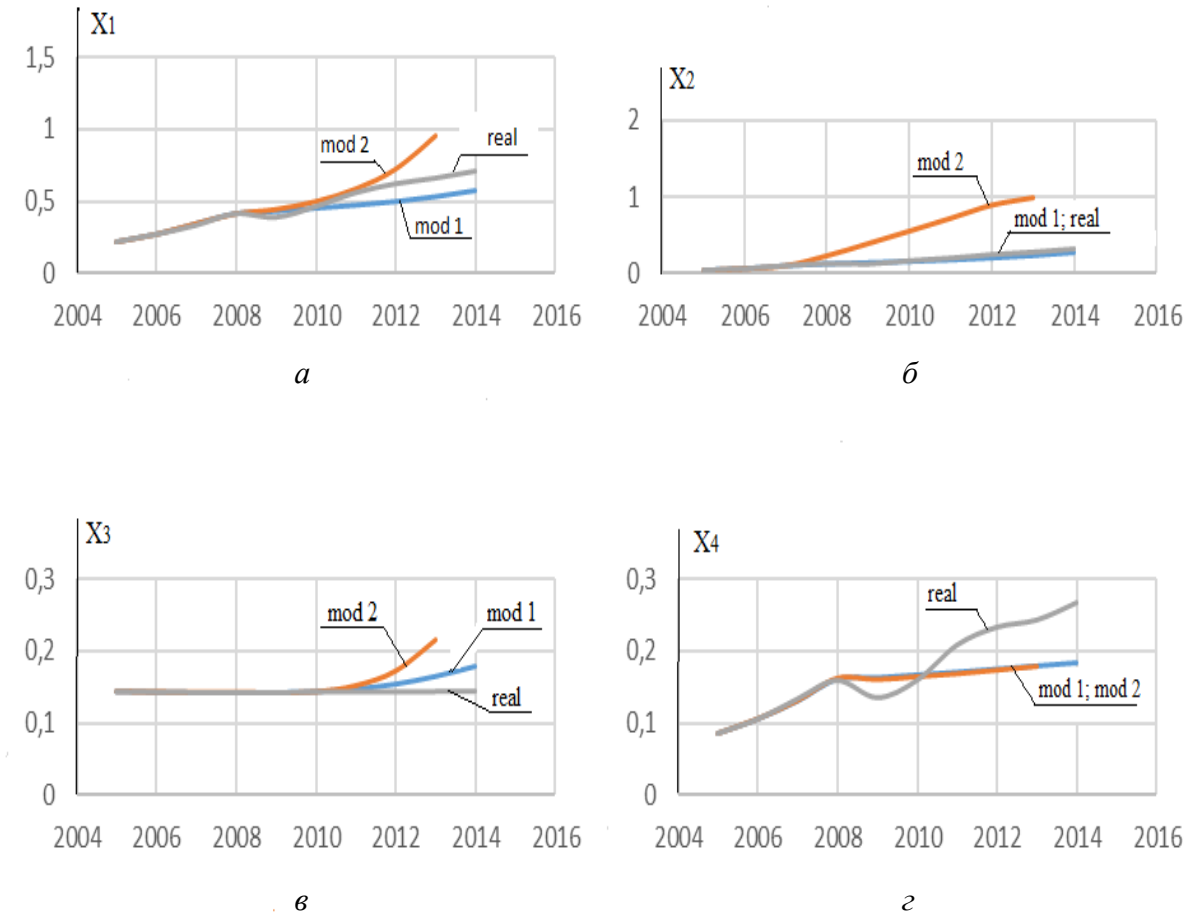

Рис. 5. Графики изменения параметров макроэкономики по годам:
а – ВВП X_1; *б* – денежной массы в экономике X_2;
в – потребителей продукции X_3; *г* – бюджетных средств X_4

Анализ фазовых портретов системы (18)–(21) – графиков в координатах (Xi, Xj), $i, j = 1, 2, 3, 4$, некоторые из которых представлены на рис. 6, показывает как для моделей mod 1 и mod 2, так и для реальной статистики, что рассмотренная система налоговой и безналоговой экономик является неустойчивой, поскольку отсутствуют предельные циклы.

В дальнейшем предполагается рассмотреть задачу оптимального управления переходом системы (18)–(21) в устойчивое (по Ляпунову) состояние типа аттрактора (предельного цикла).

Решение этой задачи моделирует переход к безналоговой экономике в условиях денежной эмиссии и ограничений на инфляцию.

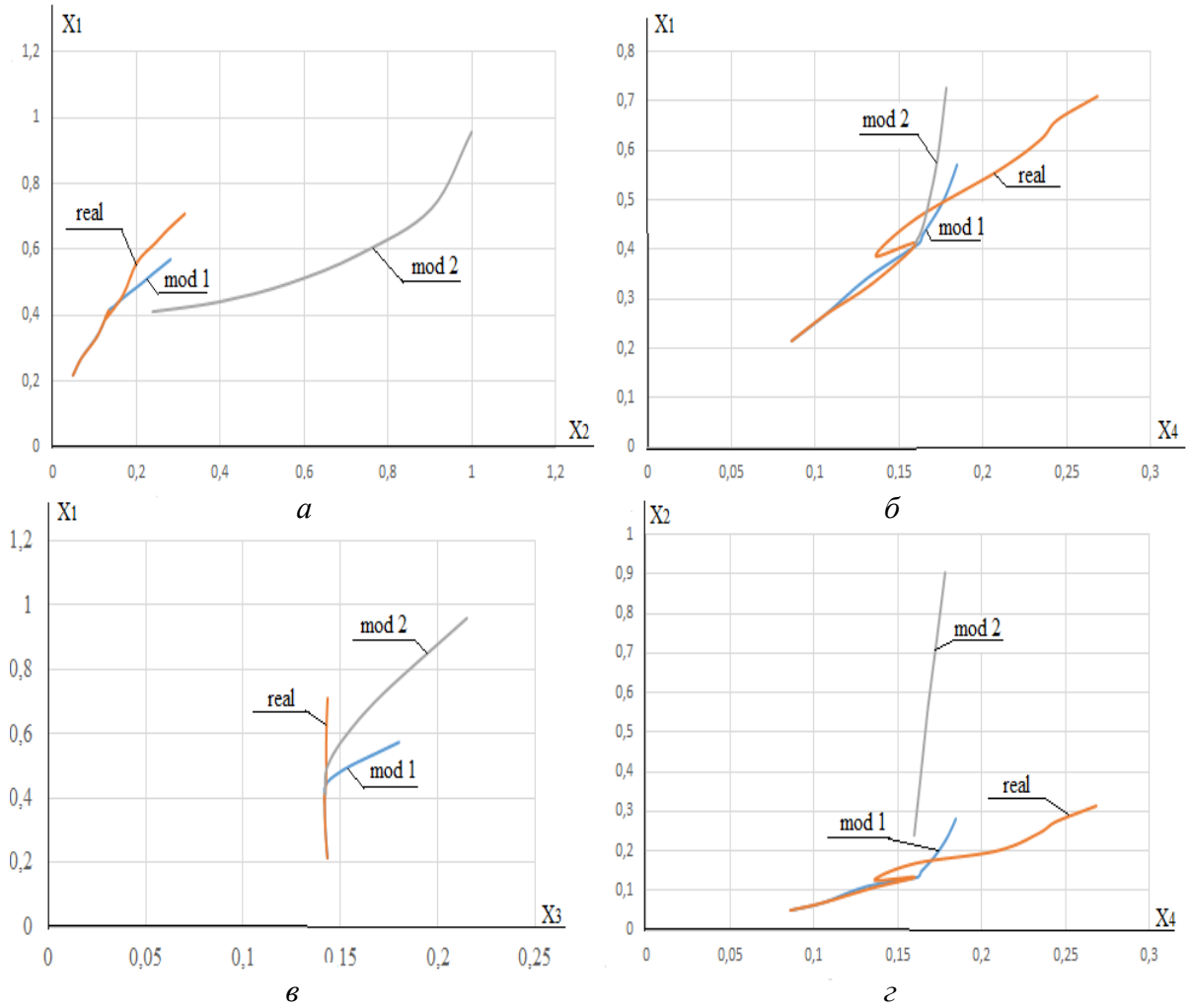

Рис. 6. Попарные фазовые портреты параметров макроэкономики:
а – ВВП (X_1) и денежной массы (X_2);
б – ВВП (X_1) и бюджетных средств (X_4);
в – ВВП (X_1) и численности потребителей (X_3);
г – денежной массы (X_2) и бюджетных средств (X_4)

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В статье обоснована теоретическая возможность построения безналоговой экономики за счет эмиссии денежных средств для формирования доходов бюджета. Современные информационно-цифровые технологии способны обеспечить требуемое направление финансовых потоков и контроль над инфляцией. Предлагаемые решения являются логическим развитием использования возможностей фиатных денег, показавших свою эффективность в явлениях экономического «чуда», опирающихся на эмиссионные кредиты.

Безналоговая экономика позволяет существенно упростить процессы формирования бюджета и управления экономикой за счет сокращения налоговых органов, ликвидировать теневую экономику и легализовать самозанятость, уменьшить коррупцию и упразднить налоговые преступления, а

также повысить конкурентоспособность продукции за счет уменьшения себестоимости при исключении из нее налогов.

Принцип налогообложения, исторически сложившийся в условиях натурального хозяйства, при появлении денежного обращения утратил свою естественность, так как государству приходится сначала выпускать деньги и в виде налогов включать их в цену продукции, а затем собирать их обратно с большими издержками.

Определены необходимые условия существования безналоговой экономики – это наличие расширенного воспроизводства и соответствия темпа роста денежной массы приросту воспроизводимых благ. Кроме того, из-за отсутствия саморегуляции некоторых экономических процессов должны быть проведены регулирующие и нормативные мероприятия для контроля уровней инфляции и доходов домохозяйств.

На основании модификации уравнения обмена Фишера получены зависимости между темпами роста безналоговой экономики и бюджета, связанные с условием контролируемости инфляции (на уровне до 4 %), а также определены допустимые темпы наращивания эмиссии для наполнения бюджета и сроки перехода к полному замещению налогов (от 10 до 20 лет).

Дополнительно показано, что на снижение сроков перехода к безналоговой экономике существенно влияет начальное отношение денежной массы к величине бюджета.

Построены области существования безналоговой экономики без инфляции и с ее контролем. Проведенные оценки показали приемлемость эмиссии как для интенсивно растущих экономик, так и для экономик с замедленным темпом развития при их насыщенности товарами.

Разработана универсальная математическая модель, описывающая налоговую и безналоговую экономики и предназначенная для проектирования экономики в режиме решения краевой задачи и прогнозирования ее развития с использованием реальной статистики в режиме решения задачи Коши. Модель представляет собой систему нелинейных дифференциальных уравнений на основе формализма Вольтерры, обобщенного на область нелинейности $n \geq 3$, и описывает взаимоувязанное изменение производимого продукта, финансово-денежных потоков, бюджетных средств и потребителей. Система является открытой и может быть дополнена другими параметрами.

Если приближенные количественные оценки с использованием модифицированного уравнения обмена Фишера были проведены при ряде допущений, то данная модель, носящая адаптивный характер, позволяет описывать нелинейные процессы в неравновесной, развивающейся динамической системе – реальной экономике.

Осуществлено тестирование модели на реальной статистике России за 2005–2014 гг. с использованием агрегированных макропоказателей: валового внутреннего продукта, денежной массы, бюджетных средств и агрегированного потребителя. Для получения коэффициентов уравнений использовались данные первых трех лет, прогноз распространялся на 6 лет (с 2009 г. по 2013 г.). В режиме безналоговой экономики результаты расчетов параметров модели показывают существенный рост ВВП. Прогнозные значения адекватно отражают

тенденции процессов в экономике с ошибкой 15–30 %. Точность может быть увеличена за счет дифференциации параметров и увеличения их количества.

Проведена оценка устойчивости налоговой и безналоговой экономик путем анализа попарных фазовых портретов макроэкономических параметров. Отсутствие предельных циклов указывает на неустойчивость процессов, не имеющих внутренней саморегуляции, и необходимость проведения регулятивных и нормативных мероприятий.

Таким образом, проведенный анализ финансово-денежных процессов и выполненные на математических моделях расчеты подтверждают возможность и целесообразность перевода экономики в безналоговый режим с использованием эмиссии для формирования бюджета.

Библиографический список

1. Арутюнов А.В. Принцип максимума Понтрягина. Доказательство и приложения. М.: Факториал Пресс, 2006. 142 с.
2. Вольтерра В. Математическая теория борьбы за существование. М.: Наука, 1976. 288 с.
3. Глазьев С.Ю. О неотложных мерах по укреплению экономической безопасности России и выводу российской экономики на траекторию опережающего развития // Экономика будущего. Есть ли у России шанс? («Коллекция Изборского клуба»). М.: Книжный мир, 2016. С. 339–456.
4. История Японии: 1868–1998. Т. 2 / В.Н. Еремин [и др.]; отв. ред. А.Е. Жуков. М.: Ин-т востоковедения РАН, 1998. 703 с.
5. Львов Д.С. Перспективы долгосрочного социально-экономического развития России // Вестник Российской академии наук. 2003. Т. 73. № 8. С. 675–697.
6. Макаров В.Л., Бахтизин А.Р., Бахтизина Н.В. CGE-модель социально-экономической системы России со встроенными нейронными сетями. М.: ЦЭМИ РАН, 2005. 152 с.
7. Налоговая система Дубая. URL: http://dubai-taxes.com/ru/nalogovaya-sistema-dubaya (дата обращения: 02.09.2017).
8. Национальные счета России в 2007–2014 годах: статистический сборник. М.: Росстат, 2015. 303 с.
9. Руководство по статистике государственных финансов 2001 года. Вашингтон: Международный валютный фонд, 2001. 23 с.
10. Статистический бюллетень Банка России. 2014. № 2 (259). 310 с.
11. Шиллер Р. Финансы и хорошее общество. М.: Институт Гайдара, 2014. 504 с.
12. Werner R.A. Princes of the Yen: Japan’s Central Bankers end the Transformation of the Economy. New York, USA: M.E. Sharpe, 2003. 362 p.

THE REGION OF EXISTENCE AND MATHEMATICAL MODEL TAX-FREE ECONOMY

A.L. Karabachinskiy[*], G.N. Mezentsev[**], S.I. Tseluyko[***]

*M.V. Lomonosov Moscow State University, Moscow
**International Slavic Academy, Moscow
***IPO «Russian Peace», Moscow

The article raises the theoretical problem of determining the possible sustainable functioning of the economy in the emission formation of budget revenues in compliance with the conditions of the absence of inflation or its availability within controlled limits. Describes the historical conditionality of occurrence of the tax economy, the interaction between the processes of circulation of money and commodity masses, but also the inefficiency of the tax system in the conditions of monetary circulation. The possibility of an evolutionary transition to the tax-exempt economy in the regime of controlled inflation for developed countries economies. On the basis of the modified equation of exchange Fisher performed a quantitative assessment of the timing of this transition. The possibility is shown of the emission budget for both developing and developed economies. Developed and tested on real economic statistics phenomenological nonlinear mathematical model of macroeconomics that allow forecasting and planning of economic processes. This model with some modification is used to describe the functioning of tax-free economy.

Keywords: *tax and tax-free economy, the growth rate of the budget and the economy, money printing, inflation, model of Volterra.*

Об авторах:

КАРАБАЧИНСКИЙ Александр Леонидович – соискатель механико-математического факультета, Московский государственный университет им М.В. Ломоносова, Москва, Россия. E-mail: karabachinsky.a@mail.ru

МЕЗЕНЦЕВ Геннадий Николаевич – профессор, Международная славянская академия, Москва, Россия. E-mail: mezentsev.gn@yandex.ru

ЦЕЛУЙКО Сергей Иванович – кандидат экономических наук, сопредседатель правления МОО «Русский Мир», Москва, Россия. E-mail: sceluiko@mail.ru

Author information:

KARABACHINSKIY Alexander Leonidovich – PhD student, faculty of mechanics and mathematics of Moscow State University named M.V. Lomonosov, Moscow, Russia. E-mail: karabachinsky.a@mail.ru

MEZENTSEV Gennady Nikolaevich – Professor, The Internation Slavic Academy, Moscow, Russia. E-mail: mezentsev.gn@yandex.ru

TSELUYKO Sergey Ivanovich – PhD of Economic Sciences, the co-Chairman of IPO «Russian Peace», Moscow, Russia. E-mail: sceluiko@mail.ru

УДК 658:004

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ УПРАВЛЕНИЯ КАЧЕСТВОМ В СФЕРЕ ОКАЗАНИЯ СПОРТИВНЫХ УСЛУГ ДЛЯ ДЕТЕЙ

Л.Ф. Гараникова, П.Г. Каракетов, А.А. Воронова

ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», г. Тверь

В статье рассматриваются актуальные вопросы качества оказания спортивных услуг для детей. Предложен механизм внедрения системы управления качеством в сфере оказания спортивных услуг для детей.

Ключевые слова: *система управления качеством, спортивные услуги, качество.*

DOI: 10.46573/2409-1391-2020-3-114-117

В настоящее время качество является одним из основополагающих показателей повышения уровня жизни и экономической, социальной и экологической безопасности. Согласно стандартам ИСО (ISO) серии 9 000, под качеством следует понимать степень соответствия совокупности присущих характеристик требованиям [1]. На сегодняшний день в условиях экономической нестабильности проблема качества предоставляемых услуг в сфере спорта становится все более значимой. В связи с продолжением действия мероприятий по предупреждению распространения коронавирусной инфекции (COVID-19) спортивные школы и секции не могут оказывать свои услуги в полном объеме, что делает проблему совершенствования качества услуг в сфере спортивных услуг для детей еще более актуальной.

Целью исследования является определение мер по совершенствованию управления качеством в сфере оказания спортивных услуг для детей.

В условиях глобализации ведущие российские футболисты и другие спортсмены часто стремятся переходить в зарубежные клубы. Это также обостряет необходимость наиболее эффективной и динамичной подготовки квалифицированного спортивного резерва, чего можно достичь, сосредоточив внимание на улучшении качества учебного и тренерского процессов. В данной статье рассматриваются вопросы качества предоставления спортивных услуг для детей. Предложен механизм внедрения системы менеджмента качества (СМК) при оказании спортивных услуг детям [2].

Основная проблема – это построение долгосрочного обучения. Спортивные игры не включают в себя объективно измеряемый результат, отсюда возникает сложность в подготовке спортсменов. Высокие спортивные достижения зависят от множества факторов. Все последние годы в исследованиях молодежного спорта акцент делался на улучшении системы резервных тренировок, что на практике продемонстрировало свою неэффективность [4]. На основе этого и возникает ряд нерешенных вопросов в области спорта, в том числе и футбола, а также появляются проблемы практического характера, которые, в свою очередь, влияют на проблему формирования долгосрочного обучения.

Как отмечает И.И. Переверзев, для решения данного вопроса нужно вести постоянный учет ряда критериев у молодых футболистов. Это такие критерии, как возраст, физическое строение тела, двигательная активность [3].

Поскольку не существует норм нагрузок в тренировках по специфике спорта, эффективность проведения тренировочного процесса крайне сложно контролировать. Возрастные диапазоны и доминирующие факторы, которые определяют категорию подготовки, не учитывались до сегодняшнего дня во время подготовки спортивного резерва. Отсюда возникают и ограничения в контроле эффективности тренировочного процесса. Стоит отметить, что, с одной стороны, наука не стоит на месте и появляется много научных наработок в указанной сфере, но, с другой стороны, нет четкого механизма, который позволит внедрить данные наработки в тренировочный процесс для его оптимизации и успешного применения.

В целях совершенствования содержания и структуры системы подготовки спортивного резерва по футболу требуется разработать методы учета результатов научных исследований, тестирования, технологии отбора, адаптации и реализации собранной информации.

Научные публикации, связанные с проблемой обеспечения качества услуг, посвящены рассмотрению различных аспектов. В них затрагиваются вопросы по организации управления качеством, сбору информации для сопоставления и противопоставления отечественной и мировой практик в футболе, а также использованию различных методов контроля и управления качества и др. В данной статье описываются разработки по организации СМК продукции на предприятиях различных отраслей народного хозяйства в международных стандартах ISO 9 000. Стандарты устанавливают цели и задачи функционирования и формирования СМК, позволяющие вводить и разрабатывать это на практике, способные обеспечивать достаточный уровень качества продукции и услуг с учетом условий конкретных предприятий. Но не всегда методические разработки и научные материалы содержат теоретически обоснованные и практически выполняемые рекомендации по созданию организационно-экономического механизма обеспечения и управления качеством продукции (услуг). В исследуемой области не хватает подобных организационных и методологических инструментов [5].

Понятие «управление качеством услуг» обозначает целенаправленное комплексное воздействие на факторы, которые влияют на показатели качества услуг. Система менеджмента качества осуществляется с помощью процессов, происходящих в рамках определенных функций. Она будет эффективной и рабочей только в том случае, если процессы, ресурсы, процедуры будут применены в определенной последовательности и потребуется координация составляющих ее процессов. Под системой понимается больше, чем сумма процессов [4].

Теперь проанализируем деятельность и оценим управление качеством в молодежном футболе на примере академии «Витязь-Тверь».

Обязательный элемент академии «Витязь-Тверь» – политика в сфере качества, которая выражается в самой стратегии, главных утверждениях, тенденциях, задачах и возможностях процветания академии.

Данный элемент ориентирован на удовлетворение основных условий клиента. Этого можно достичь методом постоянной работы над повышением уровня квалификации работников. Нужно соблюдать следующие требования:

придерживаться на всех уровнях основных положений национальных и международных стандартов в области качества;

выполнять главные требования по сертификации академии, что является залогом успешного существования на рынке труда.

Качество оказываемых услуг, динамическая составляющая процессов инновации, квалифицированная стратегия в области ценообразования, компетентность и актуальный подход к подготовке квалификации работников – все эти критерии на сегодняшний день дают возможность академии «Витязь-Тверь» быть надежным партнером для потенциальных клиентов на территории Тверского региона.

В то же время четко выработанной и регулярно функционирующей СМК в данной компании нет. По этой причине следует перестроить работу уже существующих отделов для последующего осуществления концепции. Наше направление работы включает в себя решение четырех задач [1].

Первоочередная задача связана с разработкой критериев и стратегий управления качеством. Под управлением качеством любого объекта принимаются конкретная стратегия и цель, достигаемая в процессе управления. Любая разработка критериев для оптимального управления организационным процессом осложняется наличием большого количества неопределенностей технико-экономического характера.

Вторая задача заключается в создании обратной связи, которая будет обеспечивать реализацию стратегии управления. Если появляются отклонения, то сразу же принимаются меры по их устранению. Системы стандартизации и оптимизации занимаются наблюдением за внедрением элементов обратной связи в СМК. На каждом уровне управления качеством определяется обратная связь. Следовательно, в СМК обратная связь является одним из сложных критериев [1].

Третья задача – определение резервов организации. В системе управления появляются нештатные ситуации, например аварии или незапланированная поломка оборудования. Для таких ситуаций организация закупает специальный инвентарь, оборудование и технику.

Четвертая задача связана с учетом роли человеческого фактора. Человек – это «активная система» со своими желаниями и целями. Системы с участием человека принимаются как сложные, и их эффективность зависит от психологических факторов во всех отношениях. Последнее детерминирует необходимость определения факторов мотивации и адаптации людей на рабочем месте.

В заключение акцентируем внимание на том, что решающим фактором в успешной деятельности организации является предоставление услуг высокого качества на рынке труда. Чтобы удержаться на рынке, быть конкурентоспособным и обеспечивать качество жизни, нужно следовать данному принципу.

Конкуренция на рынке постоянно усиливается с высокой долей непредсказуемости. В связи с этим методы управления качеством должны учитывать динамичный и постоянно развивающийся характер рынка, что

требует постоянного самосовершенствования и улучшения организационных условий и структур управления.

Соблюдение этих требований приведет к естественному увеличению роли системы качества предприятия. Для того чтобы решить проблемы с качеством предоставления услуг, необходимо предпринять комплекс правовых, социальных, экономических и организационно-технических мер, которые будут направлены на его улучшение.

Библиографический список

1. Зекунов А.Г. Управление качеством: учеб. пособие. М.: Юрайт, 2018. 475 с.
2. Круглова Т.Э. Спортивный менеджмент: уч.-метод. пособие. СПб.: СПбГУФК им. П.Ф. Лесгафта, 2014. 120 с.
3. Переверзин И.И. Менеджмент спортивной организации. М.: СпортАкадемПресс, 2015. 244 с.
4. Челнокова В.М. Управление качеством: учеб. пособие. СПб.: СПбГАС, 2014. 135 с.
5. Юрасова М.В. Современные подходы к управлению качеством // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 18. Социология и политология. 2015. № 1. С. 112–125.

IMPROVING QUALITY MANAGEMENT IN THE PROVISION OF SPORTS SERVICES FOR CHILDREN

L.F. Garanikova, P.G. Karaketov, A.A. Voronova

Tver State Technical University, Tver

The article discusses topical issues of the quality of the provision of sports services for children. A mechanism is proposed for introducing a quality management system in the provision of sports services for children.

Keywords: *quality management system, sports services, quality.*

Об авторах:

ГАРАНИКОВА Лидия Федоровна – кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики и управления производством ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», Тверь, Россия. E-mail: garanikoval@mail.ru

КАРАКЕТОВ Павел Георгиевич – магистрант кафедры экономики и управления производством ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», Тверь, Россия. E-mail: pasha19kar@yandex.ru

ВОРОНОВА Анастасия Александровна – магистрант кафедры экономики и управления производством ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», Тверь, Россия. E-mail: nastyabird@mail.ru

Author information:

GARANIKOVA Lidiya Fedorovna – PhD of Economic sciences, Associate Professor, Department of Economics and Production Management, Tver State Technical University, Tver, Russia. E-mail: garanikoval@mail.ru

KARAKETOV Pavel Georgievich – undergraduate Department of of Economics and Production Management, Tver State Technical University, Tver, Russia. E-mail: pasha19kar@yandex.ru

VORONOVA Anastasia Aleksandrovna – undergraduate Department of of Economics and Production Management, Tver State Technical University, Tver, Russia. E-mail: nastyabird@mai

ПРАВИЛА ПРЕДСТАВЛЕНИЯ СТАТЕЙ ДЛЯ ПУБЛИКАЦИИ В ЖУРНАЛЕ

Статья должна отвечать тематике основных разделов журнала и содержать ранее не публиковавшиеся результаты исследований. Объем статьи – от 5 до 16 полных страниц формата А4. Статья должна сопровождаться метаданными и иметь библиографический список. Состав авторского коллектива не должен превышать четырех человек.

Не допускается дословное цитирование без кавычек чужих и своих источников; допускается опубликование ранее опубликованных иллюстраций и уравнений, если это требуется для понимания текста. Иллюстрации из чужих источников нежелательны, кроме случаев, когда без их дублирования статью невозможно понять; в этом случае они должны быть снабжены ссылками на эти источники. Статья должна содержать новые научные результаты и соответствовать тематике журнала.

Библиографический список не должен превышать 15 (для обзорных статей – 25) наименований: приводятся только источники, на которые есть ссылки в тексте (ссылки на неопубликованные и нетиражированные работы не допускаются). При этом ссылки на собственные публикации не должны преобладать (желательно, чтобы их количество не превышало 25 % от общего числа ссылок).

Представление статей на бумажном носителе и сопровождающих их материалов осуществляется по адресу редакционной коллегии. К сопровождающим материалам относятся метаданные статьи и заполненная форма лицензионного договора.

Метаданные статьи необходимы для помещения статьи в Российскую электронную научную библиотеку и включают тематический рубрикатор – УДК; название, аннотацию, ключевые слова, сведения об авторах (ФИО полностью, должность, место работы каждого автора, адрес электронной почты для каждого автора, SPIN-код), библиографический список по ГОСТ 7.1-84 на русском языке; название, аннотацию, ключевые слова, сведения об авторах на английском языке.

При подаче статьи для публикации в журнале авторы должны заключить *лицензионный договор* с Тверским государственным техническим университетом о предоставлении права использования произведения. Форма договора представлена на сайте ТвГТУ в разделе «Вестник ТвГТУ». Представление электронных версий статей и метаданных осуществляется по адресу электронной почты: vestnik-tstu@mail.ru. Электронная версия должна содержать один файл, подготовленный с использованием редактора Microsoft Word.

Файл с названием ФИОавтора.doc (указывается фамилия первого автора) содержит текст и метаданные статьи.

Параметры страницы: формат А4, ориентация – книжная, поля – все по 25 мм, переплет – 0 см, отступ на колонтитулы – 1,25 см.

Параметры форматирования текста: шрифт – Times New Roman, размер шрифта – 12 пт, абзацный отступ – 1,25 см (не задавать пробелами), выравнивание – по ширине, междустрочный интервал – одинарный; заголовок – полужирным с выравниванием по тексту прописными буквами; перед заголовком статьи – УДК без отступа. Далее пропуск одной строки, после заголовка пропуск одной строки, затем пропуск одной строки, далее инициалы и фамилии авторов – шрифт полужирный курсив, между инициалами имени и отчества после точки пробел не ставится. Затем пропуск одной строки, затем текст, после текста – пропуск строки и библиографический список.

Не допускаются два и более пробела, табуляция, форматирование красной строки с использованием табуляции, автонумерация (нумерованных и маркированных списков), автоматическое проставление сносок, нумерация страниц.

Формулы: все формулы должны быть набраны с использованием редактора **Microsoft Equation**, расшифровка обозначений в формулах обязательна.

Дополнительные требования: единственная таблица, рисунок и формулы, на которые нет ссылок, не нумеруются; должны различаться тире (длинное) и дефис (короткий); между инициалами и фамилией (А.С. Пушкин), между числом и единицей измерений (96 км/ч) и перед сокращениями должен стоять неразрывный пробел (Shift + Ctrl + пробел); ссылки на рисунки и таблицы по тексту обязательны; ссылки на библиографические источники приводятся в квадратных скобках.

Нумерация рисунков сквозная по тексту статьи: Рис. 1. Название (точка в конце названия не ставится). В случае одного рисунка наименование «Рис.» перед названием не ставится. Для таблиц нумерация сквозная по тексту: Табл. 1. Название (точка в конце названия не ставится).

Все рукописи проходят проверку системой «Антиплагиат.ВУЗ»

Редакционная коллегия:

Рассадин Сергей Валентинович – главный редактор, кандидат философских наук, доцент, профессор кафедры психологии и философии ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет»

Филиппченкова Светлана Игоревна – зам. главного редактора, доктор психологических наук, доцент, профессор кафедры психологии и философии ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет»

Дьяченко Ярослав Олегович – ответственный секретарь, кандидат философских наук, доцент кафедры психологии и философии ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет»

Члены редакции:

Евстифеева Елена Александровна – доктор философских наук, профессор, зав. кафедрой психологии и философии ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет»

Майкова Элеонора Юрьевна – доктор философских наук, профессор, зав. кафедрой социологии и социальных технологий ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет»

Буланов Владимир Владимирович – доктор философских наук, доцент кафедры философии и психологии с курсами биоэтики и истории Отечества ФГБОУ ВО «Тверской государственный медицинский университет»

Михайлов Валерий Алексеевич – доктор философских наук, профессор, зав. кафедрой социологии ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет»

Сиротюк Алла Леонидовна – доктор психологических наук, профессор, зав. кафедрой дошкольной педагогики и психологии ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет»

Рубцова Надежда Евгеньевна – доктор психологических наук, доцент, главный специалист Управления координации научных исследований Российской академии образования (г. Москва)

Артемьев Алексей Анатольевич – доктор экономических наук, профессор, декан инженерно-строительного факультета ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет»

Розов Дмитрий Викторович – доктор экономических наук, профессор кафедры экономики и управления производством ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет»

Беденко Надежда Николаевна – доктор экономических наук, зав. кафедрой экономики предприятия и менеджмента ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет»

Казак Тамара Владимировна – доктор психологических наук, профессор кафедры инженерной психологии и эргономики Белорусского государственного университета информатики и радиоэлектроники (Республика Беларусь, г. Гомель)

Газнюк Лидия Михайловна – доктор философских наук, зав. кафедрой гуманитарных наук Харьковской государственной академии физической культуры (Украина, г. Харьков)

Учредитель: ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет».

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Регистрационный номер: серия ЭЛ № ФС 77 – 74959 от 25.01.2019 года.

Индексируется в базе данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).

Адрес редакции: 170026, г. Тверь, наб. А. Никитина, д. 22, каб. 425А.

Телефон редакции: (4822) 784190, доб. 1, адрес электронной почты: vestnik-tstu@mail.ru